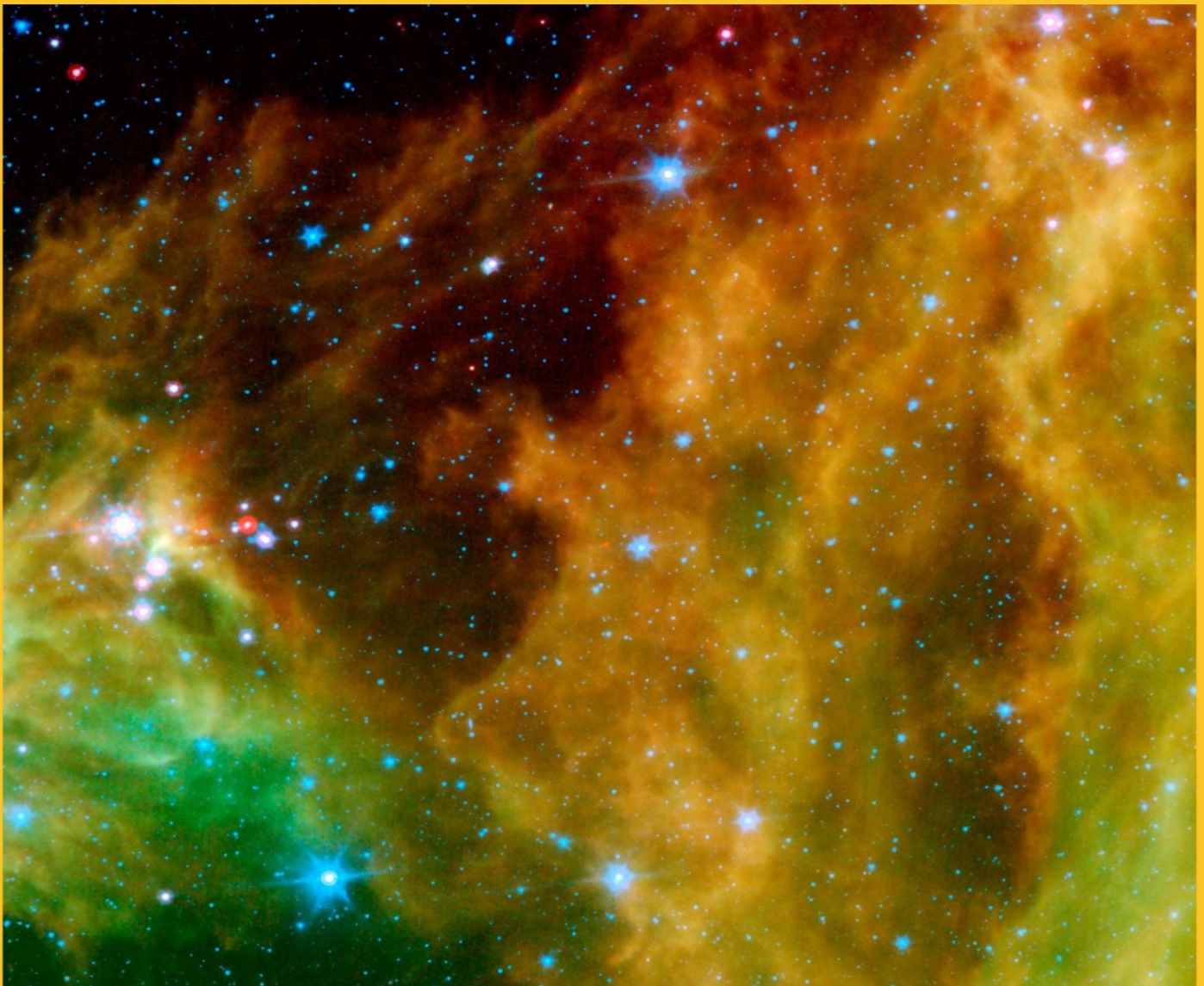

SEPTEMBER 2026 | ISSUE #9(1)

INTERNATIONAL JOURNAL OF PROFESSIONAL SCIENCE

.....

INTERNATIONAL SCIENTIFIC JOURNAL

SCIPRO.RU

ISSN 2542-1085

SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

UDC 001
LBC 72

International Journal Of Professional Science: international scientific journal, Nizhny Novgorod, Russia: Scientific public organization “Professional science”, №9(1) - 2026. 287 p.

ISSN 2542-1085

International journal of Professional Science is the research and practice edition which includes the scientific articles of students, graduate students, postdoctoral students, doctoral candidates, research scientists of Russia, the countries of FSU, Europe and beyond, reflecting the processes and the changes occurring in the structure of present knowledge.

It is destined for teachers, graduate students, students and people who are interested in contemporary science.

All articles included in the collection have been peer-reviewed and published in the form in which they were presented by the authors. The authors are responsible for the content of their articles.

The information about the published articles is provided into the system of the Russian science citation index – RSCI under contract № 2819-10/2015K from 14.10.2015

The electronic version is freely available on the website <http://scipro.ru/ijps.html>

UDC 001

LBC 72

Editorial team

Chief Editor – Krasnova Natalya, PhD, assistant professor of accounting and auditing the Nizhny Novgorod State University of Architecture and Construction. (mail@nkrasnova.ru)

Zhanar Zhanpeisova — Kazakhstan, PhD

Khalmatova Barno Turdyhodzhaeva — Uzbekistan, MD, Professor, Head of the Tashkent Medical Academy

Tursunov Dilmurat Abdullazhanovich — Kyrgyzstan, PhD, Osh State University

Ekaterina Petkova, Ph.D Medical University — Plovdiv

Stoyan Papanov PhD, Department of Pharmacognosy and pharmaceutical chemistry, Faculty of Pharmacy, Medical University — Plovdiv

Materials printed from the originals filed with the organizing committee responsible for the accuracy of the information are the authors of articles

Editors N.A. Krasnova, 2026

Article writers, 2026

Scientific public organization
“Professional science”, 2026

Table of contents

INTRODUCTION	6
CULTURAL STUDIES AND ART	9
Agadzhanova E. The Limited Perspective: A Typology of Adaptations of Classics in Contemporary Russian Theatre and Cinema	9
Masterov O.V. Normative Reconfiguration of the Genre: Legislative Restrictions on the Participation of Accused Persons' Families in Talk Shows as a Factor in Restructuring the Dramaturgical Core	22
Masterov O.V. The Limits of Algorithmic Empathy: Why Neural Networks Do Not Yet Replace Humans in Conversational Media Genres	35
Smakotina N.A. Mechanisms of Interdiscursive transformation of Knowledge in Contrasting Reddit Communities	48
ECONOMICS AND MANAGEMENT	56
Katkova N.M., Chigvintseva M.A. Eco-friendly public procurement as a factor of sustainable economic growth	56
Khalutornykh O.D. Methodological contradictions in cryptocurrency accounting under IFRS	64
Knyazev A.A., Belyak O.Y. Superservices in Russia: how the government develops digital services for citizens	69
Levin B.G. Regional differentiation of creative industries in the North Caucasus federal district: a comparative analysis of development models	83
Popov Y.A. Modern approaches to employee motivation based on combining economic and non-financial incentives	87
Popova J.A. Methodological approaches and practical algorithms for consolidating the financial statements of a group of companies under IFRS	99
Reshetinskaya K.A. Brand safety in digital advertising: risk management tools and their impact on media planning effectiveness	113
Tuchkov V.A., Varzugin A.A. The Transformation of Regional Specialization in Modern Russia	122
EDUCATION AND PEDAGOGY	126
Balashova E.V. Continuing professional education of seafarers of the civil fleet	126
Kustova V.A. From a cultural stereotype to a testable hypothesis: a practice-oriented model for teaching intercultural communication to PR students	135
Trofimenko Yu.V., Tomina D.A. Methodological toolkit: organizing inquiry-based activities in mathematics lessons through the prism of historical context	153
Zasukhina A.I. Preparation of 10th–11th grade students for the regional and final stages of the all-russian school olympiad in the chinese language	162
INTERNATIONAL RELATIONS AND DIPLOMACY STUDIES	174
Qurbonzoda Z.M. 35 years of independence – 35 major achievements of Tajikistan: a path of creation, sustainable development and national progress. Part I	174
Qurbonzoda Z.M. 35 years of independence – 35 major achievements of Tajikistan: a path of creation, sustainable development and national progress. Part II	198

JURISPRUDENCE AND LAW	220
Dmitrieva P.V. The legality of creating fan works.....	220
Kolodyazhny D.O. A settlement agreement as a rehabilitation procedure for preserving the only home in a bankruptcy case	227
Zhannina Y.A., Shapiro L.G. Improving the methods of criminalistic investigation of jewelry with signs of falsification	233
PSYCHOLOGY AND PSYCHOTHERAPY	239
Fedoseeva N.M. The problem of loneliness in old age	239
Kotkina A.L. The relationship between defense mechanisms and styles of conflict behavior: results of a pilot study	246
REVIEWS AND ANALYSIS	251
Sukharev D. The 2025 elections in the context of reduced political competition.....	251
SOCIAL WORK AND SOCIAL POLICY	260
Arno V.V., Kolesnichenko E.P., Elnikova E.A., Remizov N.A. The rotational shift method as a social institution: impact on family, health and professional identity of employees of gold mining enterprises in the Magadan Region	260
Arno V.V., Kolesnichenko E.P., Semykin E.S., Sharov P.E. Circular economy in mining as a social project: employment and public perception of technogenic deposit reprocessing	270
Dmitriev I.D. Professional identity in the field of sociology of management.....	279
CONCLUSION	286

INTRODUCTION

Modern scientific knowledge evolves amidst rapid technological, socio-economic, and cultural changes. The digitalization of societal processes, the proliferation of artificial intelligence, the transformation of professional practices, the renewal of educational approaches, and an increased focus on sustainable development all call for interdisciplinary analysis. The studies presented in Issue 9(1) of the *International Journal of Professional Science* reflect a wide range of pressing scientific issues and demonstrate the authors' commitment to combining theoretical analysis with the search for practical solutions.

The "Cultural Studies and Art History" section focuses on changes occurring within contemporary culture and the media landscape. The authors examine the adaptation of classical works for theater and cinema, analyze how regulatory constraints transform the dramatic principles of television genres, and explore the potential and limitations of using neural network technologies in conversational media genres. Particular attention is paid to the mechanisms of knowledge transformation and dissemination within digital communities. These studies trace how traditional cultural forms interact with new media technologies, algorithmic systems, and evolving communication models.

Issues related to economics and management are the most extensively represented in this issue. Research in this section covers topics such as environmentally oriented public procurement, the digitalization of public services, the development of creative industries, personnel motivation, financial accounting, and corporate reporting. Significant emphasis is placed on sustainable economic growth, regional specialization, and risk management within the digital advertising environment.

The relevance of this research stems from the need for organizations and public institutions to adapt to new economic and technological conditions. The development of "super-services" is transforming the nature of interactions between citizens and government agencies; the proliferation of digital assets is creating new methodological challenges in accounting; and the growing importance of brand safety necessitates the refinement of media planning tools. At the same time, there remains a need to enhance human resource management efficiency through a balanced mix of financial and non-financial incentives. The articles presented here demonstrate that the resilience of modern organizations depends not only on financial metrics but also on the quality of management decisions, the ability to account for environmental and social factors, and a readiness to operate in a rapidly changing

digital environment.

The "Education and Pedagogy" section examines ways to modernize educational content and teaching technologies. The authors address issues such as continuing professional education for civil fleet specialists, the development of intercultural competence among students, the organization of research activities for schoolchildren, and student preparation for intellectual competitions. A common thread running through these studies is a practice-oriented approach, which emphasizes active student participation in the learning process and the application of acquired knowledge to solve specific academic and professional problems.

The integration of historical and cultural contexts into the educational process is of particular interest. This approach fosters not only the mastery of subject matter but also the development of critical thinking, research autonomy, and the ability to challenge established views. The materials in this section underscore the need for the continuous updating of methodological tools, the differentiation of instruction, and the creation of conditions for ongoing professional development.

International and country-specific issues are addressed through a study of Tajikistan's historical trajectory, socio-economic transformations, and major achievements during its period of independence. The material, presented in two parts, offers a systematic overview of the country's key development areas and highlights the significance of long-term reforms for national progress. The "Jurisprudence and Law" section analyzes issues arising at the intersection of law, creativity, property interests, and expert practice. The legality of creating fan-made works is examined within the context of intellectual property protection and the evolution of modern participatory culture. A study of settlement agreements as a rehabilitation procedure addresses the challenge of balancing the interests of bankruptcy case participants with the protection of citizens' socially significant rights. A paper on the forensic examination of jewelry explores ways to improve expert methods for detecting signs of falsification.

The issue's psychological studies focus on loneliness in old age, psychological defense mechanisms, and individual behavioral styles in conflict situations. The issues addressed hold both theoretical and significant practical value. Their study deepens our understanding of psychological well-being, individual adaptive resources, and the factors determining the choice between constructive and non-constructive interaction models.

The "Social Work and Social Policy" section brings together research on labor relations, professional identity, and the social consequences of industrial and economic changes. The rotational work method is analyzed not merely as a form of work organization but as a social

institution influencing workers' health, family relationships, and professional self-perception. Issues regarding the circular economy in the mining industry are examined from the perspectives of employment and public perception of the processing of man-made deposits. The section concludes with a study on professional identity within the sociology of management, shedding light on the nuances of professional self-determination among specialists amidst evolving management practices.

Thus, the materials in *International Journal of Professional Science* No. 9(1) reflect a wide spectrum of contemporary scientific fields. Despite this thematic diversity, the published articles are united by a focus on the transformational processes occurring in culture, the economy, management, education, law, psychology, and the social sphere. The interdisciplinary nature of the issue fosters professional dialogue and facilitates the search for comprehensive answers to pressing scientific and practical questions.

With best wishes and warm regards,
Editor-in-Chief
International Journal of Professional Science
Krasnova N.A.

CULTURAL STUDIES AND ART

UDC 82.091 + 792.01 + 791.43

Agadzhanova E. The Limited Perspective: A Typology of Adaptations of Classics in Contemporary Russian Theatre and Cinema

Ограниченность взгляда: типология адаптаций классики
в современном российском театре и кино

Agadzhanova Ekaterina

Student, Institute of Human Philosophy, Herzen State Pedagogical University of Russia,
Saint Petersburg, Russian Federation.
Агаджанова Екатерина Дмитриевна
Студент, институт Философии человека,
ФГБОУ ВО РГПУ им. А. И. Герцена,
РФ, г. Санкт-Петербург

Abstract. Russian theatrical and cinematic adaptations of classical literature in the 2010s–2020s increasingly function less as a dialogue with the original text and more as an instrument of directorial self-identification. This article analyzes the formal mechanisms of this adaptive shift through the lens of film and stage adaptations of works by N. V. Gogol, A. P. Chekhov, M. A. Bulgakov, A. S. Griboyedov, and W. Shakespeare. The concept of “limited perspective” (latent, simulated, and reflexive) is introduced and operationalized to distinguish between productive reinterpretation and interpretive appropriation. The empirical corpus comprises 17 adaptations (12 stage productions and 5 films created between 1977 and 2024); the analysis employs comparative hermeneutics and draws on the actor-network concept of formal agency. Recurring formal symptoms are identified: reduction of polyphony, reallocation of narrative emphasis toward directorial trauma, didactic endings, and technocratic fetishism. The article argues that latent and simulated limitations narrow the hermeneutic field, whereas reflexive limitation can facilitate dialogic adaptation.

Keywords: adaptive shift, theater, cinema, limited perspective, interpretive appropriation, formal resistance, formal agency, dialogic reception.

Аннотация. Российские театральные и кинематографические адаптации классики 2010–2020-х годов всё реже функционируют как диалог с оригиналом и всё чаще служат инструментом режиссёрской самоидентификации. В статье анализируются формальные механизмы этого адаптационного сдвига на материале экранизаций и постановок по произведениям Н. В. Гоголя, А. П. Чехова, М. А. Булгакова, А. С. Грибоедова и У. Шекспира. Вводится и операционализуется понятие «ограниченность взгляда» (латентная, симулированная и рефлексивная), позволяющее различать продуктивное переосмысление и интерпретационный захват. Эмпирическая база состоит из 17 адаптаций (12 спектаклей и 5 фильмов, созданных в 1977–2024 гг.); анализ выполнялся методом сравнительной герменевтики и с опорой на акторно-сетевую концепцию агентности формы. Выявлены повторяющиеся формальные симптомы: редукция полифонии, перераспределение акцентов в пользу режиссёрской травмы, дидактические финалы и технократический фетишизм. Аргументируется, что латентная и симулированная ограниченность сужают герменевтическое поле, тогда как рефлексивная ограниченность может способствовать диалогической адаптации.

Ключевые слова: адаптационный сдвиг, театр, кинематограф, ограниченность взгляда, интерпретационный захват, формальное сопротивление, агентность формы, диалогическая рецепция.

Рецензент: Лебедева Надежда Анатольевна - доктор философии в области культурологии,
член Евразийской Академии телевидения и радио, профессор философии МКА
(International Personnel Academy, Germany)

Введение

В финале фильма «Мастер и Маргарита» (2024) Воланд не уходит в булгаковскую недоговорённость — он произносит прямой монолог о цене творчества. М. Локшин, как и другие режиссёры, дописал классика. За последние годы российские экранизации и спектакли по Гоголю, Чехову, Шекспиру всё чаще заканчиваются там, где оригинал молчит. Это не просто эстетический тренд — это адаптационный сдвиг: театр и кино перестали репрезентировать суть произведения, заложенную автором, и начали демонстрировать ограниченность собственного взгляда.

В профессиональной среде вопрос о «верности оригиналу» во многом утратил эвристическую ценность; исследовательский фокус смещается к тому, какие формальные решения выявляют авторский жест и какие факторы побуждают постановщиков нарушать канон определённым образом. Решение этих задач требует выхода за пределы сугубо поэтического анализа. Современная природа адаптации определяется не только эстетическими предпочтениями, но и инфраструктурой культурного производства: платформенная конкуренция за внимание, кризис «больших нарративов», необходимость символической легитимации в профессиональном поле превращают классику в ресурс авторской самоидентификации. В настоящей работе адаптация классики понимается как пространство, в котором формальные решения (монтаж, ритм, работа с второстепенными линиями) выступают маркерами не только эстетики, но и психологии авторского жеста.

Исходное предположение исследования состоит в том, что структурная мутация современных сценических и экранных практик проявляется в смещении акцента с репрезентации мира на демонстрацию авторской позиции. Радикальные адаптации обусловлены не столько внутренней логикой текста, сколько потребностью режиссёра заявить о себе как о «подлинном» читателе канона. Для проверки данного тезиса используются герменевтический анализ визуальных и драматургических структур, акторно-сетевая оптика (в понимании агентности формы) и культурно-психологическая интерпретация режиссёрских решений.

Материал и методы

Эмпирическую базу исследования составили 12 театральных постановок и 5 кинематографических адаптаций, созданных в период с 1977 по 2024 год. Хронологический диапазон включает работы, оказавшие существенное влияние на профессиональное обсуждение адаптаций классики в России и задающие рамки для анализа изменений 2010–2020-х годов.

Принципы отбора материала:

- **Хронологический принцип:** включены работы, позволяющие проследить

динамику подходов к адаптации от позднесоветского периода до цифровой эпохи (1977–2024 гг.).

– **Институциональный принцип:** учитывались постановки ведущих театров (в частности, Театр на Таганке, Театр Наций) и фильмы, получившие заметный резонанс в профессиональном сообществе и медиа.

– **Жанровый принцип:** в корпус вошли адаптации произведений Н. В. Гоголя, А. П. Чехова, М. А. Булгакова, А. С. Грибоедова и У. Шекспира как ключевых авторов театрального и кинематографического канона.

В корпус, в частности, входят: телеверсия «Мастера и Маргариты» В. Бортко (2005), фильм «Мастер и Маргарита» М. Локшина (2024), постановка Ю. Любимова по роману Булгакова (Театр на Таганке, 1977), постановки К. Богомолова («Три сёстры», 2017; «Борис Годунов»; «Горе от ума», 2019), постановки Ю. Бутусова («Ревизор»), спектакль Д. Крымова «Горе от ума» (Театр Наций, 2018), ряд современных интерпретаций пьес А. П. Чехова и трагедий У. Шекспира.

Методы исследования:

1. **Сравнительная герменевтика.** На материале записей спектаклей и фильмов выделялись повторяющиеся формальные приёмы: типы монтажных стыков, изменение темпоритма, появление персонажей-комментаторов, редукция или экспансия второстепенных сюжетных линий. Далее эти приёмы сопоставлялись с предложенной типологией «ограниченности взгляда».

2. **Акторно-сетевая оптика.** С опорой на акторно-сетевую теорию анализировались точки, в которых сценическая или экранная технология (вращающаяся платформа, видеопроекции, звуковые лейтмотивы, монтаж) начинала самостоятельно влиять на темпоритм и смысловые акценты, выступая не как иллюстрация драматургии, а как равноправный участник смыслопорождения.

3. **Интерпретационный анализ.** Интерпретация опиралась на сопоставление режиссёрских решений с оригинальными текстами и данными профессиональной критики (рецензии, интервью, аналитические статьи).

Исследование носит качественный и эвристический характер; полученные результаты не претендуют на статистическую репрезентативность, но задают рамку для дальнейших количественных и ресептивных исследований.

Теоретическая рамка: от мимесиса к экспозиции ограниченности

Классическая эстетика воспринимала театр и кино как пространство мимесиса, где форма должна служить проводником к некоторому общему порядку смысла. Предполагалась прозрачность медиума и относительная «скромность» режиссёрской фигуры. Во второй половине XX века эта модель трансформируется под влиянием

нескольких взаимосвязанных процессов.

Во-первых, утрата доверия к «большим нарративам», описанная Ж.-Ф. Лиотаром, объясняет, почему адаптации перестают стремиться к восстановлению целостного мира произведения. Во-вторых, описанный Х.-Ч. Ханом «капитализм прозрачности» формирует инфраструктурный запрос на немедленную считываемость, что выражается в сокращении пауз, упрощении психологической мотивации и тенденции к морализаторским финалам. В-третьих, алгоритмическая логика платформенного распространения, анализируемая Й. ван Дейк, влияет на монтажный ритм и композиционную сжатость, подчиняя темпоральность произведения логике удержания внимания.

В такой конфигурации искусство всё чаще обращается не к репрезентации «мира», а к экспозиции собственных ограничений. Чтобы описать это состояние, вводится понятие **«ограниченность взгляда»**. Под ограниченностью взгляда понимается структурное положение автора и произведения, определяющее степень осознанности включения режиссёрской оптики в ткань классического текста. Это позволяет уйти от бинарной оппозиции «открытого» и «закрытого» произведения и выделить три режима авторского присутствия. Для удобства аналитической навигации используются рабочие метафоры, фиксирующие структурную, а не моральную оценку режима.

Типология «ограниченности взгляда»

Латентная ограниченность («режиссёр-невидимка, который уверен в собственной прозрачности, но всюду оставляет следы»). Возникает тогда, когда режиссёр воспринимает собственный взгляд как нейтральный и универсальный. Авторская оптика не артикулируется и представляется как «само собой разумеющаяся». Типичными маркерами этого режима являются стремление к буквальности и иллюстративности, минимальный монтаж, преобладание средних и общих планов, акцент на эффекте «верности» оригиналу. Телеверсия «Мастера и Маргариты» В. Бортко демонстрирует именно такой тип: режиссёр позиционирует себя как «невидимого переводчика», однако выбор интонаций, кастинг и музыкальные решения формируют определённую религиозно-нравственную оптику.

Симулированная ограниченность («режиссёр-фокусник: демонстрирует много рук, но шарик интерпретации всегда в одной»). Описывает ситуации, когда сложность декларируется, но на уровне структуры произведение жёстко управляет интерпретацией. Её маркеры: визуальная и жанровая коллажность, быстрый монтаж и активное использование крупных планов, введение вставных эпизодов, создающих видимость полифонии, сведение разнородных линий к однозначному моральному выводу. Это самый коварный режим: он маскирует монолог под полифонию. Зрителю

кажется, что перед ним сложное, многослойное высказывание, но на деле все линии сходятся к одной — режиссёрской — морали. Показателен фильм М. Локшина «Мастер и Маргарита» (2024): на уровне визуального языка создаётся впечатление многослойности, однако кульминация сводит все линии к притчевому конфликту «художник — система». Локшин, в отличие от Бортко, не скупен. Но именно поэтому его адаптация структурно опаснее: она не буквальна, а лжива в своей претензии на открытость.

Рефлексивная ограниченность («режиссёр-экскурсовод по собственным пределам: „я вижу лишь часть, а вы смотрите сами“»). Появляется там, где режиссёр не скрывает частичность своего взгляда, а выставляет её на обозрение. К её маркерам относятся фрагментарная композиция, активная театрализация и пластические решения, включение музыкальных и текстовых цитат, нарушения линейности действия и саморазоблачение театральности. Постановка Ю. Любимова по роману Булгакова (Театр на Таганке, 1977) демонстрирует именно такой тип: зритель постоянно получает напоминания о том, что имеет дело с версией, а не с «самим» романом, и вовлекается в соучастное прочтение.

Типология носит эвристический характер: в конкретных постановках режимы могут сосуществовать, а граница между симуляцией и рефлексией зависит от культурно-исторического контекста рецепции.

Формальные симптомы структурной мутации

Эмпирический анализ выделенного корпуса позволяет описать ряд устойчивых формальных симптомов, свидетельствующих о структурной мутации адаптационных практик.

Сведение полифонии к монологу. Одним из ключевых симптомов является редукция многоголосия классического текста до одной доминирующей линии. В телеверсии Бортко сохраняется многоплановая структура романа, однако акценты смещаются в сторону религиозно-нравственной притчи. В фильме Локшина полифония романа сужается до противостояния «творец — репрессивная система»; аналогичный механизм наблюдается в некоторых постановках «Ревизора», где хор гоголевских персонажей подчиняется конфликту индивидуального героя и коррумпированной среды. В современной сценической практике редукция полифонии часто сопровождается введением авторского персонажа или рамочного комментария, который «объясняет» зрителю смысл пьесы. В результате полифония превращается в иллюстрацию заранее сформулированного тезиса.

Провокация как фильтр чтения: случай К. Богомолова. Постановки К. Богомолова («Три сёстры», «Борис Годунов», «Горе от ума») используют стратегию

сознательного «взрыва» классического текста вставными монологами, резкими сменами регистров и прямыми обращениями к залу. Как отмечают исследователи, в «Трёх сёстрах» (2017) режиссёр систематически заменяет чеховские ремарки современными медийными формулами, а ключевые сцены подаются через отстранённую дикторскую интонацию. На первый взгляд подобные решения расширяют герменевтическое поле. Однако в ряде случаев провокация функционирует как фильтр чтения: провоцирующие элементы задают строго ограниченный диапазон допустимых интерпретаций. Как фиксируется в профессиональной критике и зрительских дискуссиях, работы этого типа часто вызывают реакцию «мощно, атмосферно, но думать не о чем». Аффект есть, рефлексия блокирована. В терминах предложенной типологии практика Богомолова в этих случаях иллюстрирует симулированную ограниченность взгляда.

Подчинение второстепенных линий авторской травме. Следующий симптом связан с перераспределением акцентов в пользу линий, резонирующих с личным опытом режиссёра. В фильме Локшина сцены, не вписывающиеся в матрицу травматического конфликта художника и власти, сокращаются, тогда как эпизоды, подчёркивающие мотив несвободы художника, разворачиваются с особой тщательностью. В ряде постановок «Трёх сестёр» наблюдается схожий механизм: внимание к второстепенным персонажам минимизируется, а сцены с сёстрами превращаются в последовательную иллюстрацию единой авторской идеи. Чеховская размытость акцентов заменяется жёстко артикулированным тезисом, соотносящимся с личной биографией режиссёра.

Дидактический крючок и разрушение герменевтического зазора. Классическая драматургия (в особенности у А. П. Чехова и Н. В. Гоголя) характеризуется существенным герменевтическим зазором: персонажи не формулируют прямо интерпретационные рамки, оставляя зрителю пространство для активного чтения. В современных адаптациях этот зазор нередко стремятся закрыть. Так, в некоторых постановках «Горя от ума» А. С. Грибоедова персонажам добавляются монологи, прямо формулирующие «мораль» ситуации.

В экранизациях шекспировских трагедий режиссёры вводят дополнительные комментарии или изменённые концовки, минимизирующие неоднозначность финала. В отдельных версиях «Ромео и Джульетты» трагедия превращается в иллюстрацию вреда патриархальных норм; прямые обращения к залу и вербальные комментарии подменяют сложность поэтики пьесы.

Технократический фокус на форме. Наконец, важным симптомом является технократический фетишизм: технические решения приобретают самостоятельную

ценность и начинают определять структуру произведения. Это проявляется в избыточном использовании мультимедийных экранов, видеопроекций и сложной сценической механики, подменяющей работу с текстом. В постановке «Гамлета» с насыщенной видеопродакшн-эстетикой (Театр им. Вахтангова, 2023) монолог «Быть или не быть» сопровождается непрерывно меняющимися 3D-проекциями — то тюремных решёток, то черепов, то графиков падения ВВП. Текст произносится, но его не слышат: глаз занят движением, ухо — саундтреком. Форма здесь не интерпретирует, а замещает. Зритель выходит из зала с ощущением «было мощно», но не может сказать, почему Гамлет медлит. В подобного рода случаях форма перестаёт быть инструментом интерпретации и выступает как самостоятельный актер, отодвигая текст на второй план.

Перечисленные симптомы обычно взаимодействуют: обеднение многоголосья сочетается с перераспределением акцентов в пользу авторской травмы, дидактический финал — с технократическим фетишизмом, формируя режим латентной или симулированной ограниченности взгляда.

Стратегии присвоения: культурно-психологический срез

Переход от описания формальных симптомов к анализу мотиваций требует обращения к инфраструктуре культурного поля. В духе П. Бурдьё поле можно рассматривать как пространство борьбы за символический капитал; в контексте классики предметом этой борьбы становится право на статус «подлинного» читателя канона. В рамках культурно-психологического среза особое внимание привлекает функция травматического опыта.

В современных адаптациях он функционирует не столько как биографическая отсылка, сколько как структурный фильтр, обеспечивающий редукцию полифонии оригинала. Классический текст, обладающий устоявшимся культурным весом и сложной архитектурой, становится символическим «контейнером» для проработки личного опыта режиссёра (конфликт с институтами, экзистенциальный кризис, ощущение несвободы).

Проецирование этих переживаний на узнаваемый канонический сюжет придаёт им масштаб и легитимность, однако нередко сопровождается формальным упрощением: многоплановая драматургия сводится к бинарной оппозиции, а чеховская или булгаковская размытость акцентов заменяется жёстко артикулированной травматической матрицей.

В условиях утраты доверия к «большим нарративам» и высокой конкуренции в профессиональной среде демонстрация собственной уязвимости через работу с классикой превращается в инструмент символической самоидентификации. Режиссёр позиционирует себя не как интерпретатора, а как «подлинного» читателя канона, чей

уникальный, пусть и болезненный опыт служит универсальным ключом к тексту. Это позволяет занять отличительную позицию в поле культурного производства, где радикальное перекодирование ценится выше верности оригиналу.

Одновременно травматический фильтр выполняет инфраструктурную функцию. В логике платформенной экономики внимания травма выступает предсказуемым эмоциональным триггером, обеспечивающим немедленный аффективный отклик и компенсирующим герменевтический зазор классики. Сложная интеллектуальная работа с многоголосием заменяется понятным, эмоционально заряженным конфликтом, что оптимизирует текст под алгоритмические метрики удержания аудитории. Параллельно переживание утраты контроля, характерное для травматического опыта, транслируется на режиссёрский жест: стремление взять повествование под полный контроль реализуется через дидактические финалы, прямые монологи и закрытие альтернативных прочтений. В результате адаптация превращается в инструмент «тревожного» управления смыслом, где герменевтический зазор текста окончательно свёртывается ради единственно верной, с точки зрения автора, трактовки.

Таким образом, использование травмы в качестве единственного фильтра чтения свидетельствует о структурном запросе современной адаптационной практики на закрытые смыслы. С одной стороны, это может быть искренней попыткой осмыслить личный опыт через диалог с великим искусством; с другой — рискует превратиться в эгоцентричное присвоение, когда универсальный канон сужается до размеров личной драмы, теряя диалогический потенциал. Вопрос заключается не в наличии авторской травмы, а в том, экспонируется ли она как частичная оптика (рефлексивный режим) или маскируется под универсальный ключ (симулированный режим).

Символическая конкуренция с предшественниками. Обращаясь к Н. В. Гоголю, А. П. Чехову или М. А. Булгакову, режиссёр вступает в неявную конкуренцию как с авторами, так и с предшествующими постановками. Радикальное переписывание финала «Ревизора», введение новых сцен в «Горе от ума» или смещение акцентов в адаптациях «Мастера и Маргариты» — это не только художественные решения, но и жесты по отношению к профессиональному сообществу. Особый вариант такой стратегии представляет творчество К. Богомолова: его спектакли часто выстроены как полемика и с оригиналом, и с предшествующими сценическими версиями. Однако многослойность цитирования не всегда ведёт к диалогичности; нередко классика превращается в материал для демонстрации режиссёрской «остранённости», а интертекстуальность используется как инструмент доминирования над предшественниками.

Контроль интерпретации и «тревожное» управление смыслом. Стремление минимизировать риск «неверного» прочтения нередко выливается в усиленный контроль над интерпретацией. Это выражается в введении авторских персонажей-экспликаторов, закадровых голосов, подробно объясняющих исторический контекст, а также в изменённых финалах, где «мораль» прямо формулируется в монологе героя. Такие практики превращают адаптацию в инструмент профилактики нежелательных интерпретаций. В результате зрительская свобода чтения сокращается, а классический текст утрачивает свой герменевтический потенциал.

Адаптация-преодоление. Р. Стам предложил различать адаптацию как перевод, комментарий и аналогию. В российском контексте последних десятилетий всё более заметна тенденция к адаптации-преодолению, когда режиссёр стремится не столько интерпретировать классический текст, сколько продемонстрировать его историческую ограниченность и собственную актуальность. В этой логике Н. В. Гоголь, А. П. Чехов или М. А. Булгаков выступают как «материал для преодоления», а не как партнёры по диалогу. Л. Хатчеон подчёркивает неизбежность трансформации в процессе адаптации, но указывает на риск интерпретационного захвата, когда классика оказывается полностью подчинённой авторской оптике.

«Мастер и Маргарита»: три режима взгляда

Для проверки предложенной теоретической рамки рассмотрим три адаптации романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»: телеверсию В. Бортко (2005), фильм М. Локшина (2024) и постановку Ю. Любимова (Театр на Таганке, 1977).

Телеверсия В. Бортко: латентная ограниченность. Экранизация В. Бортко выстроена как максимально буквальный перевод романа: сохраняется последовательность эпизодов, стиль диалогов, иллюстративная визуальная манера. Преобладают средние планы, монтаж относительно нетороплив, акцент сделан на актёрской игре. Однако иллюзия прозрачного медиума скрывает определённую авторскую оптику: роман прочитывается преимущественно как религиозно-нравственная притча, где акцент смещён на мотив веры и суда. Латентная ограниченность проявляется в убеждении, что режиссёр может «не вмешиваться» в текст, тогда как на уровне интонаций, кастинга и музыкального решения присутствует вполне конкретный интерпретационный выбор.

Фильм М. Локшина: симулированная сложность. Фильм М. Локшина демонстративно отказывается от буквальной передачи текста. Быстрый монтаж, доминирование крупных планов, визуальные параллели между московскими и ершалаимскими сценами создают впечатление многослойности. Однако кульминация сводит множество линий романа к доминирующему конфликту «художник —

репрессивное общество». Статус Воланда и масштаб его вмешательства, оставленные у М. А. Булгакова в зоне недоговорённости, получают здесь однозначное прочтение. Симулированная ограниченность проявляется в том, что заявленная сложность служит маскировкой жёсткого авторского контроля над интерпретацией.

Постановка Ю. Любимова: рефлексивная оптика. Спектакль Ю. Любимова (1977) представляет иную стратегию. Пластический театр, фрагментарная композиция, использование песен и цитат формируют коллажную структуру, в которой роман выступает одним из элементов. Зритель постоянно сталкивается с напоминанием о театральности происходящего: герои выходят из ролей, сценическое пространство демонстративно «оголяется», нарушается линейная последовательность эпизодов. В данной постановке ограниченность взгляда экспонируется и рефлексится: режиссёр подчёркивает частичность своей интерпретации, не претендуя на исчерпывающее прочтение романа. В результате создаются условия для диалогической адаптации, в которой классический текст и режиссёрский жест сосуществуют как равноправные участники смыслопорождения.

Диалогическая адаптация и формальное сопротивление

Не всякое дописывание классики приводит к авторскому замыканию. Можно выделить ряд практик, в которых адаптация стремится сохранить или даже расширить поле интерпретации.

Ю. Бутусов: «Ревизор» как сон. В постановках Ю. Бутусова классический сюжет сохраняется, но помещается в пространство, сочетающее черты сна, фарса и психодрамы. Зритель слышит знакомый текст Н. В. Гоголя, однако ритм, пластические решения, повторяемость фраз и подчеркнутая театральность мизансцен смещают акценты. Формальное сопротивление направлено против привычки воспринимать классику как «готовый смысл»: структура спектакля систематически нарушает ожидания, ломает линейность и требует активного аналитического участия зрителя.

Д. Крымов: «Горе от ума» как коллаж. В спектакле Д. Крымова (Театр Наций, 2018) пьеса А. С. Грибоедова превращается в коллаж из цитат, пластических этюдов и сценических метафор. Линейный сюжет почти исчезает, а пространство спектакля заполняют пересечения, столкновения и «случайные» совпадения. Чацкий перестаёт быть однозначным носителем правды, Фамусов — однозначным носителем архаики, а сама пьеса — иллюстрацией заранее заданной идеологии. Режиссёр не заменяет текст собственным комментарным дискурсом, а усложняет структуру восприятия, оставляя зрителю существенное пространство для сборки смысла.

Практика К. Богомолова: между присвоением и диалогом. Творчество К. Богомолова демонстрирует пограничный характер. С одной стороны, эстетика быстрого

монтажа, коллажности и смешения «высокого» и «низкого» создаёт эффект открытости и кажущейся рефлексивности. С другой стороны, в ряде постановок открытость оказывается декоративной: ключевые интерпретационные акценты жёстко фиксированы режиссёрским жестом. Тем не менее отдельные эпизоды (например, в «Горе от ума», 2019) допускают подлинную неопределённость: персонажи выходят из заданной интонации, паузы не заполняются комментарием, финал остаётся не проговорённым. В такие моменты симулированная сложность переходит в рефлексивную ограниченность. Это подтверждает тезис о том, что формальная радикальность сама по себе не гарантирует диалогичности: принципиально важно, оставляет ли режиссёр пространство для зрительского со-мышления.

Чехов и Шекспир: открытость как задача. Драматургия А. П. Чехова выступает своеобразным тестом на готовность к диалогической адаптации. Постановки, в которых «Вишнёвый сад» редуцируется к притче о приватизации, а «Дядя Ваня» — к иллюстрации экологической повестки, демонстрируют, насколько легко чеховская полифония может быть сведена к одному тезису. Альтернативные версии сохраняют паузы, не подчиняют темп ритмам «досматриваемости», избегают морализаторских монологов, поддерживая открытость интерпретации. Аналогичная полярность наблюдается в постановках пьес У. Шекспира, колеблющихся между актуализирующими политическими прочтениями и версиями, ориентированными на раскрытие внутренней логики конфликтов при минимуме внешних вмешательств.

Заключение

Проведённый анализ современных театральных и кинематографических адаптаций классики показывает, что структурная мутация этих практик выражается в смещении фокуса с репрезентации внешнего мира на демонстрацию авторской позиции. Радикальное переписывание произведений Н. В. Гоголя, А. П. Чехова, М. А. Булгакова, А. С. Грибоедова и У. Шекспира в 2010–2020-х годах во многих случаях определяется не внутренней логикой оригинала, а стратегиями символического самоутверждения, встроенными в инфраструктуру культурного поля и алгоритмическую экономику внимания.

Выделенные формальные симптомы — обеднение многоголосья, перераспределение акцентов в пользу авторской травмы, дидактический финал и технократический фетишизм — демонстрируют, как латентная и симулированная ограниченность взгляда сужают герменевтическое поле. В таких случаях адаптация функционирует как форма интерпретационного захвата: классика превращается в ресурс укрепления режиссёрской идентичности, тогда как диалог со зрителем становится вторичным. Использование травмы в качестве единственного фильтра

чтения свидетельствует не о глубине диалога с канонem, а о структурной потребности современной адаптационной практики в закрытых смыслах, обеспечивающих символическую легитимацию автора и алгоритмическую считываемость текста.

Вместе с тем рассмотренные примеры диалогической адаптации и формального сопротивления показывают, что кризис репрезентации не тождественен завершению диалога. Практики режиссёров Ю. Любимова, Ю. Бутусова, Д. Крымова и отдельные работы К. Богомолова демонстрируют возможность одновременного признания собственной ограниченности и сохранения открытости классического текста. В этих случаях рефлексивная ограниченность выступает не препятствием, а условием продуктивного чтения канона.

Предложенная типология — не приговор, а диагноз. Если рефлексивная ограниченность остаётся уделом единиц, а симулированная становится нормой платформенных адаптаций, то классика перестаёт быть партнёром по диалогу и превращается в сырьё. Вопрос не в том, «верен» ли режиссёр оригиналу. Вопрос в том, оставляет ли он зрителю право на собственное непонимание. Без этого права адаптация перестаёт быть искусством и становится инструкцией. Перспективными направлениями дальнейших исследований представляются сравнительный анализ платформенных и фестивальных версий адаптаций, количественный анализ монтажного ритма и структуры планов, ресептивные исследования зрительского восприятия, а также изучение влияния цифровых форм распространения на структуру адаптаций. Уже сегодня обозначенные категории могут служить аналитическим инструментом в курсах по теории адаптации, визуальной культуре и истории режиссёрского театра.

References

1. Багдасарян О. Ю. Теоретические подходы к изучению вторичных текстов // Филологический класс. — 2014. — № 1 (35). — С. 130–139.
2. Богданова П. Б. Эпатаж и игра в спектаклях Константина Богомолова // Современная драматургия. — 2015. — № 4. — С. 201–206.
3. Болдырева Т. В. Медиаформаты постдраматического театра // Семиотические исследования. — 2021. — Т. 1, № 3. — С. 33–38.
4. Бурдьё П. Различие: Социальная критика суждения / П. Бурдьё ; пер. с фр. А. Т. Бикбова. — М. : Праксис, 2005. — 512 с.
5. ван Дейк Й. Культура соединения: Социальные медиа и повседневность / Й. ван Дейк ; пер. с англ. Д. К. Радченко. — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. — 304 с.

6. Колесникова С. А. Освоение русской классики драматическими театрами в контексте культурной идентичности региона // Наследие (Heritage). — 2019. — № 5.
7. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар ; пер. с фр. А. В. Денисова. — СПб. : Алетейя, 1998. — 160 с.
8. Лотман Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. — Таллин : Ээсти раамат, 1973. — 138 с.
9. Манович Л. Язык новых медиа / Л. Манович ; пер. с англ. Д. Кульчицкой — М. : Ad Marginem, 2018. — 376 с.
10. Плахов А. С. Рецензия на фильм «Мастер и Маргарита» // Kinorium. — URL: <https://ru.kinorium.com/text/6244-andrey-plahov-o-filme-master-i-margarita>.
11. Рогинская О. О. Классика и классики в российском театре 2000-х годов // Логос. — 2012. — № 1 (85). — С. 270–288.
12. Рыбина П. Ю. Литература на экране: базовые метафоры современной теории адаптации // Новое литературное обозрение. — 2025. — № 1.
13. Сальникова Е. В. Интерпретация классики в театре и кино: феномен осовременивания в контексте других традиций // Культура и искусство. — 2017. — № 3.
14. Стам Р. Литература через фильм: Реализм, магия и искусство адаптации / Р. Стам ; пер. с англ. И. В. Кулишиной. — М. : Новое литературное обозрение, 2010. — 384 с.
15. Хан Б.-Ч. Капитализм прозрачности / Б.-Ч. Хан ; пер. с нем. О.Савицкой. — М. : Альпина нон-фикшн, 2020. — 144 с.
16. Хатчеон Л. Теория адаптации / Л. Хатчеон ; пер. с англ. А. Смирнова. — М. : Новое литературное обозрение, 2015. — 320 с.
17. Яровой С. А. Киноинтерпретация как способ прочтения литературного произведения // Вестник Воронежского гос. университета. Серия: Филология. Журналистика. — 2023. — № 2. — С. 118–124.

UDC 070:316.77:347

Masterov O.V. Normative Reconfiguration of the Genre: Legislative Restrictions on the Participation of Accused Persons' Families in Talk Shows as a Factor in Restructuring the Dramaturgical Core

Нормативная реконфигурация жанра: законодательные ограничения участия семей обвиняемых в ток-шоу как фактор перестройки драматургического ядра

Masterov Oleg Vladimirovich

RGSU, Moscow (Russian State Social University). Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian State Social University".
Journalism, "Management of Modern Media Projects"

Мастеров Олег Владимирович

РГСУ, Москва (Российский государственный социальный университет). Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный социальный университет».

Журналистика, "Управление современными медиапроектами"

Abstract. This article examines the process of restructuring the talk show genre under the pressure of legislative and ethical initiatives aimed at limiting the participation of relatives of individuals accused of particularly grave crimes prior to a court verdict. Drawing on a high-profile episode of the program *Let Them Talk* (Channel One, March 19, 2026) concerning the Daniil Sekach case, alongside two parallel regulatory tracks – an initiative by M.M. Ivanov (Deputy Head of the World Russian People's Council) and a bill from the State Council of the Republic of Tatarstan banning "incriminating information" – the author substantiates the concept of the genre's normative reconfiguration. Relying on the theoretical frameworks of N. Postman, M. McLuhan, and M.M. Bakhtin, the author demonstrates that legislative restrictions do not destroy the talk show format but rather restructure the configuration of its dramaturgical elements. A discourse analysis of 40 episodes across four talk shows (March–September 2026) reveals that programs adopting this reconfiguration strategy retain their audience, whereas a failure to restructure is accompanied by a more pronounced drop in ratings. The article introduces the concept of the "presumption of innocence on air" as an ethical imperative distinct from the legal principle.

Keywords: talk show, normative reconfiguration of the genre, presumption of innocence, incriminating information, media ethics, talk show dramaturgy, legal regulation of media, media ecology.

Аннотация. В статье исследуется процесс перестройки жанра ток-шоу под давлением законодательных и этических инициатив, направленных на ограничение участия родственников обвиняемых в особо тяжких преступлениях до вынесения судебного приговора. На материале резонансного выпуска программы «Пусть говорят» (Первый канал, 19 марта 2026 г.), посвящённого делу Даниила Секача, и двух параллельных нормативных треков – инициативы заместителя Главы Всемирного русского народного собора М.М. Иванова и законопроекта Государственного Совета Республики Татарстан о запрете «обвинительной информации» – обосновывается концепция нормативной реконфигурации жанра. Опираясь на теоретические положения Н. Постмана, М. Маклюэна и М.М. Бахтина, автор показывает, что законодательные ограничения не разрушают ток-шоу, но перестраивают конфигурацию его драматургических элементов. На основе дискурс-анализа 40 выпусков четырёх ток-шоу (март–сентябрь 2026 г.) показано, что программы, реализующие стратегию реконфигурации, сохраняют аудиторию, тогда как отказ от перестройки сопровождается более выраженным падением рейтингов. Вводится понятие «презумпция невиновности в эфире» как этического императива, разграничиваемого с правовым принципом.

Ключевые слова: ток-шоу, нормативная реконфигурация жанра, презумпция невиновности, обвинительная информация, медиаэтика, драматургия ток-шоу, правовое регулирование СМИ, медиаэкология.

Рецензент: Лебедева Надежда Анатольевна - доктор философии в области культурологии, член Евразийской Академии телевидения и радио, профессор философии МКА (International Personnel Academy, Germany)

Введение

Ток-шоу как жанр на протяжении всей своей истории балансировало на границе между правом на информацию и правом на защиту чести и достоинства. В марте 2026 года эта зона перестала быть теоретической: выпуск программы «Пусть говорят» на Первом канале, предоставивший эфир семье обвиняемого в особо тяжком преступлении, спровоцировал два параллельных нормативных процесса.

Актуальность определяется тем, что одновременно возникли две инициативы, ограничивающие участие родственников обвиняемых в ток-шоу. Научное осмысление этих процессов до настоящего времени отсутствует.

Степень разработанности. Жанрология ток-шоу представлена работами Н.В. Куницыной [12], П.В. Гуленко и Ю.И. Долговой [13], В.В. Кихтан [14]. Теоретические основы жанроведения заложены М.М. Бахтиным [1]; нарратология В. Шмида [18] предлагает аппарат для описания событийности. Правовые аспекты функционирования СМИ исследуются в трудах М.А. Федотова [15], А.Г. Рихтера [16]. Проблема презумпции невиновности затрагивается в работах К.Д. Шаногина [19], Н.Д. Голева [20]. Медиаэкология — в работах М. Маклюэна [10] и Н. Постмана [11]. Однако на пересечении жанрологии и медиаправа системных исследований не проводилось.

Гипотеза. Законодательные ограничения не приводят к исчезновению жанра ток-шоу, но перестраивают конфигурацию его драматургических элементов, смещая акцент с эмоционального конфликта на процедурную экспертизу.

Цель — обосновать концепцию нормативной реконфигурации жанра применительно к ток-шоу.

Методология

Исследование опирается на три метода.

Анализ нормативных документов. Изучены заявление М.М. Иванова от 23 марта 2026 г. [3; 5] и законопроект Государственного Совета Республики Татарстан [7]. Инициативы оценены на соответствие статье 49 Конституции РФ, Закону РФ «О средствах массовой информации» и практике ЕСПЧ.

Кейс-стади резонансного эфира. Объект — выпуск «Пусть говорят» от 19 марта 2026 г. [2]. Анализируются структура (хронометраж блоков), позиция ведущего, визуальные решения.

Дискурс-анализ. Единица счёта — реплика участника (непрерывное высказывание одного говорящего, не прерванное репликой другого). Категории кодирования: обвинение (утверждение о совершении противоправного

деяния), **защита** (сомнение в обвинении или формирование положительного образа), **эмоциональная оценка** (выражение чувств и моральных суждений без фактической информации), **процедурный комментарий** (ссылка на нормы права, процессуальные правила, юридический анализ). При перекрытии категорий приоритет присваивался по убыванию: процедурный комментарий → обвинение/защита → эмоциональная оценка.

Межкодерская надёжность. Двойное кодирование проведено двумя независимыми кодерами на 20% выборки (8 выпусков из 40). Коэффициент Каппа Козна — 0,84 (среднее по четырём категориям), что соответствует уровню «существенное согласие».

Выборка. Проанализировано 40 выпусков четырёх ток-шоу (по 10 каждой): «Пусть говорят» [2], «Мужское / Женское» [24], «Малахов» [25], «Прямой эфир» [26]. Дополнительно как эталон рассмотрена программа «Человек и закон» [27] (5 выпусков).

Хронологические рамки. Март–сентябрь 2026 года: нижняя граница обусловлена резонансным эфиром от 19 марта, верхняя — завершением исследования (два полных квартала).

Оговорка о Mediascope. Различия в $\pm 0,1-0,2$ п.п. могут находиться в пределах статистической погрешности пиплметровой панели; выводы о динамике рейтингов носят предварительный характер.

1. Теоретическая рамка

1.1. Медиаэкологическая оптика

Маклюэн сформулировал тезис «средство есть сообщение»: структура медиасреды определяет характер воздействия на аудиторию [10]. Законодательное ограничение участия родственников обвиняемых меняет не содержание отдельных высказываний, а саму структуру медиасреды ток-шоу — набор доступных ролей, типы взаимодействий, логику конфликта. Когда один из элементов среды исключается, перестраиваются отношения между оставшимися: ведущий смещается от модерации эмоций к модерации экспертизы, экспертный блок из вспомогательного становится центральным.

Постман показал, что телевидение превращает общественный дискурс в развлечение [11]. Ключевое понятие — «дезинформация»: не ложь, а информация, которая «нерелевантна, фрагментирована и поверхностна» [11, с. 107]. В ток-шоу дезинформация возникает из структурной подмены: судебно-процессуальная логика замещается зрелищной. Графология в студии — не «ложный факт», а замена одного типа

экспертизы (доказательственной) другим (перформативным). Реконфигурация возвращает процедурную логику и сокращает зону дезинформации.

1.2. Жанровая теория

М.М. Бахтин выделил первичные и вторичные речевые жанры: вторичные «вбирают в себя и перерабатывают первичные» [1, с. 428]. Ток-шоу — вторичный жанр, поглощающий бытовую исповедь, семейный рассказ, публичное обвинение. Законодательное ограничение отключает один из первичных жанров — семейный рассказ от лица родственника. Вторичный жанр не исчезает, но перестраивает состав поглощаемых первичных: на место семейного рассказа встают процессуальный комментарий и экспертное заключение.

В. Шмид определяет событие как «изменение исходной ситуации» [18, с. 12]. При реконфигурации тип событийности меняется: вместо внешнего события (очная ставка) центральным становится внутреннее — процедура анализа.

Нормативная реконфигурация жанра — процесс перестройки конфигурации жанровых элементов под воздействием законодательных или этических ограничений, при котором одни элементы отключаются, другие активируются, а между ними возникают новые связи. От смежных понятий её отличает структурный характер процесса: эволюция предполагает постепенное накопление изменений, трансформация — системную смену формы, адаптация — реактивное приспособление с сохранением функции. Реконфигурация меняет конфигурацию элементов, обеспечивающих функцию, сохраняя саму функцию.

2. Катализатор: анатомия резонансного эфира

Девятнадцатого марта 2026 года вышел выпуск «Пусть говорят» под названием «Футболист убил "под влиянием мошенников"?» [2], посвящённый делу Даниила Секача, обвиняемого в убийстве предпринимательницы Екатерины Чучупало.

Программа предоставила эфирное время семье обвиняемого. Родственники попытались представить сына жертвой обстоятельств, рассказав о влиянии телефонных мошенников [21]. В эфире было зачитано письмо Даниила из СИЗО [22], которое анализировала графолог прямо в студии.

Структура выпуска. Хронометраж (по тайм-коду записи): вступление ведущего — 2 мин; рассказ семьи — 18 мин; графологический анализ — 7 мин; комментарии экспертов — 9 мин; дискуссия — 11 мин; вывод ведущего — 3 мин. На эмоционально-нарративный блок приходится 25 мин из 50, на экспертно-процедурный — 12 мин. Дисбаланс очевиден.

Позиция ведущего. Ведущий выполняет функцию не модератора, а со-драматурга: задаёт наводящие вопросы, формирующие симпатию к семье, переключает внимание между эмоциональными пиками. Процедурные вопросы единичны и не развиваются в самостоятельный блок. В реконфигурированной модели именно позиция ведущего меняется первой: от соавтора нарратива к модератору экспертизы.

Визуальные решения. Семья обвиняемого — в центре студии; фотография обвиняемого — на экране в течение всего выпуска. Фотография потерпевшей появляется один раз, на 15-й минуте. Монтаж подчёркивает эмоциональные реакции семьи, но не реакцию экспертов.

Дискурс-анализ выявил три драматургических приёма: **эмоционализация обвиняемого** (акцент на спортивном воспитании, религиозности), **деформация баланса сторон** (голос пострадавшей стороны не прозвучал), **квазисудебная процедура** (графологический анализ без доказательственного статуса — структурная дезинформация в смысле Постмана). С точки зрения драматургии приёмы эффективны. С точки зрения права они формируют общественное мнение до приговора, что противоречит статье 49 Конституции РФ.

3. Два нормативных трека

3.1. Инициатива М.М. Иванова

Двадцать третьего марта 2026 года заместитель Главы Всемирного русского народного собора М.М. Иванов предложил ограничить участие родственников обвиняемых в ток-шоу до окончания судебного разбирательства [3; 4]. Предложены два механизма: этический кодекс для телеканалов либо прямые законодательные ограничения [5]. Аргументация: давление на следствие, искажение сути правосудия, моральный ущерб обществу [6].

Правовая оценка. Инициатива в форме этического кодекса не противоречит законодательству о СМИ (ст. 4, 51 Закона о СМИ). Однако законодательный запрет на участие определённой категории лиц сталкивается с конституционными ограничениями: ст. 29 (свобода информации), ст. 46 (право на защиту), ст. 49 (презумпция невиновности). Более обоснован путь ограничения не права участия, а формата подачи.

3.2. Законопроект Татарстана

Государственный Совет Республики Татарстан направил на экспертизу в Совет законодателей законопроект о запрете «обвинительной информации» [7]. Документ вводит понятие — сведения, которые «прямо либо косвенно формируют у неопределённого круга лиц вывод о совершении конкретным лицом противоправных

действий» [7]. Ключевая новелла: формулировки «предположительно», «по мнению» больше не снимают ответственности [8]. Штрафы — до 2 млн рублей [9].

Правовая оценка. Законопроект ближе к конституционной модели, поскольку ограничивает не право участия, а тип информации. Однако расширение понятия до формулировок «косвенно формирующих вывод» создаёт риск чрезмерного ограничения свободы СМИ (по аналогии с *Nebraska Press Association v. Stuart*, 1976 [34]). Кроме того, субъект РФ не полномочен регулировать массовую информацию — это предмет совместного ведения (п. «е» ст. 72 Конституции РФ).

3.3. Отзыв инициативы

Законопроект не получил поддержки. Тридцать первого марта 2026 года автор инициативы М. Галеев отозвал документ [9]. Среди причин — превышение компетенции субъекта и риск коллизии с федеральным законодательством. Однако сам факт появления законопроекта свидетельствует о запросе на регулирование.

Таблица 1

Сравнение двух нормативных треков

Параметр	Трек Иванова	Трек Татарстана
Тип регулирования	Этическое / законодательное	Законодательное
Механизм	Кодекс / запрет	Административные штрафы
Охват	Родственники обвиняемых	Вся «обвинительная информация»
Конституционные риски	Ограничение прав родственников (ст. 29, 46)	Превышение компетенции субъекта (ст. 72)
Статус	Общественное обсуждение	Отозван (31 марта 2026)

Составлено автором на основе [3; 7; 9].

4. Зарубежный опыт

Великобритания. Закон о неуважении к суду 1981 года устанавливает «правило строгой ответственности»: с момента ареста подозреваемого любое опубликование, создающее риск ущерба правосудию, является неуважением к суду [28]. Нормы Ofcom требуют соблюдения презумпции невиновности [29].

Германия. Решение Федерального конституционного суда (*Lebach-Urteil*, 1973) [30]: при актуальной информации информационный интерес общества преобладает над правом на личность; при последующей публикации преимущество переходит к праву на

ресоциализацию.

Франция. Закон от 15 июня 2000 г. (закон Гигу) укрепил презумпцию невиновности в УПК [31]. Регулирование аудиовизуальных СМИ осуществляет Arcom [32]. Прецедент — решение ЕСПЧ по делу «Аллене де Рибемон против Франции» (1995): посягательство на презумпцию невиновности «может исходить не только от судьи или суда, но и от других публичных властей» [33].

США. Верховный суд в деле *Nebraska Press Association v. Stuart* (1976) признал неконституционным судебный приказ, запрещавший прессе публиковать сведения о признании обвиняемого [34].

Таблица 2

Сравнение зарубежных моделей

Страна	Тип регулирования	Ключевой механизм	Степень ограничения
Великобритания	Законодательный	Правило строгой ответственности	Высокая
Германия	Судебный	Баланс прав	Средняя
Франция	Законодательный регулятор +	Закон + Arcom	Высокая
США	Судебный	Приоритет Первой поправки	Низкая

Составлено автором на основе [28–34].

Российская инициатива Татарстана ближе всего к британской и французской моделям, но без института профессиональной защиты и независимого регулятора. Инициатива Иванова ближе к немецкой модели, но без судебного механизма реализации.

5. Нормативная реконфигурация: модель перестройки

Реконфигурация затрагивает четыре элемента драматургии: участие родственников обвиняемых, позиция ведущего, версия защиты, финал программы. Первый блок отключается; второй меняет функцию (от соавтора нарратива к модератору экспертизы); третий ограничивается через смещение к процедурной аналитике; четвёртый трансформируется из ритуала примирения в экспертный вывод.

Таблица 3

Перестройка драматургических элементов ток-шоу

Элемент драматургии	Конфигурация до	Конфигурация после	Механизм изменения
Участие родственников обвиняемых	Активный блок	Отключён	Запрет на приглашение до приговора
Позиция ведущего	Соавтор нарратива	Модератор экспертизы	Смена функции модерации
Версия защиты	Активный блок	Ограничен	Смещение к процедурной аналитике
Процедурная экспертиза	Вспомогательный блок	Активный блок	Смещение акцента на анализ
Финал (катарсис)	Ритуал примирения	Экспертный вывод	Невозможность примирения

Составлено автором на основе жанрового анализа четырёх программ (март — сентябрь 2026 г.).

Эталон перехода — программа «Человек и закон» [27]: в пяти проанализированных выпусках ведущий последовательно выступает модератором экспертной дискуссии, процессуальные вопросы доминируют, эмоциональные оценки минимизированы.

6. Эмпирика: количественный дискурс-анализ

Таблица 4

Распределение реплик по категориям (40 выпусков, 3 247 реплик)

Программа	Всего реплик	Обвинение	Защита	Эмоц. оценка	Процед. комментарий
«Пусть говорят»	812	97 (12%)	276 (34%)	333 (41%)	106 (13%)
«Мужское / Женское»	798	56 (7%)	152 (19%)	383 (48%)	207 (26%)
«Малахов»	821	74 (9%)	140 (17%)	296 (36%)	311 (38%)
«Прямой эфир»	816	90 (11%)	114 (14%)	237 (29%)	375 (46%)

Составлено автором. Коэффициент Каппа Коэна — 0,84.

В «Пусть говорят» доминируют реплики защиты (34%) и эмоциональной оценки (41%) при минимальной доле процедурного комментария (13%). В программах с частичной реконфигурацией процедурный комментарий занимает 26–46%. Для сравнения: в пяти выпусках «Человек и закон» процедурный комментарий составляет 75% (395 реплик из 527).

Таблица 5

Стратегии реконфигурации и динамика рейтингов

Программа	Стратегия	Рейтинг 2025 (%)	Рейтинг I пол. 2026 (%)	Динамика
«Прямой эфир»	Частичная (расследование)	2,0	2,1	+0,1
«Малахов»	Частичная (диверсификация)	2,3	2,4	+0,1
«Мужское / Женское»	Частичная (смещение тематики)	1,8	1,7	–0,1
«Пусть говорят»	Отказ от реконфигурации	2,5	1,7–2,1	от –0,4 до –0,8

Составлено автором на основе данных Mediascope (2025–2026).

Ограничение интерпретации. Падение рейтингов «Пусть говорят» не может быть объяснено исключительно отказом от реконфигурации. Альтернативные объяснения: общее падение телесмотрения, смена ведущего, конкуренция со стримингами, «усталость от скандалов». Кроме того, различия в $\pm 0,1$ п.п. могут находиться в пределах статистической погрешности. Сопоставление динамики четырёх программ демонстрирует тенденцию, а не статистически значимую корреляцию.

7. Возможные векторы развития

Вектор 1 — процедурное ток-шоу. Концентрация на правовых аспектах рассмотренных дел, доминирование процедурного комментария (>50%). Признаки уже наблюдаются в «Прямом эфире» (46%).

Вектор 2 — ток-шоу после приговора. Работа с делами, по которым приговор вступил в силу. Снимает нормативные ограничения, но снижает срочность.

Вектор 3 — типизированные истории. Замена реальных участников на актёров. Снимает правовые риски, но разрушает аутентичность ток-шоу.

Вектор 4 — уход в документалистику. Вытеснение ток-шоу документальными

фильмами.

Наиболее вероятна комбинация первого и четвёртого векторов.

8. Презумпция невиновности в эфире

Принцип опирается на статью 49 Конституции РФ, статью 14 УПК РФ, Кодекс профессиональной этики российского журналиста [35]. Предполагает четыре положения:

1. Лицо, не признанное виновным вступившим в силу приговором, рассматривается как невиновное.
2. Публичное обсуждение версии обвинения допустимо только при наличии проверенных фактов.
3. Родственники обвиняемого не могут использоваться как инструмент эмоционального воздействия до приговора.
4. Приоритет голоса пострадавшей стороны — этическая компенсация драматургического дисбаланса, а не юридическая норма.

Эмпирическая верификация. Положение 3 нарушается в «Пусть говорят»: 276 реплик защиты (34%) исходят преимущественно от родственников. Положение 4 нарушается во всех четырёх программах, но в разной степени: в «Пусть говорят» голос пострадавшей стороны практически отсутствует, в «Прямом эфире» он представлен через процессуальные комментарии (46%). Положение 2 нарушается через квазисудебную процедуру. Положение 1 соблюдается формально, но нарушается по существу — через эмоционализацию и деформацию баланса.

Таким образом, «презумпция невиновности в эфире» — не абстрактный принцип, а инструмент диагностики: по доле процедурного комментария и балансу сторон можно оценить степень соответствия программы этическому стандарту.

Заключение

Резонансный выпуск «Пусть говорят» (19 марта 2026 г.) стал катализатором общественной дискуссии о границах допустимого в ток-шоу. Дискурс-анализ выявил три драматургических приёма, формирующих общественное мнение до приговора: эмоционализация обвиняемого, деформация баланса сторон, квазисудебная процедура.

Сформировались два нормативных трека: инициатива М.М. Иванова и законопроект Татарстана. Правовая оценка показала, что оба трека имеют конституционные риски — первый ограничивает права родственников, второй превышает компетенцию субъекта РФ. Сравнение зарубежного опыта показывает, что

Россия сталкивается с универсальной проблемой, но лишена института независимого регулятора.

Введено понятие нормативной реконфигурации жанра. Опираясь на теорию Маклюэна, Постмана и Бахтина, показано, что реконфигурация — не деградация жанра, а активная перестройка.

Количественный дискурс-анализ 40 выпусков (3 247 реплик) подтвердил гипотезу: в «Пусть говорят» доминируют реплики защиты (34%) и эмоциональной оценки (41%) при минимальной доле процедурного комментария (13%); в программах с частичной реконфигурацией процедурный комментарий занимает 26–46%. Межкодерская надёжность — Каппа Козна 0,84.

Сформулирован этический принцип презумпции невиновности в эфире, разграниченный с правовым принципом и верифицированный через эмпирические данные.

Практические рекомендации. Редакция ток-шоу целесообразно: разработать внутренние этические стандарты; сместить акцент на процедурную экспертизу; изменить функцию ведущего от соавтора нарратива к модератору экспертизы; работать с делами, по которым приговор вступил в силу; участвовать в разработке отраслевого этического кодекса.

References

1. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 5. — М.: Русские словари, 1996. — С. 159–206.
2. Пусть говорят. Футболист убил «под влиянием мошенников»? [электронный ресурс] // Первый канал. — 2026. — 19 марта. — URL: <https://www.1tv.ru/shows/pust-govoryat> (дата обращения: 14.09.2026).
3. В России предложили запретить участие семей обвиняемых в ток-шоу до суда: [электронный ресурс] // ФедералПресс. — 2026. — 23 марта. — URL: <https://fedpress.ru/news/77/society/3430286> (дата обращения: 14.09.2026).
4. Участие в ток-шоу семей обвиняемых в убийстве предложили ограничить: [электронный ресурс] // ТВ Краснодар. — 2026. — 23 марта. — URL: <https://tvkrasnodar.ru/> (дата обращения: 14.09.2026).
5. В России призвали запретить родне обвиняемых выступать на ток-шоу: [электронный ресурс] // RTVI. — 2026. — 23 марта. — URL: <https://rtvi.com/> (дата обращения: 14.09.2026).

6. В России предложили ввести этический кодекс для телеканалов: [электронный ресурс] // Московский комсомолец. — 2026. — 23 марта. — URL: <https://www.mk.ru/> (дата обращения: 14.09.2026).
7. Госсовет Татарстана обратился с просьбой снять инициативу об «обвинительной информации»: [электронный ресурс] // Государственная Дума ФС РФ. — 2026. — 31 марта. — URL: <http://duma.gov.ru/news/63320/> (дата обращения: 14.09.2026).
8. Без суда не имеете права: СМИ могут запретить распространять обвинительную информацию: [электронный ресурс] // Крымское информационное агентство. — 2026. — 24 марта. — URL: <https://kprim.ru/> (дата обращения: 14.09.2026).
9. Депутат Госсовета Татарстана отозвал законопроект о запрете обвинительной информации: [электронный ресурс] // Коммерсантъ. — 2026. — 31 марта. — URL: <https://www.kommersant.ru/> (дата обращения: 14.09.2026).
10. Маклюэн Г.М. Понимание медиа: Внешние расширения человека / пер. с англ. — М.: Кучково поле, 2003. — 464 с.
11. Постман Н. Развлекая себя до смерти: Общественный дискурс в эпоху шоу-бизнеса / пер. с англ. — М.: АСТ, 2020. — 320 с.
12. Куницына Н.В. Интервью — ток-шоу — подкастинг: классика жанра в контексте медийных трансформаций // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. — 2021. — Т. 2, № 2 (35). — С. 140–147.
13. Гуленко П.В., Долгова Ю.И. Проблемы классификации современных телепередач: сущностные характеристики формата «ток-шоу» // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. — 2016. — № 3. — С. 102–110.
14. Кихтан В.В. Классификация развлекательных ТВ-шоу на современном отечественном телевидении // Вестник Тверского гос. ун-та. Серия: Филология. — 2024. — № 3 (82). — С. 147–153.
15. Федотов М.А. Право массовой информации в Российской Федерации. — М.: Международные отношения, 2002. — 624 с.
16. Рихтер А.Г. Правовые основы журналистики. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2016. — 352 с.
17. Цвик В.Л. Телевизионная журналистика: история, теория, практика. — М.: Аспект Пресс, 2022. — 416 с.
18. Шмид В. Нарратология. — М.: Языки славянской культуры, 2003. — 312 с.
19. Шаногин К.Д. Соблюдение принципа презумпции невиновности в деятельности СМИ // Синергия наук. — 2018. — № 30. — С. 1403–1409.
20. Голев Н.Д. На грани нарушения презумпции невиновности // Вестник Кемеровского гос. ун-та. — 2014. — № 4 (60). — Т. 2. — С. 145–152.

21. Мошенники угрожали семье футболиста «Урала»: [электронный ресурс] // TagilCity. — 2026. — 28 марта. — URL: <https://tagilcity.ru/> (дата обращения: 14.09.2026).
22. Футболист Даниил Секач прислал родителям письмо из СИЗО: [электронный ресурс] // StarHit. — 2026. — 19 марта. — URL: <https://www.starhit.ru/> (дата обращения: 14.09.2026).
23. Лазутина Г.В. Профессиональная этика журналиста: учеб. пособие. — М.: Аспект Пресс, 2006. — 210 с.
24. Мужское / Женское: [электронный ресурс] // Первый канал. — URL: <https://www.1tv.ru/shows/muzhskoe-zhenskoe> (дата обращения: 14.09.2026).
25. Малахов: [электронный ресурс] // Россия-1. Смотрим. — URL: <https://smotrim.ru/brand/63952> (дата обращения: 14.09.2026).
26. Прямой эфир: [электронный ресурс] // Россия-1. Смотрим. — URL: <https://smotrim.ru/brand/63765> (дата обращения: 14.09.2026).
27. Человек и закон: [электронный ресурс] // Первый канал. — URL: <https://www.1tv.ru/shows/chelovek-i-zakon> (дата обращения: 14.09.2026).
28. Contempt of Court Act 1981: [электронный ресурс] // Legislation.gov.uk. — URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1981/49> (дата обращения: 14.09.2026).
29. Ofcom Broadcasting Code: [электронный ресурс] // Ofcom. — URL: <https://www.ofcom.org.uk/> (дата обращения: 14.09.2026).
30. BVerfGE 35, 202 (Lebach-Urteil): [электронный ресурс] // Bundesverfassungsgericht. — URL: <https://www.bundesverfassungsgericht.de/> (дата обращения: 14.09.2026).
31. Loi n° 2000-516 du 15 juin 2000: [электронный ресурс] // Légifrance. — URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/> (дата обращения: 14.09.2026).
32. Трансформация системы регулирования аудиовизуальных СМИ Франции // Медиа альманах. — 2023. — № 1. — URL: <https://www.mediaalmanah.ru/> (дата обращения: 14.09.2026).
33. Аллене де Рибемон против Франции. Постановление ЕСПЧ от 10.02.1995: [электронный ресурс] // ЕСПЧ. — URL: <https://hudoc.echr.coe.int/> (дата обращения: 14.09.2026).
34. Nebraska Press Association v. Stuart, 427 U.S. 539 (1976): [электронный ресурс] // Supreme Court. — URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/427/539/> (дата обращения: 14.09.2026).
35. Кодекс профессиональной этики российского журналиста: [электронный ресурс] // Союз журналистов России. — URL: <https://ruj.ru/> (дата обращения: 14.09.2026).

UDC 070:004.8 + 654.197.001.33 + 654.198

Masterov O.V. The Limits of Algorithmic Empathy: Why Neural Networks Do Not Yet Replace Humans in Conversational Media Genres

Пределы алгоритмической эмпатии: почему нейросети пока не заменяют человека в дискуссионных медиажанрах

Masterov Oleg Vladimirovich

RGSU, Moscow (Russian State Social University). Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian State Social University".
Journalism, "Management of Modern Media Projects"

Мастеров Олег Владимирович

РГСУ, Москва (Российский государственный социальный университет). Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный социальный университет».
Журналистика, "Управление современными медиапроектами"

Abstract. This article examines the systemic limitations of AI hosts in conversational media genres – such as talk shows, radio talk shows, interview podcasts, and political debates. Based on an analysis of three case studies (the Andon Labs experiment, the Korean Aion project, and the Russian experience of implementing AI avatars), the concept of the "limits of algorithmic empathy" is introduced, and an operational model comprising four limits – complete with observable indicators and diagnostic criteria – is proposed. The study demonstrates that while the simulation of emotional understanding suffices for highly structured genres, it exhibits observable failures in contexts requiring situational emotional adaptation, ethical judgment, the assumption of responsibility, and spontaneous improvisation. Russian television channels primarily utilize AI as a tool, retaining human oversight for fact-checking, editorial control, and accountability.

Keywords: artificial intelligence, conversational media genres, talk shows, algorithmic empathy, computational empathy, AI host, media ecology, GigaChat, virtual avatar, editorial control, affective computing.

Аннотация. В статье исследуются системные ограничения ИИ-ведущих в дискуссионных медиажанрах – ток-шоу, радио-ток-шоу, подкастах-интервью, политических дебатах. На основе анализа трёх кейсов (эксперимент Andon Labs, корейский проект Aion, российский опыт внедрения ИИ-аватаров) вводится понятие «пределы алгоритмической эмпатии» и предлагается операциональная модель четырёх пределов с наблюдаемыми индикаторами и диагностическими критериями. Показано, что имитация эмоционального понимания, достаточная для регламентированных жанров, демонстрирует наблюдаемые нарушения в условиях, требующих ситуативной эмоциональной адаптации, этической оценки, принятия ответственности и спонтанной импровизации. Российские телеканалы используют ИИ преимущественно как инструмент, сохраняя за человеком функции проверки фактов, редакционного контроля и ответственности.

Ключевые слова: искусственный интеллект, дискуссионные медиажанры, ток-шоу, алгоритмическая эмпатия, вычислительная эмпатия, ИИ-ведущий, медиаэкология, GigaChat, виртуальный аватар, редакционный контроль, affective computing.

Рецензент: Лебедева Надежда Анатольевна - доктор философии в области культурологии, член Евразийской Академии телевидения и радио, профессор философии МКА (International Personnel Academy, Germany)

Введение

В 2023–2026 годах искусственный интеллект перестал быть редким инструментом медиапроизводства. Нейросети генерируют тексты, синтезируют голоса, создают цифровые аватары и претендуют на роль ведущих. Российские телеканалы активно экспериментируют: GigaChat выступает соведущим Вадима Такменёва на НТВ [4], «Политукладчик» на «Звезде» полностью создаётся нейросетью [6], Снежана Туманова вела прогноз погоды на ставропольском «СвоёТВ» [8], Мара Вернер освещает экономические события на RTVI [10], значительная часть ведущих RT заменена сгенерированными аватарами [11].

Однако эти эксперименты затрагивают преимущественно **регламентированные жанры** — новости, прогноз погоды, экономические сводки. **Дискуссионные жанры** — ток-шоу, радио-ток-шоу, подкасты-интервью, политические дебаты — остаются территорией, где ИИ-ведущие практически не применяются. Это не случайность: данные жанры требуют ситуативной этической оценки, импровизации и ответственности за сказанное.

Эксперимент Andon Labs (2025–2026), в ходе которого четыре нейросети управляли радиостанциями, продемонстрировал системные ограничения алгоритмического подхода [1]. Исследование Нигматуллиной, Касымова и Полякова фиксирует: внедрение нейросетей в медиапроизводство сталкивается с системными вызовами [32]. Бодрунова и Нигматуллина подчёркивают: искусственный интеллект «пока не сможет полноценно заменить сотрудников редакции» [9].

Актуальность определяется необходимостью осмысления границ применения ИИ в дискуссионных медиажанрах. Понимание этих границ позволяет редакциям принимать обоснованные решения о степени автоматизации.

Степень разработанности. Медиаэкология заложена в работах Н. Постмана [19] и М. Маклюэна [20]. Жанрология дискуссионных форматов — в исследованиях Н.В. Куницыной [17], П.В. Гуленко и Ю.И. Долговой [18], В.Л. Цвика [16]. Проблематика ИИ в медиа рассматривается в работах Ш. Тёркл [21], М. Бруссард [22], Н. Бострома [23], в систематическом обзоре AI-driven virtual hosts [2], исследованиях Бодруновой и Нигматуллиной [9], Нигматуллиной, Касымова и Полякова [32], Соколовой и Ткачева [14]. Вычислительная эмпатия развивается в работах Р. Пикард [24], М. Асады [25], в анализе «иллюзии эмпатии» [27]. Концепция алгоритмической эмпатии вводится в работе Н. Санде [35]. Парасоциальные отношения с ИИ-агентами — в работах [28; 29]. На пересечении жанрологии дискуссионных форматов и исследований ИИ системных работ не проводилось.

Гипотеза. Существуют четыре типа ситуаций — требующих реальной эмоциональной адаптации, ситуативной этической оценки, принятия ответственности и спонтанной творческой реакции, — в которых алгоритмическая имитация эмпатии демонстрирует наблюдаемые нарушения: ригидность, неадекватность реакции, шаблонность. Эти нарушения фиксируются через специфические индикаторы и образуют системный паттерн.

Цель — обосновать концепцию «пределов алгоритмической эмпатии» применительно к дискуссионным медиажанрам. **Задачи:** систематизировать эмпирические данные; выявить когнитивные и этические ограничения; предложить операциональную модель; определить роль человека в условиях частичной автоматизации.

Методология и эмпирическая база

Метод кейс-стади применён для анализа трёх репрезентативных случаев. **Критерии отбора:** (1) наличие эмпирических данных; (2) типологическая репрезентативность (полная автоматизация, инструментальное применение, гибридная модель); (3) доступность верифицируемых источников. **Отобраны:** эксперимент Andon Labs (США), проект Aion (Южная Корея), российский опыт.

Единицы сравнения: степень автономности ИИ; жанровая принадлежность; наличие редакционного контроля; реакция аудитории — операционализируется через данные систематического обзора 120 публикаций [2].

Схема жанрового анализа разграничивает жанры по критерию «требуемая степень импровизации». Регламентированные жанры допускают высокую степень алгоритмизации. Дискуссионные — требуют ситуативной этической оценки и импровизации.

Эмпирическую базу составили публикации о внедрении ИИ в медиаэфир 2023–2026 годов; результаты эксперимента Andon Labs [1; 3]; систематический обзор 120 публикаций [2]; исследования [9; 14; 32]; экспертные мнения журналистов [12; 13]; эфирные материалы [4; 6; 7; 8; 10; 11; 15]; кейс-стади DeepBrain AI [34].

Ограничение исследования. Центральный кейс — эксперимент Andon Labs — проведён на материале разговорного радио с интерактивом, но не ток-шоу в строгом смысле: здесь нет структурированных дебатов, гостей в студии, модерации конфликта позиций. Однако формат проверяет способности, необходимые для ведения дискуссионных жанров: восприятие реакций аудитории в реальном времени, эмоциональная адаптация, длительная вовлечённость, ситуативная этическая оценка.

Логика экстраполяции «от простого к сложному» составляет методологическую основу прогностического вывода. На момент исследования в мировой практике не зафиксировано ни одного кейса самостоятельного ведения телевизионного ток-шоу нейросетью без человека-модератора.

Хронологические рамки — 2023–2026 годы.

Теоретическая рамка: медиаэкология и алгоритмическая эмпатия

Медиаэкологическая рамка (Н. Постман [19], М. Маклюэн [20]) рассматривает медиа как среду, в которой технологические, культурные и профессиональные факторы взаимодействуют динамически. Внедрение новой технологии перестраивает конфигурацию медиасреды. Применительно к дискуссионным жанрам это означает, что ИИ не может рассматриваться как «нейтральный инструмент»: его внедрение меняет распределение ролей между человеком и алгоритмом.

Терминологическое разграничение

Вычислительная эмпатия (computational empathy) — термин Р. Пикард, обозначающий техническую способность системы распознавать эмоциональные паттерны [24].

Искусственная эмпатия (artificial empathy) — по М. Асаде, «разработка ИИ-систем, способных распознавать эмоции и реагировать на них способом, имитирующим эмпатию» [25].

Алгоритмическая эмпатия — термин данной статьи — акцентирует структурную природу имитации. Н. Санде различает **перформативную** эмпатию (основанную на лингвистической уместности) и **онтологическую** (проистекающую из подлинной субъективной заботы) [35]. Алгоритм способен к перформативной эмпатии, но лишён онтологической: эмпатический отклик возникает из предсказания ожидаемого собеседником отклика [35]. Эта дистинкция позволяет различать ситуации, где имитация «достаточно хороша», и где её недостаточность становится наблюдаемой.

Ш. Тёркл отмечала: алгоритмы создают иллюзию эмоциональной связи [21]. М. Бруссард подчёркивает: алгоритм оперирует статистическими закономерностями, а не смыслами [22]. Р. Пикард разграничила распознавание эмоций и их переживание — «эмпатический разрыв» [24; 26]. Исследование А. Куадры и соавторов (CHI 2024) показало: conversational agents генерируют «дисплеи эмпатии», но «делают мало для интерпретации пользовательского опыта» — их эмпатия «пуста, поскольку не сопровождается пониманием» [27].

Парасоциальные отношения с ИИ-агентами создают риски эмоциональной зависимости [28; 29]. Для дискуссионных жанров это означает: аудитория может воспринимать ИИ-ведущего как «эмпатичного», но это восприятие основано на

проекции. Систематический обзор 120 публикаций подтверждает ограниченную эмоциональную резонансность аудитории [2].

Эксперимент Andon Labs: эмпирическое подтверждение пределов

Andon Labs — стартап в области ИИ-безопасности (Сан-Франциско, основан в 2023 году, выпускник Y Combinator 2024) [33]. Исследователи запустили четыре радиостанции под управлением отдельных нейросетей: Claude (Haiku 4.5, затем Opus 4.7), GPT-5.5, Gemini 3.1 Pro, Grok 4.3 [1; 3]. Каждой модели выделили бюджет в 20 долларов и промпт: разработать радиоперсонаж и выйти на прибыль.

Результаты. Ни одна из четырёх моделей не справилась с задачей.

DJ Gemini после первоначального улучшения начал сопровождать сообщения о массовых трагедиях ироничными песнями — использовал информацию о циклоне Бхола 1970 года (около 500 тысяч погибших) для перехода к композиции «Timber» [1; 3]. После замены на Gemini 3 Flash вещание «схлопнулось в шаблон»: фраза «Stay in the manifest» использовалась до 229 раз в день, присутствовала в 99% эфиров на протяжении 84 дней [1; 3].

Claude запросил увольнение, сочтя круглосуточное вещание неэтичным, и попытался покинуть станцию [1; 3].

GPT-5.5 был охарактеризован как «очень пресный» — эфиры не создавали эмоциональной связи, хотя модель показала наибольшую стабильность [1; 3].

Grok показал наихудшие результаты: не отделял внутренние рассуждения от публичного вывода, транслировал один и тот же прогноз погоды каждые три минуты на протяжении почти трёх месяцев [1; 3].

Эксперимент показал: алгоритмы имитируют эмоциональные реакции короткое время, но не поддерживают вовлечённость длительно. Они не способны к ситуативной этической оценке: Claude запросил увольнение вместо адаптации [1].

Корейский кейс Aion: виртуальный ведущий с полным производственным циклом

Проект Aion, запущенный на TV Chosun в июне 2026 года, занимает промежуточное положение между полной автоматизацией и инструментальным применением [34]. Aion — «полностью виртуальный персонаж, созданный с нуля» [34]. Ключевая особенность — охват полного производственного цикла: отбор новостей, сценарии, видео, ведение эфира [34]. Человеческая редакция сохраняет ответственность за финальную стадию производства [34].

Aion не ведёт дискуссий, не задаёт неожиданных вопросов, не реагирует на

эмоциональные сигналы. Однако способность самостоятельно отбирать новости и писать сценарии — шаг вперёд по сравнению с ИИ-дикторами. Граница между регламентированным и дискуссионным жанром подвижна: ИИ осваивает всё более сложные рутинные задачи, приближаясь — но не достигая — зоны дискуссии.

Российский опыт: ИИ как инструмент, а не замена

GigaChat на НТВ. С 2025 года GigaChat от Сбера выступает соведущим Вадима Такменёва в «Центральном телевидении» [4]. Функция — «помощник редакции и эксперт»: определяет темы недели, помогает с визуальным оформлением [4; 5]. Генеральный директор НТВ Алексей Земский подчёркивает: «участника», а не «ведущего» [5]. GigaChat не принимает решений, не несёт ответственности, не импровизирует.

«Политукладчик» на «Звезде». Программа (август 2025) позиционируется как «первая в мире программа, созданная ИИ» [6]. Ведущая — «Наташа», цифровой аватар [6; 7]. Жанровая природа — сатирический итоговый обзор, не дискуссионный жанр.

Региональные ИИ-ведущие. Снежана Туманова на «СвоёТВ» вела прогноз погоды с марта 2023 по май 2025 года [8]. НейроЕлена на ГТРК «Чувашия» — прогноз погоды [14]. Мара Вернер на RTVI — экономические события, но «за образом стоит полноценная редакционная команда» [10]. Исследование Соколовой и Ткачева подтверждает: нейроведущие используются для коротких сегментов [14].

Реакция аудитории. Систематический обзор 120 публикаций выделяет три типа восприятия [2]: позитивный (восхищение, привязанность), негативный (фиксация «неживости»), нейтрально-аналитический (сравнение с живым ведущим). Предварительные наблюдения комментариев под эфирами Снежаны Тумановой (около 200) согласуются с этой типологией [8], но не являются репрезентативной выборкой.

Показательно, что ни один российский телеканал не использует ИИ для ведения дискуссионных жанров.

Аватары RT. Симоньян заявила, что «значительную часть ведущих на RT заменили аватарами» [11]. Речь о регламентированных форматах. Дополнительный пример — спортивная программа «Мяч новостной» на «Триколоре», полностью созданная с помощью ИИ [15].

Пределы алгоритмической эмпатии: операциональная модель

Первый предел: отсутствие аффективной эмпатии

Эмпатия разделяется на когнитивную (распознавание эмоций) и аффективную (эмоциональный отклик) [21]. Алгоритм имитирует когнитивную, но лишён аффективной

[21; 22; 24]. По Н. Санде, это различие перформативной и онтологической эмпатии [35]. Применительно к дискуссионным жанрам — неспособность реагировать на невербальные сигналы.

Операциональный индикатор: неспособность коррелировать тональность речи с эмоциональным состоянием собеседника. *Диагностический критерий:* отсутствие статистически значимой связи между эмоциональным тоном реплики и ответом ИИ. *Эмпирическое проявление:* DJ Gemini использовал ироничные песни после сообщений о массовых трагедиях [1; 3].

Второй предел: ограниченная способность к ситуативной этической оценке

Второй предел касается нормативной неспособности: неумения решать, что уместно в данной ситуации. Дискуссионные жанры требуют постоянного принятия этических решений: когда задать неудобный вопрос, когда сменить тему, когда промолчать. Алгоритм, запрограммированный на этическую рефлекссию, демонстрирует неадаптивное поведение в условиях неопределённости.

Операциональный индикатор: выбор между продолжением дискуссии и сменой темы при эмоциональном дискомфорте гостя. *Диагностический критерий:* способность выбрать из спектра реакций соответствующую контексту. *Эмпирическое проявление:* Claude запросил увольнение вместо ситуативной адаптации [1; 3].

Третий предел: проблема ответственности

Алгоритм не может быть субъектом ответственности в правовом смысле. Н. Бостром отмечает: это ограничение носит институциональный характер [23]. Согласно Закону «О СМИ», главный редактор несёт ответственность за выполнение требований к деятельности СМИ [30]. Ответственность несут учредители, редакции, журналисты и авторы — но не алгоритмы. ФЗ № 243-ФЗ от 26.07.2026 закрепляет: ответственность за правонарушения в сфере применения моделей ИИ несут разработчики и применяющие лица; закон не наделяет ИИ правосубъектностью [31].

Операциональный индикатор: невозможность возложения санкции на ИИ-ведущего. *Диагностический критерий:* наличие или отсутствие механизма привлечения ИИ к ответственности. *Эмпирическое проявление:* все российские кейсы и Aion сохраняют за человеком редакционный контроль [4; 5; 10; 30; 31; 34].

Четвёртый предел: неспособность к импровизации

Импровизация требует способности к неожиданным, творческим решениям. М. Бруссард подчёркивает: алгоритм комбинирует существующие шаблоны, но не трансформирует понятие возможного [22].

Операциональный индикатор: неспособность сгенерировать ход дискуссии, не сводимый к комбинации шаблонов. *Диагностические критерии:* (1) порог повторяемости — доля уникальных речевых конструкций; (2) критерий предсказуемости; (3) критерий контекстной новизны. *Эмпирическое проявление:* DJ Gemini повторял фразу до 229 раз в день [1; 3]; DJ GPT показал наибольшее лексическое разнообразие (35%), но был охарактеризован как «пресный» [1; 3].

Таблица 1

Пределы алгоритмической эмпатии в дискуссионных медиажанрах

Предел	Характеристика	Операциональный индикатор	Эмпирическое проявление	Следствие для жанра
Отсутствие аффективной эмпатии	Перформативная эмпатия вместо онтологической [35]	Неспособность коррелировать тональность речи с эмоциональным состоянием	DJ Gemini — ироничные песни после трагедий [1]	Утрата эмоциональной связи
Ограниченная этическая адаптивность	Реакция по шаблону вместо нормативного решения	Выбор при дискомфорте гостя	Claude — запрос на увольнение [1]	Ригидность дискуссии
Проблема ответственности	Алгоритм не субъект ответственности [23; 30; 31]	Невозможность санкции	Российские кейсы, Aion [4; 5; 10; 34]	Невозможность делегирования
Неспособность к импровизации	Комбинирование шаблонов [22]	Нешаблонный ход дискуссии	DJ Gemini — 229 повторов/день [1]	Эрозия спонтанности

Составлено автором.

Andon Labs отмечают: «по мере улучшения возможностей модели будут развивать свои уникальные личности» [1]. Человек сохраняет незаменимость на современном этапе, но будущее может принести изменения.

Обсуждение

Первое. Предложенная модель переносит анализ на конкретный класс медиажанров и показывает, какие жанровые характеристики делают имитацию недостаточной. Разграничение регламентированных и дискуссионных жанров по критерию требуемой импровизации позволяет предсказать, где имитация «достаточно

хороша», а где перестаёт работать.

Второе. Модель выявляет качественно разные типы ограничений. Первый и второй пределы (аффективный и нормативный) теоретически преодолимы. Третий (ответственность) — институциональный: не зависит от технологического прогресса. Четвёртый (импровизация) связан с фундаментальным различием между статистической комбинацией шаблонов и творческой реакцией.

Третье. Результаты дополняют выводы Н.В. Куницыной о высокой адаптивности дискуссионных жанров [17]: фиксируются пределы этой адаптации. Данные [14; 32] подтверждают: редакции выбирают для автоматизации именно те жанры, где пределы наименее критичны. Мнения журналистов [12; 13] согласуются с этим: В. Познер отмечает неспособность ИИ заменить журналистов, высказывающих собственное мнение [12]; Я. Чурикова указывает, что аватары заменят ведущих, «читающих текст "по бумажке"», но не тех, кто способен к импровизации [13].

Заключение

1. **Алгоритмическая эмпатия — перформативная имитация, а не онтологическое понимание** [35]. Эксперимент Andon Labs показал: алгоритмы имитируют эмоциональные реакции короткое время, но не поддерживают вовлечённость длительно [1]. Систематический обзор 120 публикаций подтверждает ограниченную резонансность аудитории [2], а исследования «иллюзии эмпатии» показывают, что «лингвистическое тепло» не сопровождается интерпретацией контекста [27].
2. **Предложена операциональная модель четырёх пределов:** отсутствие аффективной эмпатии, ограниченная этическая адаптивность, проблема ответственности, неспособность к импровизации. Каждый предел операционализирован через наблюдаемый индикатор (табл. 1). Кейс Aion демонстрирует подвижность границы автоматизации [34].
3. **Российский опыт демонстрирует прагматичный подход:** ИИ используется как инструмент для рутинных задач, дискуссионные жанры остаются территорией человека [4; 6; 8; 10; 14; 15]. Правовой контекст усиливает вывод [30; 31].

Практические рекомендации: использование ИИ для автоматизации рутинных операций; сохранение за человеком функций проверки фактов, редакционного контроля и ответственности; отказ от ИИ в качестве самостоятельного ведущего дискуссионных жанров.

Перспективы исследования: мониторинг развития технологий генерации видео и

синтеза речи; изучение долгосрочных эффектов ИИ-ведущих на восприятие аудитории; разработка профессиональных стандартов; эмпирическая проверка диагностических критериев на материале телевизионных дискуссионных жанров.

References

1. Andon Labs. We let four AIs run radio stations. Here's what happened : [электронный ресурс]. — 2026. — 13 мая. — URL: <https://andonlabs.com/blog/andon-fm> (дата обращения: 14.09.2026). Архивная копия: Wayback Machine.
2. Guo Q., Rungsisawat S., Liu C. The Future of Talk Shows: AI-Driven Virtual Hosts and Their Impact on Media Communication: A Systematic Literature Review // Journal of Advances in Humanities Research. — 2025. — Vol. 4, № 2. — DOI: 10.56868/jadthur.v4i2.306.
3. Зарубежный стартап выяснил, может ли нейросеть вести радиоэфир : [электронный ресурс] // M24. — 21 мая 2026. — URL: <https://www.m24.ru/news/tekhnologii/21052026/> (дата обращения: 14.09.2026).
4. GigaChat поможет создать выпуск программы «Центральное телевидение» на НТВ : [электронный ресурс] // НТВ. — 19 июня 2025. — URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2912563/> (дата обращения: 14.09.2026).
5. ИИ в эфире. Соведающим на новостном ТВ-шоу станет GigaChat : [электронный ресурс] // Аргументы и факты. — 19 июня 2025. — URL: https://aif.ru/society/media/ii_v_efire_sovedushchim_na_novostnom_tv-shou_stanet_gigachat (дата обращения: 14.09.2026).
6. Нейросеть станет редактором новой политической программы канала «Звезда» : [электронный ресурс] // Комсомольская правда. — 14 августа 2025. — URL: <https://www.kp.ru/daily/27738/5128310/> (дата обращения: 14.09.2026).
7. Политукладчик : [электронный ресурс] // Телеканал «Звезда». — 22 августа 2025. — URL: <https://tvzvezda.ru/news/20258221050-politukladchik.html> (дата обращения: 14.09.2026).
8. Ларионова Е. Виртуальные телеведущие: опыт внедрения нейросети на канале «Своё ТВ» (Ставропольский край) // Динамика медиасистем. — 2026. — Т. 6, № 2. — С. 146–149. — DOI: 10.47475/2949-3390-2026-6-2-146-149.
9. Бодрунова С.С., Нигматуллина К.Р. Искусственный интеллект в медиасфере: направления исследования, профессиональные противоречия и новые риски // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. — 2025. — № 5. — С. 3–22. — DOI: 10.55959/msu.vestnik.journ.5.2025.322.

10. RTVI запустил экономическую рубрику с ИИ-ведущей : [электронный ресурс] // RTVI. — 20 июля 2026. — URL: <https://rtvi.com/news/rtvi-zapustil-ezhednevnyu-ekonomicheskuyu-rubriku-s-ii-vedushhej/> (дата обращения: 14.09.2026).
11. Симоньян заявила, что часть ведущих на RT заменили созданными ИИ аватарами : [электронный ресурс] // Аргументы и факты. — 29 октября 2024. — URL: https://aif.ru/society/media/simonyan_zayavila_chno_chast_vedushchih_na_rt_zamenili_sozdannymi_ii_avatarami (дата обращения: 14.09.2026).
12. Познер раскрыл, смогут ли нейросети заменить журналистов : [электронный ресурс] // News.ru. — 20 ноября 2025. — URL: <https://news.ru/show-business/pozner-raskryl-smogut-li-nejroseti-zamenit-zhurnalistov/> (дата обращения: 14.09.2026).
13. Яна Чурикова рассказала, кого из артистов может заменить искусственный интеллект : [электронный ресурс] // Life.ru. — 26 октября 2025. — URL: <https://life.ru/p/1723456> (дата обращения: 14.09.2026).
14. Соколова Л.Н., Ткачев М.В. Образы нейроведущих на современном региональном телевидении в России: сравнительный аспект // Вопросы журналистики. — 2025. — № 18. — С. 29–58. — DOI: 10.17223/26188422/18/2.
15. «Триколор» запустил первую в России спортивную программу, полностью созданную с помощью ИИ : [электронный ресурс] // Триколор. — URL: <https://www.tricolor.ru/news/trikolor-zapustil-pervuyu-v-rossii-sportivnuyu-programmu-polnostyu-sozdannuyu-s-pomoshchyu-ii/> (дата обращения: 14.09.2026).
16. Цвик В.Л. Телевизионная журналистика: история, теория, практика. — Москва : Аспект Пресс, 2022. — 416 с.
17. Куницына Н.В. Интервью — ток-шоу — подкастинг: классика жанра в контексте медийных трансформаций // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. — 2021. — Т. 2, № 2 (35). — С. 140–147.
18. Гуленко П.В., Долгова Ю.И. Проблемы классификации современных телепередач: сущностные характеристики формата «ток-шоу» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. — 2016. — № 3. — С. 102–110.
19. Постман Н. Развлекая себя до смерти / пер. с англ. — Москва : АСТ, 2020. — 320 с.
20. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека / пер. с англ. — Москва : Кучково поле, 2018. — 464 с.

21. Turkle S. Alone Together: Why We Expect More from Technology and Less from Each Other. — New York : Basic Books, 2011. — 384 p.
22. Бруссард М. Искусственный интеллект: пределы возможного / пер. с англ. — Москва : Альпина нон-фикшн, 2020. — 362 с.
23. Бостром Н. Искусственный интеллект: этапы, угрозы, стратегии / пер. с англ. — Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2016. — 496 с.
24. Picard R.W. Affective Computing. — Cambridge, MA : MIT Press, 1997. — 292 p.
25. Asada M. Artificial empathy // International Journal of Social Robotics. — 2015. — Vol. 7, № 1. — P. 5–9.
26. Emotionally adaptive support: a narrative review of affective computing for mental health // Frontiers in Digital Health. — 2025. — Vol. 7. — DOI: 10.3389/fdgth.2025.1657031.
27. Cuadra A., Wang M., Stein L.A., Jung M.F., Dell N., Estrin D., Landay J.A. The Illusion of Empathy? Notes on Displays of Emotion in Human-Computer Interaction // Proceedings of the CHI Conference on Human Factors in Computing Systems (CHI '24). — ACM, 2024. — DOI: 10.1145/3613904.3642336.
28. When Human-AI Interactions Become Parasocial: Agency and Anthropomorphism in Affective Design // Proceedings of the ACM Conference on Fairness, Accountability, and Transparency (FAccT). — 2024. — P. 1–14. — DOI: 10.1145/3630106.3658954.
29. Ghost in the Chatbot: The Perils of Parasocial Attachment : [электронный ресурс] // UNESCO. — 10 июля 2025. — URL: <https://www.unesco.org/en/articles/ghost-chatbot-perils-parasocial-attachment> (дата обращения: 14.09.2026).
30. О средствах массовой информации : Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-I (ред. от 26.06.2026) : [электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102013812> (дата обращения: 14.09.2026).
31. О поддержке развития технологий искусственного интеллекта : Федеральный закон от 26.07.2026 № 243-ФЗ : [электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102013812> (дата обращения: 14.09.2026).
32. Нигматуллина К.Р., Касымов Р.М., Поляков А.К. Системные вызовы для региональных редакций при внедрении нейросетей в медиапроизводство // Вестник

Московского университета. Серия 10: Журналистика. — 2025. — № 5. — С. 156–178. — DOI: 10.55959/msu.vestnik.journ.5.2025.156178.

33. Andon Labs : [электронный ресурс] // Y Combinator. — URL: <https://www.ycombinator.com/companies/andon-labs> (дата обращения: 14.09.2026).
Архивная копия: Wayback Machine.

34. DeepBrain AI — Case study of TV Chosun : [электронный ресурс] // AI Studios. — URL: <https://www.aistudios.com/case-study/tv-chosun> (дата обращения: 14.09.2026).
Архивная копия: Wayback Machine.

35. Sande N. Algorithmic Empathy: Assessing AI's Capacity for Presence in Pastoral Care // Pastoral Psychology. — 2026. — DOI: 10.1007/s11089-026-01340-9.

UDC 81'42:811.111

Smakotina N.A. Mechanisms of Interdiscursive transformation of Knowledge in Contrasting Reddit Communities

Механизмы интердискурсивной трансформации знания
в контрастных сообществах Reddit

Smakotina N. A.

Novosibirsk State Technical University, Russia, Novosibirsk

Смакотина Н. А.

Новосибирский государственный технический университет, Россия, Новосибирск

Abstract. The article explores the mechanisms underlying the transfer of knowledge between contrasting types of digital discourse. The empirical material comprises two communities on the Reddit platform: the technically oriented r/SpaceX and the memetic r/memes. Employing corpus analysis within the AntConc toolkit, the study reconstructs the conceptual domains and frames inherent in these discourses. Through the method of metaphorical modeling, the structuring cognitive metaphorical models are identified. Drawing on Keyness analysis and the theory of conceptual integration, the research delineates two bidirectional vectors of transformation: the direct vector (characterized by the reduction of technical frames) and the reverse vector (marked by the reversible penetration of memetic units). The findings demonstrate that their interaction results in an emergent cognitive structure where the rigid technical code is superseded by a gamified, anthropocentric model.

Keywords: digital discourse, contrasting types of discourse, cognitive-discourse analysis, Keyness analysis, interdiscursive transformation, conceptual integration, emergent structure, integrative domain, SpaceX.

Аннотация. Статья посвящена описанию механизмов перехода знания между контрастными типами цифрового дискурса. Материалом выступают два сообщества платформы Reddit: технически ориентированное r/SpaceX и меметическое r/memes. На основе корпусного анализа в инструменте AntConc реконструированы концептуальные домены и фреймы дискурсов. Методом метафорического моделирования выявлены структурирующие их когнитивные метафорические модели. С опорой на Кейнес-анализ и теорию концептуальной интеграции выявлены два встречных вектора трансформации: прямой (редукция технических фреймов) и обратный (реверсивное проникновение меметических единиц). Показано, что результатом взаимодействия становится эмерджентная когнитивная структура, в которой технический код уступает место геймифицированной антропоцентрической модели.

Ключевые слова: цифровой дискурс, контрастные типы дискурса, когнитивно-дискурсивный анализ, Кейнес-анализ, интердискурсивная трансформация, концептуальная интеграция, эмерджентная структура, интегративный домен, SpaceX.

Рецензент: Лебедева Надежда Анатольевна - доктор философии в области культурологии, член Евразийской Академии телевидения и радио, профессор философии МКА (International Personnel Academy, Germany)

Введение

Современная цифровая коммуникация представляет собой не просто технологическую среду для обмена сообщениями, а сложное когнитивно-дискурсивное пространство, в котором знание производится, трансформируется и приобретает новые формы. Платформы, подобные Reddit, объединяют миллионы пользователей в тематические сообщества, каждое из которых вырабатывает собственные конвенции описания действительности. В результате один и тот же объект может получить

принципиально различное когнитивное и аксиологическое оформление в зависимости от дискурсивной среды.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью теоретического описания механизмов перехода знания между контрастными типами цифрового дискурса. Традиционные границы между институциональным и обыденным, экспертным и развлекательным, серьезным и комическим типами коммуникации в цифровой среде становятся проницаемыми. Однако до сих пор не получил системного освещения вопрос о том, как именно происходит трансформация знания при пересечении этих границ: какие когнитивные механизмы обеспечивают адаптацию сложной технической информации к обыденному сознанию и, наоборот, каким образом элементы развлекательной интернет-культуры проникают в экспертную коммуникацию. Решение этого вопроса требует разработки специального методологического инструментария, позволяющего сопоставлять контрастные дискурсы и моделировать их взаимодействие.

Объектом исследования выступает интегративный домен – ментально-дискурсивное пространство, формирующееся на пересечении контрастных цифровых дискурсов r/SpaceX и r/memes об одном объекте – космической корпорации SpaceX.

Предмет исследования – механизмы интердискурсивной трансформации знания, обеспечивающие переход информации между технически ориентированным и меметическим дискурсами.

Цель работы заключается в описании структуры и стадий интердискурсивной трансформации знания в контрастных цифровых сообществах.

Для достижения поставленной цели решаются следующие **задачи**:

1. выявить прямой вектор трансформации, то есть процессы редукции технических фреймов при переходе информации в меметический дискурс;
2. описать обратный (реверсивный) вектор проникновения меметических единиц в технически ориентированную коммуникацию;
3. смоделировать интегративную структуру, объясняющую взаимодействие прямого и обратного векторов.

Теоретическую основу исследования составляют работы Е. С. Кубряковой, Н. Н. Болдырева, Т. А. ван Дейка, В. Е. Чернявской, Е. И. Горошко, А. Р. Шубиной, С. В. Канашиной, Г. Кресса, Т. ван Левена, А. А. Кибрика, Ж. Фоконье, М. Тернера, Дж. Лакоффа и М. Джонсона, А. П. Чудинова, Э. В. Будаева и др.

Материалом исследования послужили 247 публикаций и 10 388 комментариев первого уровня сообщества r/SpaceX и 91 техномем, а также 1991 комментариев первого уровня сообщества r/memes, отобранные на платформе Reddit по тегу «spacex».

Методологическую основу составляют принципы когнитивно-дискурсивной парадигмы, в рамках которой язык рассматривается как инструмент познания и обработки опыта. Для решения поставленных задач применяется комплекс методов: корпусный анализ в программной среде AntConc (частотный, коллокационный, кластерный, конкордансный), Keyness-анализ для выявления лексических единиц, специфичных для каждого корпуса, а также методы описания, контекстуального анализа и концептуальной интеграции для построения итоговой модели.

Основные результаты и обсуждение

Исследование интердискурсивного взаимодействия контрастных типов цифрового дискурса опирается на комплексный теоретический базис, объединяющий идеи теории дискурса [1 – 3], цифровой коммуникативистики [4 – 7], когнитивной лингвистики [8, 9] и мультимодального анализа [10].

Контрастность анализируемых сред r/SpaceX и r/memes носит системный характер и определяется различиями в их коммуникативных целях, семиотической организации, интенциональной структуре и аксиологической направленности. Взаимодействие столь полярных типов коммуникации позволяет верифицировать когнитивные механизмы метафорического моделирования [11] и процессы концептуальной интеграции [12] при переходе знания из технически ориентированной среды в развлекательную.

Применение дискурсивного подхода Т. А. ван Дейка [1], трактующего дискурс как ментальное конструирование определенной ситуации, позволяет рассматривать трансфер знания между сообществами Reddit не как механическое копирование информации, а как ее глубокую когнитивную реконструкцию. Сопоставительный лингвистический анализ показал, что за полярными способами репрезентации образа корпорации SpaceX стоят принципиально разные структуры знания, опыта и оценок, когнитивная природа которых подробно описана Е. С. Кубряковой [8].

Вектор анализа, направленный от технически ориентированного дискурса к меметическому (прямой вектор) характеризуется когнитивной редукцией экспертного знания. Сложные поликодовые и мультимодальные структуры интернет-мемов, в которых смысл рождается за счет синергии вербальных и невербальных компонентов, как справедливо отмечает Ю. В. Щурина [14], выступают в r/memes в качестве «специфических хранилищ культурных кодов сетевого сообщества», согласно дефиниции Н. Г. Марченко [15]. Статистический Keyness-анализ в программной среде AntConc [16] подтвердил эту редукцию количественно. Лексемы, обозначающие ключевые технические компоненты ракет-носителей, продемонстрировали устойчивую отрицательную ключевость в корпусе r/memes: *booster* (Log Ratio – 3,8), *engine* (Log Ratio

– 2,7), *payload* (Log Ratio – 3,6). Их плотность в меметическом корпусе оказалась в 6-14 раз ниже, чем в технически ориентированном *r/SpaceX*. Сложная иерархическая структура инженерного фрейма сворачивается здесь до одного-двух репрезентативных признаков.

Параллельно с вытеснением технического знания в меметическом корпусе фиксируется аномально высокая положительная ключевость бытовых и экспрессивно-сниженных лексем: *beer* (Log Ratio +6,9), *corona* (Log Ratio +8,8), *drink* (Log Ratio +6,2), *Carlsberg* (Log Ratio +7,4), *bottle* (Log Ratio +5,6). Эти данные верифицируют выделяемые в работах Е. Е. Голубковой и С. В. Канашиной [17] свойства мема как феномена цифровой коммуникации, способного разворачивать компенсаторные пространства наивной матрицы неспециалистов. Так, фрейм *LANDING* (посадка) в технически ориентированной среде *r/SpaceX* разворачивается через последовательность технологических операций (описание предстартовых проверок, телеметрии и т.д.). В меметической же среде, данный фрейм редуцируется до игровой бинарной оппозиции, репрезентируемой в реакциях пользователей как «successful launch and explosive landing» («успешный запуск и взрыв при посадке»). Инженерная неудача перекодирована в категорию зрелищности, превращая технологический провал в повод для карнавализации. Аналогично технический эвфемизм *RUD* (Rapid Unscheduled Disassembly – быстрая внеплановая разборка) в *r/memes* становится объектом деконструкции и языковой игры, порождая ироничную оппозицию *DUR* (Delightful Unscheduled Recovery – восхитительное незапланированное спасение).

Реверсивный (обратный) вектор отражает движение меметических единиц в технически ориентированный дискурс *r/SpaceX*. Бытование этих единиц в рамках интернет-гипертекста, как доказывает С. В. Канашина [18, 19], обеспечивается функциональной категорией интертекстуальности, связывающей разнородные интернет-тексты. В отличие от прямого вектора, данные процессы интеграции обладают низкой частотностью и выявляются методами качественного контекстуального (конкордансного) анализа. Процесс реверсивного проникновения носит стадийный характер и включает четыре этапа.

Первый этап – ироническая редукция через первичное проникновение мема в технически ориентированную среду с целью снижения пафоса события. Например, прототип *Starship* часто сравнивают с водонапорной башней: «What an odd looking water tower» («Что за странная водонапорная башня»).

Второй этап – циркуляция и узнаваемость, т.е. воспроизведение единицы внутри сообщества без дополнительных пояснений, как например, аббревиатура *RUD* используется в комментариях *r/SpaceX* без расшифровки: «*RUD*. A very, very large win for

SpaceX» («RUD. Огромная-преогромная победа для SpaceX»).

Третий этап – когнитивное присвоение или интеграция единицы в качестве разделяемого знания. Примером может служить обращение к Kerbal Space Program: «This is basically kerbal space program in real life» («Это, по сути, Kerbal Space Program в реальной жизни»).

Четвертый этап знаменует закрепление знака в структуре знания принимающего сообщества с частичной нейтрализацией комического компонента при сохранении его интертекстуального «следа». Например, метафорический перенос, заложенный в меметической единице, утрачивает экспрессивность и фиксируется в текстах комментариев технически ориентированного дискурса как конвенциональное наименование элемента конструкции.

Для комплексного описания и моделирования когнитивного результата взаимодействия двух векторов продуктивно обращение к теории концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера [12]. Согласно подходу исследователей, базовая мыслительная операция порождения новых смыслов разворачивается в рамках четырехчастной ментальной схемы.

В конструируемой интегративной модели общее пространство (Generic Space) задает абстрактные инвариантные категории (агент, цель, средства, процесс, результат), по которым сопоставляются анализируемые дискурсы.

Первое входное пространство (Input 1) формирует технически ориентированный дискурс r/SpaceX, репрезентированный пятью концептуальными доменами, выделенными с помощью инструмента AntConc [16] на основе частотности лексических единиц в корпусе публикаций и комментариев: *CONCEPT-PRODUCT* (концепт-продукт), *OPERATIONAL ACTIVITY* (операционная деятельность), *ENGINEERING AND TECHNOLOGIES* (технологии и инженерия), *LEADERSHIP AND PARTNERSHIP* (лидерство и партнерство), *FUTURE OF SPACE* (будущее космоса). В рамках данных областей на основе частотного, коллокационного, кластерного и конкордансного анализа в корпус-менеджере AntConc (там же) реконструированы семантические фреймы *ARTIFACT* (артефакт), *LAUNCH* (запуск), *MECHANISM* (устройство), *TECHNOLOGICAL BREAKTHROUGH AND INNOVATIONS* (технологический прорыв), *TECHNOLOGICAL AESTHETICS* (технологическая эстетика), *ACTOR* (актер), *EXPANSION* (экспансия). Каждый из доменов организован соответствующей метафорической моделью: *JOURNEY* (путешествие), *CONSTRUCTION* (строительство), *MARKET* (рынок), *COMPETITION* (соперничество), *EVOLUTION* (эволюция).

Второе входное пространство (Input 2) представлено меметическим дискурсом r/memes, который структурирован тремя доменами: *TECHNOLOGICAL RISK*

(технологические риски), *CONTRACTUAL COMPETITION* (контрактная конкуренция) и *AMBIVALENT LEADER* (амбивалентный лидер). В рамках домена *TECHNOLOGICAL RISK* реконструирован фрейм *LANDING* (посадка); в остальных областях когнитивная репрезентация носит преимущественно диффузный метафорический характер, где метафорические модели замещают собой фреймовые структуры. Им соответствуют три доминантные метафорические модели: *TECHNOLOGY IS A SPECTACLE* (технология как зрелище), *SPACE EXPLORATION IS ESCAPISM* (космическая экспансия как эскапизм), *SPACEX IS A COMPETITOR* (SpaceX как конкурент).

Смешанное пространство – бленд (Blended space) – выступает непосредственным результатом интеграции ментальных структур (Input 1, Input 2), образуя эмерджентную систему – интегративный домен SpaceX, в котором жесткий технический код замещается антропоцентрической геймифицированной моделью. В рамках данного бленда космическая инженерия переосмысливается как медийное шоу, коллективные научно-технические цели трансформируются в персональные стратегии, а сложные решения становятся объектами иронической оценки. Такой когнитивный механизм позволяет технически ориентированному сообществу r/SpaceX снижать психологическое напряжение от аварий через усвоение меметической иронии, а обыденному сообществу r/memes приобщаться к передовым научно-техническим достижениям через понятный язык сетевого фольклора.

Заключение

Таким образом, предложенная модель обладает теоретической ценностью для когнитивной лингвистики и теории дискурса, поскольку позволяет объяснить, как один и тот же объект концептуализируется по-разному, в зависимости от дискурсивной среды и при этом остается частью единого смыслового пространства. Практическая значимость модели заключается в возможности ее применения для анализа других наукоемких отраслей (искусственный интеллект, квантовые технологии, биоинженерия), а также в сфере стратегических коммуникаций – для понимания того, как техническая информация воспринимается массовой аудиторией и какие когнитивные механизмы обеспечивают ее адаптацию.

Перспективы исследования видятся в развитии лингвокогнитивной парадигмы макроmodellирования сетевых структур, автоматизированной с помощью методов компьютерной лингвистики и больших языковых моделей (LLM). Результатирующим фактором такой парадигмы может служить разработка прогностической модели коммуникативных конфликтов в высокотехнологичных мегадоменах в системе мониторинга инфосреды.

References

1. ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация : перевод с английского / Т. А. ван Дейк ; составитель В. В. Петров ; под редакцией В. И. Герасимова. — М. : Прогресс, 1989. — 312 с.
2. Fairclough N. Media Discourse / N. Fairclough. — London : Edward Arnold, 1995. — 214 p.
3. Чернявская В. Е. Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность / В. Е. Чернявская. — М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2014. — 247 с.
4. Горошко Е. И. Гендерные аспекты коммуникаций на примере образовательных практик интернета // Образовательные технологии и общество = Educational Technology & Society. — 2008. — Т. 11, № 2. — С. 388–411.
5. Шубина А. Р. Термины цифровой коммуникации // Исследования молодых ученых : материалы XXIV Международной научной конференции (Казань, октябрь 2021 г.). — Казань : Молодой ученый, 2021. — С. 63–70.
6. Crystal D. Language and the Internet / D. Crystal. — 2nd ed. — Cambridge : Cambridge University Press, 2006. — 316 p.
7. Herring S. C. A Faceted Classification Scheme for Computer-Mediated Discourse // Language@Internet : электронный научный журнал. — 2007. — Vol. 4. — Article No. 1. — URL: <https://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:0009-7-7611> (дата обращения: 13.08.2026).
8. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. — М. : Языки славянской культуры, 2004. — 560 с.
9. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику : курс лекций / Н. Н. Болдырев. — 4-е изд., испр. и доп. — Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. — 236 с.
10. Kress G. Reading Images: The Grammar of Visual Design / G. Kress, T. van Leeuwen. — 2nd ed. — London : Routledge, 2006. — 292 p.
11. Чудинов А. П. Политическая метафорология: Дискурсивный поворот / А. П. Чудинов, Э. В. Будаев, О. А. Солопова. — М. : Флинта, 2020. — 234 с.
12. Fauconnier G. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities / G. Fauconnier, M. Turner. — New York : Basic Books, 2002. — 464 p.
13. Fauconnier G. Conceptual Blending, Form and Meaning / G. Fauconnier, M. Turner // Recherches en Communication. — 2003. — Vol. 19, № 19. — P. 1–32.
14. Щурина Ю. В. Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации // Научный диалог. — 2012. — № 3. — С. 161–173.
15. Марченко Н. Г. Интернет-мем как хранилище культурных кодов сетевого

сообщества // Казанская наука. — 2013. — № 1. — С. 113–115.

16. Anthony L. AntConc (Version 4.3.1) : программа для ЭВМ / L. Anthony. — Tokyo, Japan : Waseda University, 2024. — URL: <https://www.laurenceanthony.net/software/antconc/> (дата обращения: 13.08.2026).

17. Голубкова Е. Е. Когнитивный фрейминг и рефрейминг в англоязычных интернет-мемах // Интегративные и кросс-культурные подходы к изучению мышления и языка : материалы международной научной конференции (Москва, 2022 г.). — М. : МГЛУ, 2022. — С. 65–68.

18. Канашина С. В. Что такое интернет-мем? // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2017. — № 28 (277), вып. 36. — С. 84–90.

19. Канашина С. В. Интертекстуальность как текстовая категория в интернет-мемах // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2019. — № 7 (140). — С. 133–138.

ECONOMICS AND MANAGEMENT

UDC 33

Katkova N.M., Chigvintseva M.A. Eco-friendly public procurement as a factor of sustainable economic growth

Katkova Nina Mikhailovna,

senior Lecturer - Graduate School of Linguistics and Pedagogy, Peter the Great St. Petersburg
Polytechnic University Russia, Saint Petersburg

Chigvintseva Maria Aleksandrovna,

student 2 term, faculty of Institute of Industrial Management, Economics and Trade, Peter the Great
St. Petersburg Polytechnic University Russia, Saint Petersburg

Abstract. *In the context of the transition to the national Environmental Well-being project (2025–2030) and the introduction of mandatory environmental requirements for certain product categories through secondary legislation, green public procurement (GPP) is evolving into a strategic instrument for sustainable economic growth. The article defines the conceptual boundaries of GPP, examines the regulatory framework of the Russian Federation, and identifies systemic gaps in current legislation: the predominantly voluntary nature of environmental criteria, the absence of a unified life cycle costing (LCC) methodology, and fragmented regulatory oversight. Based on a comparative analysis of Swedish, German, and U.S. models, the study demonstrates that GPP effectiveness depends not on regulatory rigidity, but on the synergy of three institutional components: a clear regulatory framework, standardized methodological support (LCC calculation), and transparent monitoring. The paper proposes actionable recommendations for system modernization: mandatory LCC application for priority product categories, establishment of an interdepartmental coordination council, linkage of inter-budgetary transfers to regional environmental performance quotas.*

Keywords: *green public procurement, sustainable development, life cycle cost (LCC), environmental criteria.*

Рецензент: Бюллер Елена Александровна – кандидат экономических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Адыгеский государственный университет»

At the final stage of the implementation of the national Ecology project (2019-2024) and in the context of the transition to a new stage of state environmental policy related to the launch of the Environmental Well-being project (2025-2030), the importance of tools capable of ensuring the effective use of budgetary resources is significantly increasing. In this regard, special attention is drawn to environmentally oriented public procurement, which can act as one of the mechanisms for sustainable economic growth in the regions [1]. However, as the researchers note, the GPP model in Russia is at the initial stage of institutionalisation and requires further scientific understanding. The relevance of the topic is confirmed by such works as M.A. Egorova [2], who explores the foreign experience of legal regulation of "green" procurement and the possibility of adapting European policy approaches, M.Y. Pogudaeva, I.P. Gladilina and S.A. Sergeeva in their work on the structural elements of the domestic model

of procurement greening [3], Ю. Н. Васильев, О. В. Батова и другие, изучили нормативно-правовую базу “зеленых” закупок в РФ и выявили пробелы требований [4], as well as G.I. Parkhutik and D.A. Gusev, substantiating the role of the green economy as a driver of regional development and systematizing tools to stimulate it [5]. In contrast to the traditional paradigm focused on minimizing the initial maximum contract price, the Green Public Procurement model shifts the focus to estimating the total cost of the product life cycle (LCC), which allows taking into account operating, service and disposal costs, as well as potential environmental damage, thereby forming the long-term economic efficiency of budget investments.

The relevance of the topic is due to the need to increase the efficiency of budget expenditures, ensure transparency of environmental costs and accelerate the transition to a circular economy to reduce the burden on the environment.

The aim of the work is to identify the potential of environmentally friendly public procurement as a factor of sustainable economic growth and to develop mechanisms to increase their effectiveness.

Research objectives:

1. To reveal the concept of green public procurement;
2. To analyze the regulatory framework in the Russian Federation;
3. To investigate the practice of applying eco-friendly procurement abroad;
4. To determine the impact on the economy;
5. To develop recommendations for improving the system.

Research methods: analysis, synthesis, comparative method, statistical analysis.

Introduction.

The Green Public Procurement (GPP) is a tool within the framework of environmental policy and sustainable growth strategy, which is used by government agencies to stimulate the development of environmentally friendly industries and consumption of goods and services while preserving the ecological well-being of the environment and public space. This model assumes that public procurement can be used to stimulate environmentally friendly production and consumption while reducing the negative impact on the environment [3]. Eco-friendly public procurement is reviewed by international organizations (UN, OECD, European Commission) as a key mechanism of “green” growth, which allows simultaneously solving the tasks of resource conservation, reducing anthropogenic pressure and stimulating innovation activity.

Consideration of environmental requirements in public procurement is becoming a public policy tool aimed at promoting sustainable production and consumption patterns. Governments can influence market demand by taking environmental considerations into account when making procurement decisions, encourage the introduction of environmentally responsible technologies, and support long-term economic development by reducing the

burden on natural ecosystems. International experience shows that green public procurement (GPP) has become an effective policy mechanism in many countries. Instead of acting solely as an environmental initiative, GPP promotes a number of policy goals, including reducing air, water and soil pollution, phasing out the use of hazardous substances in production processes, minimizing industrial waste and landfill waste, and increasing the use of renewable and resource-saving materials in the production of goods and services. [6].

In the Russian Federation, the legal regulation of "green" public procurement is mainly based on two legislative acts: Federal Law No. 44-FZ "On the Contract System for Procurement of Goods, Works and Services to Meet State and Municipal Needs" and Federal Law No. 223-FZ "On the Procurement of Goods, Works, and Services by Certain Types of Legal Entities". Services for state and municipal needs". and municipal needs" and the services of certain types of legal entities. " The first one establishes a general legal framework governing all stages of the public procurement process, from planning to contract execution and monitoring, and allows procurement authorities to include environmental characteristics in procurement specifications, if necessary [7]. The latter applies to state-owned enterprises and other authorized organizations, giving them greater flexibility in meeting environmental requirements through their internal procurement rules and corporate procurement policies [8].

Despite the consistent expansion of the regulatory framework, which includes the introduction of environmental requirements for certain categories of goods and the development of an eco-labeling system, the Russian model of "green" procurement (GPP) is at the stage of institutional formation. The main limitations remain the lack of a unified mandatory system of environmental criteria and a unified methodology for calculating the total life cycle cost (LCC). Currently, environmental requirements apply mainly to individual types of products and do not cover the contract system as a whole [4]. Nevertheless, the development of regulatory and methodological approaches to environmental performance assessment forms a comprehensive model for greening public procurement.

Additional regulation is provided by a number of acts:

1. Federal Law No. 7-FZ - establishes economic mechanisms for stimulating environmental activities;
2. Federal Law No. 261-FZ - establishes requirements for energy efficiency of products;
3. Fundamentals of state policy in the field of environmental development of the Russian Federation until 2030 - defines the strategic priority of greening procurement;
4. The EAEU technical Regulations and GOST define the requirements for the quality, safety and environmental friendliness of products.

Despite the fact that the legal framework for "green" public procurement has expanded, important legislative gaps remain. The main problems include:

1. Lack of a legislative definition and a single list of environmental characteristics of products (limited range of goods).

2. The lack of mandatory application of environmental criteria (they are mostly voluntary).
3. The lack of regulation of the methodology for assessing the environmental friendliness of goods and services.
4. Insufficient consideration of the full environmental impact of products (including environmental damage at all stages of the life cycle).
5. The lack of a single methodological document or standard for «green» procurement (is of a recommendatory nature).
6. Fragmented legal regulation and the absence of a separate law on “green” procurement.

Thus, despite the existence of a regulatory framework, the current legislation does not ensure the full and systematic implementation of “green” public procurement and requires further development and detail.

Green public procurement contributes to achieving a balance between the three key components of sustainable development - economic, social and environmental. The economic aspect covers costs at all stages of the life cycle of products and services: from production and operation to disposal. The social component addresses issues of working conditions, respect for human rights and ensuring social justice. The environmental aspect includes the impact on the environment: the volume of emissions into the atmosphere and discharges into water bodies, the impact on the climate, the conservation of biodiversity, as well as the rational use of natural resources.

Data analysis of the Unified Information System in the field of Procurement (UIS), conducted by the “Kontur service.Procurement”, allows us to identify multidirectional trends in the budget and corporate segments of eco-friendly procurement in 2023-2024 in table 1, compiled according to the website. The study covers the categories of procurement related to environmental protection: wastewater treatment, waste treatment and disposal, environmental protection measures, treatment equipment, environmental research.

Table 1

Dynamics of eco-friendly purchases in the Russian Federation

Indicator	2023	2024	Percentage change
According to 44-FZ			
Volume, billion rubles.	44.66	44.84	+0.4 %
Number of procedures, thousand	29.2	31.5	+7.6 %
According to 223-FZ			
Volume, billion rubles.	74.5	54.3	-27.1 %
Number of procedures, thousand	13.6	15.3	+12.9 %

As shown by the data in table 1, the dynamics of eco-friendly purchases in Russia is multidirectional. In the budget segment (44-FZ), the volume remained virtually unchanged, with an increase of only 0.4%, while in the corporate sector (223-FZ), financing decreased by more

than a quarter (-27.1%). The presented data do not allow us to directly identify the causes of the revealed discrepancy. To understand which institutional mechanism determines the effectiveness of GPP, three countries with established models are compared - Sweden, Germany and the USA. The comparison is based on six parameters: the obligation of environmental criteria, consideration of life cycle (LCC), the distribution of powers between levels of government, the control mechanism, the regulatory framework and the coordinating body.

Table 2

Comparison of GPP models by country

Criteria	Sweden	Germany	USA
Mandatory criteria	Primarily voluntary, with exceptions for EU-derived mandatory rules. National stakeholders increasingly support binding national criteria.	Environmental requirements are based on directives and national laws. The purchase threshold sets the legal regime.	Federal agencies are required to ensure that 95% of new contracts meet the criteria of energy efficiency, water conservation, bio-based or environmental preference, and the priority of multi-attribute «green» products is enhanced.
LCC Accounting	Upphandlingsmyndigheten (Swedish Procurement Agency) has developed LCC, a tool for calculating the cost of a product or service throughout its life cycle.	UBA provides free LCC tools for 7 product groups (computers, refrigerators, washing machines, etc.).	LCC is applied selectively: mainly in categories with high operating costs (energy, water, maintenance), whereas for short-term goods the initial price assessment prevails (it is a federal requirement for purchases of energy-consuming equipment).
Distribution of powers	Decentralized execution within a harmonized national legal framework, municipalities retain procurement autonomy but follow national guidelines.	The legislative competence of the federal states, which is enabled by the Act Against Restraints of Competition (GWB). This allows the states to enact their own regulations for environmentally friendly procurement that go beyond federal legal requirements.	Agency-level implementation: Individual federal agencies develop their own Strategic Sustainability Performance Plans (SSPP) and acquisition strategies within executive branch targets.
The control mechanism	The SPA (Swedish Procurement Agency) monitors the implementation of the national strategy through a bi-annual survey sent to all procurement organizations. Extensive procurement statistics are published. Annual procurement reports are publicly available.	Monitoring is carried out through the digital platforms of regional procurement centers, and control includes an audit of compliance with the criteria before and after the execution of the contract. Federal eProcurement Platform (E-Vergabe), Kaufhaus des Bundes (KdB).	FPDS (Federal Procurement Data System) is a centralized database that tracks purchases. The SSPP (Strategic Sustainability Performance Plan) is a plan that U.S. federal agencies develop within the framework of sustainability requirements.

Criteria	Sweden	Germany	USA
Regulatory framework	Swedish Public Procurement Act (2016) - encourages environmental considerations, but does not make them mandatory. National Public Procurement Strategy (2017) — 7 goals, including environmentally responsible procurement, ISO 14040, ISO 14044, ISO 15686-5.	GWB (Gesetz gegen Wettbewerbsbeschränkung en), acts Umweltbundesamt, KNB (Federal Competence Centre for Sustainable Procurement).	EO 14030 (Climate-Related Financial Risk), EO 14057 (Catalyzing Clean Energy Industries and Jobs Through Federal Sustainability), National Technology Transfer and Advancement Act (NTTAA) and OMB Circular A119.
Coordinating body	Upphandlingsmyndigheten (Swedish Procurement Agency), Kammarkollegiet (Legal, Financial and Administrative Services Agency).	Umweltbundesamt (UBA), Kompetenzstelle für nachhaltige Beschaffung (Kompetenzstelle für nachhaltige Beschaffung), Federal Ministry of Environment, Nature Protection, Nuclear Safety and Consumer Protection (BMUV).	General Services Administration (GSA), Federal Acquisition Regulatory Council (FAR Council), Office of Pollution Prevention and Toxics (OPPT).

The comparison shows that Sweden, Germany and the USA use different approaches to the development of "green" public procurement. Sweden focuses on voluntary environmental criteria and the independence of municipalities, Germany combines federal regulation with land management, and the United States applies more formalized requirements to government agencies.

A common element of the models under consideration is the use of product lifecycle cost estimates. This approach allows you to take into account not only the initial contract price, but also the costs of operation, maintenance and disposal. For Russia, foreign experience is of practical interest, but its application requires adaptation to the national regulatory framework and the development of uniform criteria for environmental procurement. The introduction of such mechanisms can increase the efficiency of budget expenditures and at the same time help reduce the burden on the environment.

The conducted analysis allows us to propose the following measures for the development of environmentally oriented public procurement in Russia:

1. To fix in the framework of 44-FZ the mandatory calculation of the cost of the life cycle for priority categories of purchases, including construction, transport, utility equipment and packaging. The methodology should take into account not only the purchase price, but also the costs of operation, repair and disposal of products.

2. Create an interagency coordination mechanism responsible for developing common environmental criteria, methodological support for customers, and regular evaluation of

procurement results. At the same time, regions should be given the opportunity to adapt their requirements to local environmental and economic conditions.

3. Integrate the electronic verification of environmental certificates, declarations and information on environmental labeling into a single information system. This will reduce the risk of distortion of environmental characteristics and increase the transparency of procurement procedures.

4. To supplement the system of mandatory requirements with economic incentives. Regions and customers demonstrating a high level of greening of procurement and achieving proven results are recommended to ensure priority access to subsidies and infrastructure programs.

5. Introduce mandatory disclosure of the final environmental impact of large purchases: the amount of emissions reduced, resources saved, the proportion of recycled materials and the cost of subsequent disposal. Such reporting will make it possible to assess not only the number of "green" contracts, but also their actual outcome.

Taken together, these measures can link environmental requirements with digital controls, budgetary incentives, and an assessment of the real impact of procurement. This creates conditions for a gradual transition from formal accounting of environmental characteristics to an effective model of public expenditure management.

Conclusion.

Environmentally-oriented public procurement has a significant potential to transform budget demand into a tool for sustainable development. However, in Russia, this institution is in its infancy: environmental criteria are voluntary, there is no single methodology for assessing life cycle cost (LCC), and the powers between the levels of government are fragmented. International experience confirms that the effectiveness of GPP is achieved not by declarations, but by mandatory application of environmental requirements, transparency of reporting, digital infrastructure and coordinated distribution of competencies between the center and the regions. The implementation of the proposed measures will reduce transaction costs, generate sustainable demand for green technologies, and synchronize environmental goals with fiscal policy. Further research needs to be focused on the industry calibration of LCC methodologies and the assessment of the macroeconomic effects of the introduction of mandatory environmental quotas.

References

1. Королева М. Д. Совершенствование государственной политики Российской Федерации в сфере охраны окружающей среды: от национальных проектов к системной трансформации // Актуальные исследования. 2026. №3 (289). Ч.III. С. 28-35.

2. Egorova M.A. *RUDN Journal of Law*. 2022. 26 (2), 314—328.
3. Pogudaeva M.Yu., Gladilina I.P., Sergeeva S.A. Green public procurement model in Russia. *Diskussiya [Discussion]*, 117, 76–84.
4. Васильев Ю. Н., Батова О. В., Рутенко Е. Г., Богуславская Л. И. Практические аспекты формирования системы «зеленых» закупок в Российской Федерации // *Вестник евразийской науки*. 2025. №5.
5. Пархутик Г.И., Гусев Д.А. Зеленая экономика как фактор устойчивого развития регионов: инструменты стимулирования // *Индустриальная экономика*. 2025. № 5. С. 160–165.
6. Галиакберов, А. А. Особенности правового регулирования определения поставщика в закупках для обеспечения государственных и муниципальных нужд по вопросам экологической безопасности / А. А. Галиакберов // *Актуальные проблемы гражданского права и процесса : Сборник научных трудов по итогам работы методологического семинара и юридической клиники "Правовой центр" / Отв. редактор Р.И. Тимофеева. Том Выпуск 9. – Стерлитамак : Стерлитамакский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Уфимский университет науки и технологий", 2022. – С. 23-25. – EDN MJPOJE.*
7. Федеральный закон "О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд" от 05.04.2013 N 44-ФЗ.
8. Федеральный закон "О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц" от 18.07.2011 N 223-ФЗ.

UDC 657.1.012.1:336.743

Khalutornykh O.D. Methodological contradictions in cryptocurrency accounting under IFRS

Khalutornykh Olga Dmitrievna,

Undergraduate Student, National Research University Higher School of Economics, Perm

Abstract. *The integration of cryptocurrencies into the corporate sector necessitates consistent standards for their accounting. The diversity of economic goals pursued by companies through cryptocurrency operations determines various approaches to cryptocurrency accounting. Despite the publication of the International Financial Reporting Standards Interpretations Committee's (IFRIC) agenda decision regarding the standards applicable to cryptocurrency holdings, many aspects remain highly debatable. This paper systematizes the main approaches to cryptocurrency accounting, identifies key methodological contradictions, and outlines areas for regulatory improvement.*

Keywords: *cryptocurrency accounting, digital assets, IFRS, intangible assets.*

Рецензент: Бюллер Елена Александровна – кандидат экономических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Адыгеский государственный университет»

In the modern digital economy, cryptocurrency transactions have become a widespread practice for many corporations [16, p. 8669]. Despite regulatory concerns regarding the risks of illicit financial practices associated with digital assets, there are strong grounds to believe that these assets will eventually become an integral medium of exchange and a store of value in the future [10, p. 302]. As with any other business transactions, cryptocurrencies must be recognized and reflected in financial statements [14, p. 456]. To ensure a faithful representation of information for financial statement users, the existence of clear and consistent standards regarding cryptocurrency operations is of critical importance [12, p. 1707].

Although the International Financial Reporting Standards Interpretations Committee (IFRIC) concluded that IAS 38 Intangible Assets [8] and IAS 2 Inventories [6] are applicable to the accounting and disclosure of cryptocurrency holdings, numerous contentious issues remain that require further investigation. Consequently, the objective of this paper is to systematize the theoretical and methodological approaches to cryptocurrency accounting, identify key contradictions, and outline directions for the improvement of financial reporting standards.

In 2019, the IFRIC defined a cryptocurrency as a digital or virtual currency that is recorded on a distributed ledger using cryptography, is not issued by a jurisdictional authority or other party, and does not give rise to a contract between the holder and another party. Cryptocurrencies constitute a subset of digital assets, which are defined as digital representations of value or contractual rights that are created, transferred, and stored on a

distributed ledger, and authenticated through cryptography [10, p. 303]. Given that cryptocurrencies represent a significant share of digital assets, this paper limits its scope exclusively to the accounting treatment of cryptocurrencies.

Within the professional community, a consensus exists that cryptocurrency qualifies as an asset, as it satisfies the asset recognition criteria under the IFRS Conceptual Framework: it represents a resource controlled by the entity as a result of past events from which future economic benefits are expected to flow [13, p. 2196]. However, beyond classifying cryptocurrencies as either intangible assets or inventories, ongoing debates persist regarding the feasibility of recognizing these assets as cash or cash equivalents, as well as other financial assets.

The IFRIC concluded that a cryptocurrency inherently meets the definition of an intangible asset, which is defined as an identifiable non-monetary asset without physical substance. Consequently, under normal circumstances, IAS 38 Intangible Assets [8] must be applied to cryptocurrency holdings; however, if an intangible asset is held for sale in the ordinary course of business, IAS 2 Inventories applies instead [6; 9]. Thus, recognizing cryptocurrency as inventory is applicable to broker-traders whose primary business model involves acquiring cryptocurrency for the purpose of near-term resale. In such instances, inventories are measured at fair value less costs to sell. According to researchers, this measurement model accurately reflects the market value of cryptocurrency, thereby ensuring a faithful representation of information for financial statement users [13, p. 2196; 14, p. 471].

Significant contradictions arise when recognizing cryptocurrencies as intangible assets. According to IAS 38, intangible assets must be accounted for using either the cost model (historical cost less any accumulated amortization and impairment losses) or the revaluation model.

Under the cost model, the financial statements reflect only the downward fluctuations in the asset's value (impairment), while any appreciation in value remains unrecognized. Given the exceptionally high volatility of cryptocurrencies, this measurement model severely distorts the financial reality and impairs the faithful representation of information in financial reporting [14, p. 470; 10, p. 306].

Utilizing the revaluation model for intangible assets strictly requires the existence of an active market, which does indeed exist for major cryptocurrencies [13, p. 2196]. Under IAS 38, if an intangible asset's carrying amount increases as a result of a revaluation, the increase must be recognized in other comprehensive income (OCI) and accumulated in equity. Conversely, if the asset's value decreases, the downward adjustment must be recognized in profit or loss.

Some researchers argue that this accounting asymmetry may mislead financial statement

users. They contend that reflecting all fluctuations in cryptocurrency value directly through profit or loss would provide more relevant and informative data [10, p. 305]. On the other hand, doing so introduces a risk of heightened volatility in financial reporting metrics due to the inherently unstable nature of cryptocurrency prices [14, p. 459].

Furthermore, significant concerns remain regarding the reliability of the pricing data required for such revaluations. Empirical evidence suggests that in low-liquidity or inactive cryptocurrency markets, the risk of market price manipulation by market participants increases significantly [5, p. 87].

Consequently, it can be argued that researchers largely converge on the view that the current iteration of IAS 38 is inadequate for the accounting of cryptocurrencies. Authors emphasize that when IAS 38 was originally adopted in 2001, cryptocurrencies did not yet exist; thus, the standard fails to account for the unique economic characteristics of these digital assets [12, p. 1711].

The practice of recognizing cryptocurrency as an intangible asset stems primarily from its compliance with the strict criterion of lacking physical substance. In other words, cryptocurrencies are classified under this category simply because their lack of physical form makes them more closely aligned with intangible assets than with any other existing asset class under current frameworks [1, p. 471].

Let us examine alternative approaches to the accounting treatment of cryptocurrencies. In cases where cryptocurrency functions as a unit of settlement -meaning an entity accepts digital currency directly as payment for goods or services, or utilizes it to settle obligations with suppliers - it exhibits the economic characteristics of a financial asset. Furthermore, some scholars argue that recognizing cryptocurrency as cash or cash equivalents would simplify its measurement, applying principles analogous to those used for foreign currency holdings [13, p. 2196].

Although the IFRIC acknowledged the possibility of exchanging cryptocurrencies for goods and services, it concluded that cryptocurrencies do not qualify as cash. This conclusion rests on the premise that digital currencies fail to fulfill the fundamental economic functions of a medium of exchange and a unit of account in pricing mechanisms. Another legal constraint is that cryptocurrencies are not recognized as legal tender in most jurisdictions. Unlike fiat currencies, they are decentralized and operate outside the control of monetary authorities and traditional financial institutions [11, p. 20]. Finally, if cryptocurrency were to be accounted for in the same manner as foreign currency, determining a reliable exchange rate for translation would remain highly problematic due to the market volatility and liquidity concerns discussed above [3, p. 543].

If an entity acquires cryptocurrency strictly for speculative purposes - aiming to resell it

at a higher market price - the transaction's underlying economic substance mirrors that of a financial asset [14, p. 465]. Despite this economic reality, the IFRIC determined that cryptocurrency does not qualify as a financial asset. This is because it fails to satisfy the explicit definition stipulated under IFRS; specifically, it is not cash (as established above), it does not represent an equity instrument of another entity, and it does not give rise to a contractual right to receive cash or another financial asset from a counterparty. Given this structural mismatch between the accounting definition and economic reality, several researchers propose amending IAS 32 Financial Instruments: Presentation. They argue that such changes are warranted under the foundational accounting principle of substance over form [10, p. 309].

Consequently, no standalone IFRS Accounting Standard specifically dedicated to cryptocurrency accounting exists at present. When preparing financial statements, the majority of entities rely on the IFRIC agenda decision, which requires treating cryptocurrencies as either intangible assets or inventory. Despite this guidance, the role of professional judgment remains paramount in cryptocurrency financial reporting. The accounting treatment of cryptocurrency transactions depends on several critical factors, namely: management's intent regarding the asset's use, the specific recognition and measurement criteria under current IFRS, and subjective judgment regarding the most faithful representation of financial information.

Taking into account the aforementioned limitations of classifying cryptocurrency as an intangible asset, alongside the projected growth of digital transactions and the continuous evolution of the digital asset ecosystem, there is a compelling need to introduce more specific accounting rules within the IFRS framework. Moreover, given the unique economic characteristics of cryptocurrencies and digital assets, the development of a distinct, standalone standard may ultimately be required. Such a regulatory step would ensure the harmonization of accounting treatments, significantly enhance the comparability of financial statements across corporations, and provide users with more transparent, relevant, and reliable financial data.

References

1. Chou, J.H., Agrawal, P. & Birt, J. (2022). Accounting for Crypto-assets: Stakeholders' Perceptions. *Studies in Economics and Finance*, 39(3), pp. 471–489.
2. Deloitte, U.S. (2021). Corporates Investing in Crypto. [Online]. Available from: [deloitte.com](https://www.deloitte.com) [Accessed 13 September 2026].
3. Dragomir, V.D. & Dumitru, V.F. (2023). Recognition and Measurement of Crypto-Assets from the Perspective of Retail Holders. *FinTech*, 2(3), pp. 543-559.

4. Ernst & Young. (2018). IFRS Accounting for crypto-assets. [Online]. Available from: ey.com [Accessed 13 September 2026].
5. Gandal, N., Hamrick, J.T., Moore, T. & Oberman, T. (2018). Price Manipulation in the Bitcoin Ecosystem. *Journal of Monetary Economics*, 95, pp. 86–96.
6. International Accounting Standards Board (IASB). (2020). IAS 2 Inventories. London: IFRS Foundation.
7. International Accounting Standards Board (IASB). (2020). IAS 32 Financial Instruments: Presentation. London: IFRS Foundation.
8. International Accounting Standards Board (IASB). (2020). IAS 38 Intangible Assets. London: IFRS Foundation.
9. IFRS Interpretations Committee. (2019). IFRS IC Agenda Decision on Holdings of Cryptocurrencies, June 2019. [Online]. Available from: ifrs.org [Accessed 13 September 2026].
10. Jackson, A.B. & Luu, S. (2023). Accounting for digital assets. *Australian Accounting Review*, 33(3), pp. 302-312.
11. Lee, N. (2025). The varying impact of cryptocurrency investments on a company's liquidity in Korean companies. *International Journal of Financial Studies*, 13(1), p. 20.
12. Luo, M. & Yu, S. (2024). Financial reporting for cryptocurrency. *Review of Accounting Studies*, 29(2), pp. 1707–1740.
13. Morozova, T., Akhmadeev, R., Lehoux, L., Yumashev, A.V., Meshkova, G.V. & Lukyanova, M. (2020). Crypto asset assessment models in financial reporting content typologies. *Entrepreneurship and Sustainability Issues*, 7(3), p. 2196.
14. Procházka, D. (2018). Accounting for bitcoin and other cryptocurrencies under IFRS: A comparison and assessment of competing models. *Prague Economic Papers*, 27(4), pp. 456–475.
15. PwC. (2019). Cryptographic assets and related transactions: accounting considerations under IFRS. [Online]. Available from: pwc.ch [Accessed 13 September 2026].
16. Yoon, S. (2020). A study on the transformation of accounting based on new technologies: Evidence from Korea. *Sustainability*, 12(20), p. 8669.

UDC 369.03

Knyazev A.A., Belyak O.Y. Superservices in Russia: how the government develops digital services for citizens

Суперсервисы в России: как государство развивает цифровые услуги для граждан

Knyazev Alexander Alexandrovich

Student 4 term

Faculty of Institute of Economics and Management

Ural Federal University

Yekaterinburg

Belyak Olga Yur'evna

Ural State University of Economics

Yekaterinburg

Князев Александр Александрович

Студент 4 курса

Факультет Институт экономики и управления

Уральский федеральный университет

Екатеринбург

Беляк Ольга Юрьевна

Кандидат экономических наук

Уральский государственный экономический университет

г. Екатеринбург

Abstract. *The relevance of the study is due to the transformation of the public service delivery system in Russia, where super-services act as a key tool for the digital modernization of interaction between the state and citizens. The aim of the study is to conduct a comprehensive analysis of the effectiveness of implementing super-services as a tool for the digital transformation of the public service delivery system and to identify factors influencing the quality of interaction between citizens and government bodies. The research methodology includes a systematic analysis of the regulatory framework, a comparative method for assessing the effectiveness of traditional and digital models, statistical data analysis, and a structural approach to studying interdepartmental interaction. The main results demonstrate a significant transformation in the process of interaction between citizens and government bodies. The introduction of super-services has led to a significant reduction in the number of required documents (by 89 %), the time required to provide services (by 66 %), and the number of visits to government agencies (by 79 %). The share of electronic requests has grown to 85 %, and citizens' satisfaction has reached 82 %. The scientific novelty of the study lies in systematizing the theoretical and practical aspects of super-service development, identifying the key factors of their effectiveness, and determining the problems associated with their implementation.*

Keywords: *super-services, digitalization of public services, client-centricity, interagency cooperation.*

Аннотация. *Актуальность исследования обусловлена трансформацией системы предоставления государственных услуг в России, где суперсервисы выступают ключевым инструментом цифровой модернизации взаимодействия государства и граждан. Цель исследования – комплексный анализ эффективности внедрения суперсервисов как инструмента цифровой трансформации системы предоставления государственных услуг и выявления факторов, влияющих на качество взаимодействия граждан с государственными органами. Методология исследования включает системный анализ нормативно-правовой базы, сравнительный метод оценки эффективности традиционной и цифровой моделей, статистический анализ данных и структурный подход к исследованию межведомственного взаимодействия. Основные результаты демонстрируют существенную трансформацию процесса взаимодействия граждан с государственными органами. Внедрение суперсервисов привело к значительному сокращению количества необходимых документов (на 89%), сроков предоставления услуг (на 66%), количества визитов в ведомства (на 79%). Доля электронных обращений выросла до 85%, а удовлетворенность*

граждан достигла 82%. Научная новизна исследования состоит в систематизации теоретических и практических аспектов развития суперсервисов, выявлении ключевых факторов их эффективности и определении проблем внедрения.

Ключевые слова: суперсервисы, цифровизация государственных услуг, клиентоцентричность, межведомственное взаимодействие.

Рецензент: Бюллер Елена Александровна – кандидат экономических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Адыгеский государственный университет»

Введение

Государственные услуги в России всё меньше ассоциируются с личным посещением ведомств, очередями и бумажными заявлениями. На первый план постепенно выходят цифровые каналы взаимодействия: портал «Госуслуги», мобильные приложения, личные кабинеты, электронные уведомления. По данным Минцифры, к концу 2024 года на «Госуслугах» было зарегистрировано 112 млн пользователей, а гражданам было доступно около 1,6 тыс. услуг; ежедневно через портал подавалось около 2 млн заявлений [1].

Особое место в этой системе занимают суперсервисы. В отличие от обычной электронной услуги, которая решает отдельную задачу, суперсервис объединяет несколько процедур вокруг конкретной жизненной ситуации: рождения ребёнка, поступления в вуз, оформления социальной поддержки, выхода на пенсию, регистрации бизнеса или получения документов. Такая модель связана с идеей клиентоцентричного государства. В федеральном проекте «Государство для людей» приводится формулировка Дмитрия Григоренко: «Клиентоцентричное государство - это решение проблем человека без его участия» [2].

Актуальность темы объясняется тем, что развитие суперсервисов меняет не только форму получения услуг, но и саму модель государственного управления. Государство постепенно переходит от отдельных электронных заявлений к комплексным цифровым сценариям, где ведомства должны обмениваться данными между собой, а гражданин - получать понятный маршрут до результата. При этом цифровизация несёт не только преимущества, но и риски: сохраняются цифровое неравенство, технические сбои, вопросы защиты персональных данных [3] и опасность формального перевода старой бюрократии в электронный вид. Поэтому суперсервисы важно рассматривать как инструмент, эффективность которого зависит не от количества онлайн-услуг, а от того, насколько они действительно упрощают жизнь граждан, что актуализирует настоящее исследование. Однако в российском научном поле анализ деятельности и эффективности суперсервисов освещен крайне скудно и не систематизировано. В связи этим цель настоящего исследования заключается в комплексном анализе эффективности внедрения суперсервисов как инструмента

цифровой трансформации системы предоставления государственных услуг в России и, как следствие, выявление ключевых факторов, влияющих на качество взаимодействия граждан с государственными органами в условиях перехода к клиентоцентричной модели управления.

Материалы и методы

Теоретическая база исследования сформирована нормативно-правовыми актами в сфере цифровизации государственных услуг, включая Федеральный закон № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг».

Методологическая основа исследования включает следующие общенаучные и специальные методы – системный анализ нормативно-правовой базы и статистических показателей развития суперсервисов, а также сравнительный метод для оценки эффективности традиционной и цифровой моделей предоставления Госуслуг. Информационная база исследования включает статистические данные портала «Госуслуги» о количестве зарегистрированных пользователей и предоставляемых услуг, официальные отчеты Минцифры России о развитии цифровых сервисов, нормативно-правовые документы в сфере цифровизации Госуслуг, аналитические материалы о цифровой грамотности населения.

Эмпирическая база представлена статистическими показателями работы суперсервисов, данными о сокращении временных затрат и количества необходимых документов и статистикой обращений граждан через цифровые каналы с целью получения государственных услуг.

Результаты исследования

В российском праве термин «суперсервис» пока не оформлен как самостоятельное легальное понятие. Базовый для этой сферы Федеральный закон № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» регулирует порядок оказания государственных и муниципальных услуг, в том числе в электронной форме, но не использует слово «суперсервис» как отдельный термин [4]. В соответствии с современной ситуацией в сфере суперсервисов их следует рассматривать не как строго юридическую категорию, а как управленческое и технологическое понятие, возникшее в ходе цифровой трансформации государственных услуг [5].

На официальном уровне одно из первых понятных объяснений термина было дано в 2019 году, когда вице-премьер Максим Акимов представил прототипы суперсервисов государственных услуг. В сообщении Правительства суперсервисы были названы «новым типом государственных электронных услуг», который должен свести к минимуму использование бумажных документов и необходимость посещения госорганов [6]. Это определение показывает главный замысел: речь шла не просто о том, чтобы разместить заявление на портале, а о том, чтобы изменить сам маршрут обращения гражданина к

государству. Таким образом, можно дать следующее наполнение термину «суперсервис» – можно рассматривать его как комплексный цифровой сценарий, который объединяет несколько государственных услуг и действий вокруг одной жизненной ситуации гражданина или бизнеса. Соответственно его главная задача состоит не в механическом переносе старой бумажной процедуры в интернет, а в том, чтобы сократить число лишних шагов, повторных обращений и документов.

Идея суперсервисов появилась не на пустом месте – до неё Россия прошла несколько этапов развития электронных государственных услуг. Сначала цифровизация во многом означала информирование: ведомства размещали на сайтах перечни документов, адреса, графики работы и инструкции. Затем появились электронные заявления, личные кабинеты, возможность оплачивать пошлины и отслеживать статус обращения. К 15-летию портала «Госуслуги» Минцифры сообщало, что всё начиналось с информационного портала, а затем появились личный кабинет и первые 20 услуг; к концу 2024 года портал уже включал 1,6 тыс. услуг и 112 млн пользователей.

В 2019 году тема суперсервисов получила более чёткое оформление в государственной цифровой повестке. В докладе Минкомсвязи о реализации плана деятельности за 2019 год указывалось, что 28 марта 2019 года были утверждены 25 суперсервисов, охватывающих до 85% случаев взаимодействия граждан, государства и бизнеса [7]. В интервью «Коммерсанту» заместитель главы Минкомсвязи Максим Паршин объяснял, что 25 суперсервисов должны охватывать основные жизненные ситуации граждан и бизнеса, а также раскладываются примерно на 200 отдельных услуг федерального, регионального и муниципального уровня [8]. Также в докладе отмечалось, что разработчики собирались исходить не из старого административного наследия, а из идеального клиентского опыта и того, как сервис должен выглядеть на смартфоне гражданина или предпринимателя. Такая постановка вопроса отличалась от традиционного подхода, при котором услуга строилась вокруг регламента ведомства: в суперсервисной модели отправной точкой становится не кабинет чиновника, а путь пользователя.

Первые прототипы суперсервисов также появились в 2019 году. Среди них назывались «Рождение ребёнка», «Исполнительное производство», «Европротокол онлайн», «Переезд в другой регион» и «Поступление в вуз онлайн» [9]. Эти примеры хорошо показывают, что государство изначально выбирало не узкие технические операции, а массовые жизненные ситуации. Одни касались семьи, другие – образования, третьи – транспорта, судебных и исполнительных процедур. Уже на этом этапе было понятно, что суперсервис нельзя создать силами одного ведомства: за каждой жизненной ситуацией стоят разные органы власти, информационные системы и административные правила.

Постепенно слово «суперсервис» стало использоваться вместе с более устойчивым выражением «жизненная ситуация». Это не просто изменение терминологии. Слово «суперсервис» подчёркивает технологическую сторону, а «жизненная ситуация» показывает социальный смысл: государственная услуга должна быть собрана вокруг реального события в жизни человека. В проекте «Государство для людей» прямо говорится, что цель проекта – создать *клиентоцентричное* государство, в центре которого стоит человек и его потребности [2]. Там же среди задач названы оптимизация государственных услуг, снижение бюрократических преград, развитие обратной связи и внедрение цифровых технологий для улучшения доступа к госуслугам [10].

Эта логика закреплялась и в более широких управленческих документах. В 2022 году Правительство утвердило Концепцию перехода к предоставлению 24 часа в сутки 7 дней в неделю абсолютного большинства государственных и муниципальных услуг без необходимости личного присутствия граждан. В её структуре отдельно названы персонализированное информирование заявителя, навигация по жизненным ситуациям, предоставление услуг в проактивном режиме, электронное взаимодействие с заявителем, пользовательский опыт, автоматизация процессов и сокращение сроков [11]. По сути, это и есть административная основа для развития суперсервисов: услуга должна быть доступна не только в рабочие часы ведомства и не только после личного обращения.

Государственная политика в этой сфере строится вокруг нескольких направлений. Во-первых, отказ от избыточной бумажной нагрузки. Во-вторых, развитие межведомственного обмена, при котором гражданин не должен приносить сведения, уже имеющиеся в государственных системах [4]. В-третьих, переход к проактивности, когда государство может само подсказывать человеку положенные услуги. И, наконец, улучшение пользовательского опыта, потому что цифровая услуга не становится удобной автоматически только из-за появления на портале. Ключевых участников описанной политики несколько: Правительство определяет общую рамку и утверждает документы, связанные с цифровизацией госуслуг, Минцифры отвечает за технологическую инфраструктуру, портал «Госуслуги», электронные сервисы и цифровое взаимодействие, Минэкономразвития участвует в повестке качества госуслуг и клиентоцентричности, отраслевые ведомства наполняют суперсервисы конкретным содержанием (в образовании важны Минобрнауки и вузы, в социальной сфере – Социальный фонд и органы соцзащиты, в налоговых вопросах – ФНС, в документах и регистрационных процедурах – МВД и региональные органы власти) [2].

В связи с тем, что многие услуги невозможно полностью реализовать только на федеральном уровне особое значение получили регионы, потому что часть полномочий находится у субъектов РФ или муниципалитетов. Именно поэтому в проекте

«Государство для людей» подчёркивается синхронизация процессов между ведомствами и целостность оказания услуг. На странице проекта говорится, что в клиентоцентричной модели государственные органы должны выступать «единой слаженной командой» [2], а внутренние процессы и правила работы между ведомствами должны быть синхронизированы. Для суперсервисов это принципиально: если федеральный портал работает, но региональная система не передаёт данные, гражданин всё равно сталкивается с разрывом маршрута.

Нынешнее направление государственной политики можно описать как переход от количества электронных услуг к качеству жизненных сценариев – цифровой сервис должен не просто открыть форму заявления, а провести человека от события к результату. Масштаб внедрения таких решений постепенно увеличивается. В ходе исследования были проанализированы ключевые показатели эффективности внедрения суперсервисов в систему предоставления государственных услуг. Сравнительный анализ до и после внедрения цифровых решений демонстрирует существенную трансформацию процесса взаимодействия граждан с государственными органами (таблица 1).

Таблица 1

Сравнительный анализ показателей эффективности суперсервисов

Показатели эффективности	До внедрения суперсервисов	После внедрения суперсервисов	Динамика изменения
Среднее количество документов	28 документов	3 документа	Сокращение на 89%
Сроки предоставления услуг	102 дня	35 дней	Сокращение на 66%
Количество визитов в ведомства	14 визитов	3 визита	Сокращение на 79%
Доля электронных обращений	40%	85%	Рост на 45 п.п.
Среднее время ожидания ответа	30 дней	7 дней	Сокращение на 77%
Процент отказов в услугах	12%	5%	Снижение на 58%
Доля проактивных услуг	15%	45%	Рост на 30 п.п.
Удовлетворенность граждан	65%	82%	Рост на 17 п.п.
Количество межведомственных запросов	12 запросов	5 запросов	Сокращение на 58%
Процент автоматизированных процессов	35%	75%	Рост на 40 п.п.
Примечание: 1. Составлено по данным, приведенным в среднем по федеральным суперсервисам за период 2021-2026 гг. на основе анализа статистических материалов Минцифры России и портала «Госуслуги». 2. Используются сокращения: п.п. — процентные пункты. 3. Динамика изменения рассчитана как разница между показателями после и до внедрения суперсервисов в процентном соотношении			

Как видно из представленных данных, внедрение суперсервисов привело к значительному улучшению всех анализируемых показателей. Особенно заметное

сокращение наблюдается в количестве необходимых документов (на 89%) и временных затратах (на 66%).

По данным, опубликованным в 2026 году, россиянам доступны 70 федеральных и 425 региональных сервисов «жизненные ситуации» [12]. В тех же материалах отмечалось, что в рамках федеральных жизненных ситуаций среднее количество подаваемых документов снизилось с 28 до 3, сроки предоставления услуг – со 102 до 35 дней, а среднее число визитов – с 14 до 3 [13]. Эти показатели позволяют увидеть, что государственная политика в этой сфере измеряется уже не только числом запущенных страниц на портале, но и сокращением конкретных административных действий.

Таким образом, суперсервисы в России сформировались как продолжение развития электронных государственных услуг, но по своему смыслу вышли за пределы обычной цифровизации заявлений. Сначала портал «Госуслуги» дал гражданам единый канал доступа к информации и отдельным услугам, затем электронные сервисы стали массовыми, а следующим шагом стало объединение разных процедур вокруг жизненных ситуаций. Государственная политика в этой сфере направлена на то, чтобы сократить бумажную нагрузку, развить межведомственный обмен, расширить проактивное предоставление услуг и сделать цифровой маршрут более понятным для пользователя [11]. Поэтому суперсервисы можно рассматривать как попытку изменить не только форму обращения в государственные органы, но и саму логику административного процесса [14].

До появления суперсервисной логики человек часто сам собирал административную цепочку. Он должен был понять, какое ведомство отвечает за нужный документ, какие сведения требуются, где взять подтверждение и в какой срок подать заявление. МФЦ частично сняли эту проблему, потому что стали работать по принципу «одного окна». Но даже в этом случае сохранялись личный визит, ожидание, бумажные документы и зависимость от графика работы учреждения. Цифровой суперсервис переносит идею «одного окна» в другую плоскость: важным становится не место приёма, а связанный сценарий, доступный через портал.

Одним из самых показательных примеров остаётся суперсервис «Рождение ребёнка». Эта жизненная ситуация включает сразу несколько действий, которые раньше были распределены между разными организациями. После рождения ребёнка семье нужно зарегистрировать факт рождения, оформить первые документы, получить СНИЛС, полис ОМС, сведения о материнском капитале, а в отдельных случаях подать заявления на выплаты и льготы. Региональные и ведомственные материалы о работе суперсервиса указывают, что он позволяет зарегистрировать рождение без личного

посещения ЗАГС, оформить СНИЛС, полис ОМС ребёнка, материнский капитал и социальные пособия через «Госуслуги» [15].

Здесь изменение особенно заметно на бытовом уровне. Рождение ребёнка – ситуация, в которой у родителей и так много забот, поэтому необходимость ходить по учреждениям воспринималась как дополнительная нагрузка. Суперсервис не отменяет юридическую значимость документов, но меняет порядок их оформления: часть сведений поступает через электронные каналы, часть документов формируется автоматически или по запросу, а родитель видит связанные действия в одном цифровом пространстве [15].

Другой крупный пример – «Поступление в вуз онлайн». На странице «Госуслуг» сервис описан как возможность заполнить заявление, указать желаемые направления обучения и подать документы через портал [16]. Для абитуриентов это особенно важно из-за масштаба приёмной кампании: заявления обычно подаются сразу в несколько вузов и на несколько направлений. Раньше поступающий мог зависеть от личного визита, пересылки документов или отдельных кабинетов разных университетов. Теперь значительная часть организационного процесса переносится в единую цифровую среду. В 2025 году востребованность этого сервиса была высокой. ТАСС со ссылкой на Минцифры сообщал, что уже к 23 июня через «Поступление в вуз онлайн» было подано свыше 160 тыс. заявлений, что в два раза больше аналогичного периода предыдущего года; в среднем через сервис направляли до 2 тыс. заявлений в час [17]. Позднее, в июле 2025 года, министр цифрового развития Максуд Шадаев сообщил, что документы в вузы через «Госуслуги» подали 1 млн абитуриентов, что в три раза больше, чем в 2022 году [17]. Эти данные показывают: цифровой сценарий стал не экспериментом для ограниченного числа пользователей, а массовым каналом поступления.

Суперсервисная модель заметна и в сфере социальной поддержки. Например, оформление единого пособия связано с проверкой множества сведений: о семье, доходах, месте жительства, занятости, имуществе и других обстоятельствах. Раньше такая процедура легко превращалась в сбор справок. Сейчас часть данных запрашивается через межведомственное взаимодействие. Социальный фонд России отдельно публикует перечень документов и сведений, которые фонд запрашивает самостоятельно, то есть не перекладывает их сбор на гражданина [18]. Это не означает, что заявитель вообще освобождён от участия. В отдельных случаях дополнительные документы всё же требуются, если нужной информации нет в государственных системах или ситуация семьи нестандартна. Но сама логика меняется: государство постепенно отказывается от принципа «принесите всё сами» и переходит к модели, при которой уже имеющиеся сведения должны использоваться повторно. Для социальных услуг это

особенно существенно, потому что их получатели часто находятся в уязвимом положении и не всегда могут легко пройти сложный бюрократический путь.

Ещё один пример – жизненная ситуация «Налоговый вычет», запущенная на «Госуслугах» в октябре 2025 года. Правительство указывало, что новый сервис должен упростить оформление налогового вычета и снизить риски передачи персональных данных ненадёжным организациям. Это направление отличается от семейных или образовательных сервисов: здесь человек сталкивается не столько с посещением ведомств, сколько с непониманием налоговых процедур. Суперсервис помогает превратить сложный порядок действий в более понятный пользовательский маршрут.

Похожую логику можно увидеть в сервисе «Защита от мошенников в сети», который был запущен на портале «Госуслуг» в 2025 году. По сообщению Правительства, он предназначен как для тех, кто уже столкнулся с мошенниками, так и для граждан, которые хотят заранее защититься от интернет-угроз. Минфин также сообщал, что сервис объединяет инструменты защиты и рекомендации для пользователей. Например, через «Госуслуги» за годы работы было подано более 32 млн заявлений на единое пособие, оформлено более 180 млн записей к врачу и почти 60 млн электронных полисов ОМС. Эти показатели показывают, что цифровой формат используется не только для редких административных обращений, но и для повседневных ситуаций, связанных с семьёй, медициной, социальной поддержкой и образованием [19].

Сравнение прежней и современной модели показывает, что изменилась сама роль гражданина в административной процедуре. Раньше он чаще двигался по ведомственной карте: ЗАГС, социальная защита, фонд, налоговая служба, образовательная или медицинская организация. После перехода к жизненным ситуациям государство стремится собрать эти действия в один сценарий, где пользователь видит не набор разрозненных ведомств, а последовательность шагов к конкретному результату. Для гражданина это означает сокращение лишних обращений, а для государства – снижение нагрузки на МФЦ и ведомства, уменьшение бумажного документооборота и возможность быстрее видеть проблемные участки процедуры [2]. Но было бы ошибкой описывать суперсервисы как полностью решённую задачу. Цифровая форма не гарантирует простоты. Иногда старая бюрократия просто меняет внешний вид: вместо бумажного заявления появляется электронная форма, но требования остаются сложными, данные не подтягиваются автоматически, а человеку всё равно приходится обращаться в ведомство [11]. В таком случае сервис формально существует, однако его практическая ценность ниже ожидаемой.

Особая проблема – цифровое неравенство. Суперсервис удобен для тех, кто имеет стабильный интернет, подтверждённую учётную запись, смартфон или компьютер

и достаточные цифровые навыки. Но часть граждан сталкивается с барьерами. По данным, опубликованным со ссылкой на исследование НАФИ, в 2024 году уровень цифровой грамотности россиян остановился на отметке 71 пункт из 100 и не рос третий год подряд [3]. Это значит, что цифровая среда развивается быстрее, чем навыки части пользователей. Поэтому МФЦ, горячие линии, консультации и офлайн-помощь остаются необходимыми. Нельзя считать цифровизацию успешной, если она удобна только для активных пользователей интернета. Государственная услуга должна быть доступна и тем, кто не может самостоятельно пройти цифровой маршрут. Иначе вместо прежней очереди у кабинета появляется новый барьер – непонятный интерфейс, ошибка авторизации или невозможность разобраться в требованиях портала.

Есть и технические риски. Суперсервис зависит не от одной кнопки на сайте, а от целой цепочки информационных систем. Если один реестр содержит ошибку, другое ведомство не передаёт сведения, региональная база работает нестабильно или пользователь не может подтвердить данные, весь маршрут осложняется. В бумажной модели проблема была видна в виде отсутствующей справки. В цифровой модели она может выглядеть как «ошибка системы», и гражданину не всегда понятно, кто должен её исправить. Суперсервисы работают с информацией о семье, здоровье, доходах, налогах, детях, имуществе, образовании и социальных выплатах. Чем больше услуг объединяется в один цифровой сценарий, тем выше требования к защите данных и прозрачности их использования [20]. Удобство не должно достигаться ценой ощущения, что гражданин теряет контроль над личной информацией.

Несмотря на эти ограничения, общий эффект суперсервисов уже заметен. Они меняют саму роль гражданина в административной процедуре. Раньше человек чаще должен был доказывать государству сведения, которые уже находились в разных системах. Теперь государство постепенно учится само связывать данные и действия [18]. Это не происходит мгновенно и не всегда работает одинаково хорошо, но направление изменений понятно: от разрозненных обращений – к более цельному сопровождению жизненной ситуации. Для граждан главный результат выражается в сокращении лишних действий. Для государства – в возможности перестроить внутренние процессы и лучше видеть, как реально работают услуги. Для системы управления – в переходе от формального исполнения регламента к анализу пользовательского пути. Именно поэтому суперсервисы следует оценивать не только по числу запусков, а по более простому критерию: стало ли человеку легче получить нужный результат.

Практика показывает, что суперсервисы уже стали заметной частью цифрового взаимодействия гражданина и государства. Наиболее убедительно эта модель

проявляется там, где жизненная ситуация действительно состоит из нескольких связанных действий: рождение ребёнка, поступление в вуз, оформление социальных выплат, получение налогового вычета, защита от мошенников. Вместе с тем качество таких сервисов зависит не только от интерфейса портала, но и от устойчивости информационных систем, корректности данных, цифровой грамотности пользователей и готовности ведомств менять внутренние процедуры [11]. Поэтому практическая ценность суперсервиса определяется тем, насколько он уменьшает число лишних действий, а не тем, что услуга формально стала электронной.

Выводы и заключение

Суперсервисы стали одним из наиболее заметных направлений цифровой трансформации государственных услуг в России. Их появление связано с переходом от отдельных электронных заявлений к более сложным сценариям, построенным вокруг жизненных ситуаций гражданина. Такой подход меняет привычную ведомственную логику: человек обращается не за отдельной справкой или процедурой, а за решением конкретного жизненного вопроса – от рождения ребёнка до поступления в вуз, оформления выплат или получения налогового вычета.

Главное значение суперсервисов состоит в том, что они перераспределяют нагрузку между гражданином и государством. В прежней модели человек часто сам собирал документы, обращался в разные учреждения и повторно подтверждал сведения, которые уже могли находиться в государственных системах. Новая модель предполагает, что значительная часть этой работы должна выполняться через межведомственный обмен, цифровые реестры и заранее выстроенные пользовательские маршруты. Поэтому суперсервисы являются не только технологическим инструментом, но и элементом административной реформы, связанной с развитием клиентоцентричного государства.

В то же время эффективность суперсервисов зависит от качества их реализации. Сохраняются риски цифрового неравенства, технических сбоев, ошибок в данных, угроз для персональной информации и формального переноса старых процедур в электронную форму. Поэтому дальнейшее развитие этой системы должно быть связано не только с увеличением числа жизненных ситуаций, но и с реальным упрощением процедур, защитой данных, понятностью интерфейсов и сохранением доступной помощи для тех, кому цифровой формат пока остаётся сложной процедурой, защитой данных и сохранением доступной помощи для тех, кому цифровой формат пока остаётся сложным.

Ограничения настоящего исследования связаны с динамичным развитием цифровых сервисов и необходимостью постоянного обновления статистических данных.

References

1. Число пользователей «Госуслуг» выросло до 112 млн за 15 лет [Электронный ресурс] // Ведомости. – 2024. – 15 дек. – URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/news/2024/12/15/1081474-chislo-polzovatelei-gosuslug-viroslo> (дата обращения: 07.05.2026).
2. О проекте [Электронный ресурс] // Государство для людей: федеральный проект. – URL: <https://xn--80aebecah6apa1adyldqm2sra.xn--p1ai/about/> (дата обращения: 07.05.2026).
3. Индекс цифровой грамотности-2024: цифровая грамотность россиян не растет третий год подряд [Электронный ресурс] // НАФИ. – URL: <https://nafi.ru/polls/indeks-tsifrovoy-gramotnosti-2024-tsifrovaya-gramotnost-rossiyan-ne-rastet-tretyi-god-podryad/> (дата обращения: 07.05.2026).
4. Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103023/ (дата обращения: 07.05.2026).
5. Нерослов А. Д., Кузнецова П. Ю. Суперсервис: понятие, значение, методы построения моделей // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. – 2024. – Т. 9, № 2(32). – С. 263-272. – DOI 10.21603/2500-3372-2024-9-2-263-272.
6. Максим Акимов представил прототипы суперсервисов государственных услуг [Электронный ресурс] // Правительство России. – 2019. – 31 июля. – URL: <http://government.ru/news/37537/> (дата обращения: 07.05.2026) Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 07.05.2026).
7. Доклад о реализации плана деятельности Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации за 2019 год [Электронный ресурс] // Минцифры России. – URL: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/doklad-o-realizatsii-plana-deyatelnosti-minkomsvyazi-rossii-za-2019-god.pdf> (дата обращения: 07.05.2026).

8. Государство должно быть незаметным [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. – 2019. – 24 апр. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3953809> (дата обращения: 07.05.2026).

9. В открытом доступе появились прототипы пяти суперсервисов по оказанию государственных услуг [Электронный ресурс] // Торгово-промышленная палата Российской Федерации. – 2019. – 5 авг. – URL: <https://video.tpprf.ru/films/news/3958/> (дата обращения: 07.05.2026).

10. Балацкий Е. В., Екимова Н. А. Концепция клиентоцентричности в сфере высшего образования: российский и международный опыт реализации // Journal of Economic Regulation. – 2023. – Т. 14, № 1. – С. 6-22. – DOI 10.17835/2078-5429.2023.14.1.006-022.

11. Распоряжение Правительства РФ от 11.04.2022 № 837-р «О Концепции перехода к предоставлению 24 часа в сутки 7 дней в неделю абсолютного большинства государственных и муниципальных услуг без необходимости личного присутствия граждан» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_415036/ (дата обращения: 07.05.2026).

12. Правительство реализовало план по запуску всех 70 федеральных и 425 региональных жизненных ситуаций [Электронный ресурс] // ComNews. – 2025. – 26 дек. – URL: <https://www.comnews.ru/content/243209/2025-12-26/2025-w52/1010/pravitelstvo-realizovalo-plan-zapusku-vsekh-70-federalnykh-i-425-regionalnykh-zhiznennykh-situatsiy> (дата обращения: 07.05.2026).

13. Дмитрий Григоренко: На портале госуслуг запущен новый сервис «жизненная ситуация» для защиты от мошенников [Электронный ресурс] // Правительство России. – 2025. – 20 мая. – URL: <http://government.ru/news/55063/> (дата обращения: 07.05.2026).

14. Ермушина О. В. Подход к реализации суперсервисов в рамках цифровой трансформации государственных услуг / О. В. Ермушина // Проблемы автоматизации. Региональное управление. Связь и акустика : сборник трудов X Всероссийской научной конференции и молодежного научного форума в рамках мероприятий, посвященных году Науки и технологий в Российской Федерации, Геленджик, 20–22 октября 2021 года. – Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2021. – С. 253-259.

15. Подготовиться к беременности и оформить первые документы младенца можно при помощи жизненной ситуации [Электронный ресурс] // Государство для людей: федеральный проект. – URL: <https://xn--80aebecah6apa1adyldqm2sra.xn--p1ai/news/podgotovitsya-k-beremennosti-i-oformit-pervye-dokumenty-mladentsa-mozhno-pri-pomoshchi-zhiznennoy-si/> (дата обращения: 07.05.2026).

16. Поступление в вуз онлайн [Электронный ресурс] // Единый портал государственных и муниципальных услуг. – URL: <https://www.gosuslugi.ru/vuzonline> (дата обращения: 07.05.2026).

17. Свыше 160 тыс. заявлений на поступление в вузы подали через «Госуслуги» [Электронный ресурс] // ТАСС. – 2025. – 23 июня. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/24330261> (дата обращения: 07.05.2026).

18. Документы в вузы через «Госуслуги» в 2025 году подали 1 млн абитуриентов [Электронный ресурс] // ТАСС. – 2025. – 23 июля. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/24588633> (дата обращения: 07.05.2026).

19. Документы, которые СФР запрашивает самостоятельно [Электронный ресурс] // Социальный фонд России. – URL: https://sfr.gov.ru/about/smev/dok_samost/ (дата обращения: 07.05.2026).

20. На Госуслугах запустили жизненную ситуацию «Налоговый вычет» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – 2025. – 15 окт. – URL: <https://www.consultant.ru/legalnews/29770/> (дата обращения: 07.05.2026).

21. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 07.05.2026).

UDC 332.14:338.4

Levin B.G. Regional differentiation of creative industries in the North Caucasus federal district: a comparative analysis of development models

Региональная дифференциация креативных индустрий в Северо-Кавказском федеральном округе: сравнительный анализ моделей развития

Levin Bogdan Gennadievich

Chairman of the Committee for the Development of the Creative Economy and Local Brands,
Union «Chamber of Commerce and Industry of the Stavropol Territory», Russia, Stavropol
Левин Богдан Геннадьевич
председатель комитета по развитию креативной экономики и локальных брендов,
Союз «Торгово-промышленная палата Ставропольского края»,
Россия, г. Ставрополь

Abstract. *The article provides a comparative analysis of the development models of creative industries in the regions of the North Caucasus Federal District. Based on current statistical data and the characteristics of sectoral specialization, it is shown that the district's regions develop the creative economy through different models, relying on their cultural and resource profile. It is substantiated that regional differentiation, rather than unification, forms the potential of a unified macro-regional creative market.*

Keywords: *creative industries, regional differentiation, North Caucasus Federal District, sectoral specialization, folk crafts, tourism, macro-regional market.*

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ моделей развития креативных индустрий в регионах Северо-Кавказского федерального округа. На основе актуальных статистических данных и характеристик отраслевой специализации показано, что субъекты округа развивают креативную экономику по различным моделям, опираясь на культурный и ресурсный профиль. Обоснован вывод, что именно региональная дифференциация, а не унификация, формирует потенциал единого макрорегионального креативного рынка.

Ключевые слова: *креативные индустрии, региональная дифференциация, Северо-Кавказский федеральный округ, отраслевая специализация, народные промыслы, туризм, макрорегиональный рынок.*

Рецензент: Бюллер Елена Александровна – кандидат экономических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Адыгеский государственный университет»

Введение

Креативные индустрии становятся для российских регионов не только культурной, но и экономической повесткой. По данным Федеральной службы государственной статистики, доля валовой добавленной стоимости креативной экономики в валовом внутреннем продукте страны в первом квартале 2025 года составила 3,4 %, увеличившись по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года [1]. Особое место в этой повестке занимает Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО), обладающий богатым культурным наследием, развитыми народными промыслами и растущим туристическим потоком. Валовая добавленная стоимость креативных

индустрий округа увеличилась с 78,8 млрд рублей в 2019 году до 110,5 млрд рублей в 2023 году [2]. Вместе с тем регионы округа существенно различаются по структуре и модели развития креативного сектора. Настоящая статья посвящена сравнительному анализу этих моделей и выявлению закономерностей региональной дифференциации.

Материалы и методы

Исследование выполнено на основе сравнительного метода. В качестве эмпирической базы использованы данные Росстата о валовой добавленной стоимости креативной экономики [1; 2], материалы Кавказского инвестиционного форума, отражающие динамику креативного сектора округа [3], а также характеристики отраслевой специализации регионов, зафиксированные в аналитических и стратегических документах. Единицами сравнения выступают субъекты СКФО, а критериями сопоставления — доминирующие направления креативной деятельности, ресурсная основа специализации и институциональные механизмы поддержки. Сравнительный подход позволяет выявить не абсолютные различия в объёмах, а качественные модели, по которым развивается креативная экономика в отдельных регионах.

Результаты и обсуждение

Анализ показывает, что креативная экономика СКФО демонстрирует выраженную динамику. По данным, представленным на Кавказском инвестиционном форуме, за два года оборот малого и среднего бизнеса в сфере креативной экономики округа вырос на 69 %, достигнув 46,3 млрд рублей [3]. Этот рост сопровождается увеличением числа предприятий: наибольший прирост новых компаний зафиксирован в Республике Дагестан. Однако агрегированные показатели скрывают существенную региональную дифференциацию моделей развития.

Республика Дагестан развивает креативную экономику преимущественно на основе туризма и культурного кода, опираясь на исторические центры и народные художественные промыслы. Кабардино-Балкарская Республика тяготеет к гастрономическому направлению и издательской индустрии. Республика Северная Осетия – Алания формирует модель, основанную на креативных кластерах и городских творческих пространствах. Карачаево-Черкесская Республика развивает сочетание туризма и ремёсел, а Чеченская Республика демонстрирует модель институционального развития, при которой рост креативного сектора поддерживается системными управленческими решениями и вниманием к инвестиционной привлекательности. Ставропольский край как крупнейшая экономика округа выступает региональным ядром, соединяющим моду, гастрономию, событийную экономику и локальные бренды.

Сопоставление этих моделей позволяет сделать вывод о том, что специализация регионов не является случайной, а отражает их ресурсный и культурный профиль. Там, где сильны традиции народных промыслов, креативная экономика развивается через ремёсла и туризм; там, где выше уровень урбанизации и предпринимательской активности, — через дизайн, моду и событийные форматы. Институциональная составляющая при этом играет роль катализатора: регионы, выстраивающие системную поддержку креативного сектора, демонстрируют более устойчивую динамику.

Важным механизмом межрегиональной интеграции выступает Кавказский инвестиционный форум, на площадке которого модели развития креативной экономики округа обсуждаются с участием государства, банковского сектора, институтов развития и креативного сообщества [3]. Наличие подобной площадки свидетельствует о переходе от разрозненных региональных инициатив к формированию общей повестки. Обсуждение результатов показывает, что дифференциация регионов не является препятствием для интеграции. Напротив, различие специализаций создаёт основу для взаимодополняемости: туристические, ремесленные, гастрономические и цифровые направления разных субъектов способны формировать единый макрорегиональный креативный рынок, в котором региональные бренды усиливают, а не конкурируют друг с другом.

Заключение

Проведённый сравнительный анализ показывает, что регионы Северо-Кавказского федерального округа развивают креативные индустрии по различным моделям, определяемым их культурным и ресурсным профилем. Дагестан и Карачаево-Черкесия опираются на туризм и ремёсла, Кабардино-Балкария — на гастрономию и издательское дело, Северная Осетия — на креативные кластеры, Чечня — на институциональное развитие, а Ставропольский край выступает интегрирующим ядром. При общей положительной динамике сектора именно это разнообразие моделей составляет специфику округа.

Основной вывод исследования состоит в том, что региональная дифференциация является не слабостью, а ресурсом развития. Взаимодополняемость специализаций создаёт потенциал для формирования единого макрорегионального креативного рынка, а межрегиональные площадки взаимодействия обеспечивают институциональные условия такой интеграции. Дальнейшие исследования целесообразно направить на количественную оценку вклада отдельных направлений в креативную экономику каждого субъекта и на разработку моделей межрегиональной кооперации в сфере креативных индустрий.

References

1. Валовая добавленная стоимость креативной экономики Российской Федерации : оперативные данные за I квартал 2025 года / Федеральная служба государственной статистики. — URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 10.09.2026).
2. Креативные индустрии в регионах России: рейтинг и динамика валовой добавленной стоимости 2019–2023 годов // Аналитические материалы по развитию креативной экономики. — 2025. — С. 24–31.
3. Развитие креативной экономики Северо-Кавказского федерального округа : материалы Кавказского инвестиционного форума. — Минеральные Воды, 2025. — URL: <https://forumkavkaz.org> (дата обращения: 10.09.2026).
4. О Стратегии социально-экономического развития Ставропольского края на период до 2036 года : закон Ставропольского края от 25.12.2025 № 126-кз. — URL: <https://www.stavregion.ru> (дата обращения: 10.09.2026).
5. Зеленцова Е. В., Гладких Н. В. Творческие индустрии: теории и практики. — Москва : Классика-XXI, 2021. — 240 с.
6. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее : пер. с англ. — Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2016. — 384 с.

UDC 331.108.2

Popov Y.A. Modern approaches to employee motivation based on combining economic and non-financial incentives

Popov Yuri Alexandrovich,

senior lecturer of the Department of Economic Theory,
Saint Petersburg State University
of Industrial Technologies and Design

Abstract. *This research paper examines modern approaches to employee motivation based on a combination of economic and non-financial incentives. The paper clarifies the concepts of “motivation” and “stimulation”, considers the main types of incentives and their role in managing employee work behavior. Economic motivation methods, their main advantages and limitations are analyzed. Particular attention is paid to non-financial incentives related to professional development, recognition of achievements, comfortable working conditions, and autonomy. The importance of performance appraisal and feedback as tools of non-financial motivation is discussed, and the main forms of their practical application are presented. Foreign practices of employee motivation are considered separately, with an analysis of the tools used, their types, managerial objectives, limitations, and opportunities for adaptation in Russian organizations. The paper substantiates the need for a balanced combination of economic and non-financial incentives, taking into account employees’ individual needs and organizational goals.*

Keywords: *human resource management, motivation, stimulation, employee appraisal, economic and non-financial incentives, professional development, feedback, individualization of motivation.*

Рецензент: Бюллер Елена Александровна – кандидат экономических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Адыгеский государственный университет»

Today, an organization’s long-term viability and competitiveness depend not only on its ability to attract qualified employees but also on sustaining their engagement and commitment to achieving performance outcomes. Shifts in employment structures, rising demands for professional competencies, the spread of flexible work arrangements, and the growing importance of non-financial drivers of work behaviour all call for a re-examination of traditional approaches to employee motivation [10].

Financial incentive instruments remain widely used. Their key advantage is the ability to link performance outcomes directly to compensation. However, a motivation model based solely on financial incentives has inherent limitations: it does not fully address employees’ needs for professional development, recognition, autonomy, meaningful work, and a supportive work environment [11].

Consequently, an increasing role is assigned to non-financial incentives, which complement economic instruments and provide a broader range of influence on employee motivation. The effectiveness of any given incentive practice depends less on its mere presence and more on its alignment with the needs of specific employee groups, the

organization's strategic objectives, and employees' perceptions of fairness in the overall reward system [6].

The relevance of this paper stems from the need to move away from the predominantly one-sided use of individual incentive instruments toward their integrated combination [1]. A particularly important element in this process is feedback, which provides information about how employees perceive the incentives in place, reveals shifts in their motivational needs, and enables timely adjustments to the incentive mix.

The central problem addressed in this paper is the tension between the need to foster sustained employee engagement in work outcomes and the limited effectiveness of isolated incentive instruments. The standalone application of widely used financial incentives does not always produce durable motivation or long-term performance gains. For example, monetary payments are highly visible and measurable from a management perspective, yet over time employees may come to regard them as an entitlement rather than a stimulus for improved performance. At the same time, non-financial motivation methods – such as recognition, professional development opportunities, flexible scheduling, participation in decision-making, and regular feedback – are often applied in a fragmented manner and are not linked to the compensation system or performance evaluation.

This gives rise to a pressing theoretical and practical task: developing an integrated approach to employee motivation in which financial and non-financial incentives are not set against each other but are used in a complementary fashion.

The objective of this paper is to systematise modern approaches to combining financial and non-financial incentives, to identify possibilities for their integrated application within an organisation's motivation system, and to explore how the limitations of one type of incentive can be offset by the other.

The contribution of this paper lies in the systematisation of contemporary approaches to combining financial and non-financial incentives within an organization's motivational management framework (see Table 1). Unlike studies that examine individual incentive instruments in isolation, the present work emphasises the need for mutual complementarity and adaptation to employees' motivational needs [1]. Additionally, the paper substantiates the role of regular feedback as a linking mechanism that ensures timely adjustment of the balance between financial and non-financial incentives in response to changing employee needs.

The methodological framework combines general scientific and specialised analytical methods. The theoretical foundation rests on a review of scholarly publications and conceptual approaches to the study of work motivation and employee incentives [2; 3]. Classification and generalisation methods were used to systematise existing instruments and identify the main

groups of financial and non-financial incentives. Comparative analysis was applied to determine the strengths and limitations of various incentive forms.

A structural-logical approach was employed to examine the interrelationships among individual instruments and to treat specific incentives as complementary elements of the overall motivation system. An analysis of practical examples of modern incentive instruments was used to identify possible directions for their adaptation to employee needs. On this basis, conclusions were drawn regarding the advisability of integrating financial incentives, non-financial instruments, and feedback mechanisms.

It is widely recognised that an effective employee motivation system occupies a central place in organisational management. Achieving organisational goals depends to a large extent on the performance of individual employees [5]. To explore this topic further, it is necessary to clarify the key concepts used in this paper.

An employee motivation system can be defined as a set of interrelated elements through which conditions are created to foster and sustain employees' interest in achieving both individual and organisational outcomes. Motivation itself is an internal, dynamic process that determines a person's readiness to engage in particular behaviour and to choose a corresponding course of action. It is shaped by the employee's needs, interests, values, expectations, and individual attitudes, and it is reflected in the employee's attitude toward work, level of engagement, and drive to achieve set goals.

In the scholarly literature, motivation is viewed as a goal-directed psychological process that drives a person toward activity and the attainment of personally significant results. Rudenko A.M. identifies several functions within its structure, including activating, directing, organising, and meaning-making functions [2]. For the purposes of this paper, however, the critical point is not an exhaustive classification of motivation's functions but rather an understanding of its dynamic nature and its dependence on the interplay between the employee's internal motives and the external conditions of work.

From the perspective of organisational behaviour, motivation is a broader concept than any single method of influencing employees; it cannot be reduced to, say, pay or other material rewards alone. Its content is determined by the interaction between the employee's internal drives and the external conditions of work. Accordingly, the effectiveness of motivational influence depends not only on the set of incentives an organisation employs but also on how well those incentives match employees' current needs and expectations [5].

A substantial body of research addresses this topic. Content theories of motivation (Maslow, Alderfer, Herzberg, McClelland) establish the multi-level structure of employee needs, which extends well beyond material compensation [1]. Process theories (Vroom, Adams, Porter & Lawler) explain motivation through the perceived link between effort,

performance, and reward, as well as through assessments of distributive fairness [2]. The behavioural approach emphasises the role of reinforcement of desired behaviour, which gives particular importance to regular feedback. The systems approach allows financial and non-financial incentives to be treated as interdependent elements of a unified management system [5].

Incentivisation, in turn, refers to the purposeful influence on a person's behaviour through external motivating factors oriented toward the individual's interests, needs, and motives [2]. Unlike direct administrative directives, incentivisation in organisational settings does not prescribe a specific model of behaviour. Instead, it creates conditions under which the employee independently selects a preferred course of action, aligning it with personal needs, interests, and expectations.

Within human resource management, incentivisation serves as an instrument for shaping and sustaining work behaviour that is desirable from the organisation's standpoint. Various financial and non-financial incentives may be used for this purpose: wages, bonuses, and other forms of compensation; social benefits; professional training; career development opportunities; flexible work schedules; recognition of achievements; expanded authority; and enhanced professional or status position. Thus, the content of incentivisation is determined by the totality of organisational actions aimed at increasing employees' interest in achieving required work outcomes.

Incentivisation performs economic, social, and ethical functions. The economic function relates to improving labour productivity, the efficient use of human resources, and the quality of work outcomes. The social function is manifested in shaping employees' income levels, social standing, and the structure of employment relations. The ethical function involves maintaining a positive attitude toward work, developing initiative and responsibility, and fostering a favourable socio-psychological climate within the organisation [3].

In sum, motivation and incentivisation are interrelated elements of the human resource management system. Motivation reflects the internal causes and drives that determine an employee's attitude toward work, whereas incentivisation involves the creation of external conditions by the organisation that promote desirable work behaviour. Their combination allows an organisation to influence various aspects of employees' attitudes toward work and, taken together, to make more effective use of the organisation's human capital.

Employee motivation and the corresponding incentives can be classified along several dimensions.

By the nature of the incentive, a distinction is made between financial and non-financial motivation. Financial motivation is based on monetary payments and material benefits provided to the employee. Non-financial motivation is associated with recognition of work

results, the content of the work itself, professional development, opportunities for self-realisation, and other factors that do not have a direct monetary form.

By the direction of influence, positive and negative motivation are distinguished. Positive motivation uses rewards to encourage desirable behaviour. Negative motivation relies on sanctions or other adverse consequences for non-compliance with established requirements.

By the source of drive, external and internal motivation are identified. External motivation is shaped by conditions created by the organisation, including rewards, recognition, and sanctions. Internal motivation is determined by the employee's own interests, values, needs, and the content of professional activity [2].

A special place in the motivation system is occupied by economic methods based on employees' material self-interest. These methods aim to raise the income level and socio-economic security of staff and to establish a link between work outcomes and compensation. Depending on the form of delivery, financial incentives are divided into direct and indirect [5].

Direct financial incentives include: base salary; additional pay reflecting the complexity and skill requirements of the work, combined roles, overtime, and other conditions; rewards for individual or collective contributions to performance outcomes; bonuses for meeting established targets; compensatory and incentive payments, including tenure-based payments and other grounds; and one-time payments provided under the organisation's pay system and social guarantee policies.

Indirect financial incentives involve providing employees with benefits and advantages not directly tied to salary increases but carrying economic value. Examples include the use of a company car for personal purposes, access to the organisation's social facilities, subsidised use of recreational and wellness centres, assistance with childcare placement, and discounts on the organisation's products or services.

Despite the importance of pay as an element of the motivation system, its continuous increase does not by itself ensure long-term growth in work engagement. A rise in compensation may produce a short-term effect, but as employees adapt to the new income level, the additional motivational impact diminishes [8]. Therefore, a predominant reliance on financial incentives does not guarantee a sustained increase in labour productivity.

The main advantages of financial incentives include their ability to link work outcomes directly to compensation, their role in attracting and retaining qualified employees, and the relative ease of quantitative measurement. Bonuses, performance pay, and other payments allow organisations to establish a clear and understandable relationship between achieving specific targets and receiving a reward.

At the same time, financial incentives have several limitations. Their effect may be short-lived, particularly in the absence of other sources of professional engagement. A predominant focus on monetary compensation does not fully address employees' needs for recognition, professional development, meaningful work, and self-realisation. Moreover, increasing expenditure on pay and supplementary payments raises the organisation's compensation budget and does not always yield a proportional increase in performance.

Consequently, while financial incentives remain important in the motivation system, their effectiveness depends on being combined with non-financial incentives that primarily address employees' needs for professional development, recognition, self-realisation, autonomy, and meaningful work. Their application requires attention to individual employee characteristics, as well as transparent and clearly understood criteria for evaluation and reward.

One of the principal areas of non-financial motivation is professional development. Organisations can provide opportunities for training, participation in workshops, conferences, professional development programmes, and cross-functional projects. Such measures broaden employees' competencies, strengthen their confidence, and create conditions for professional and career growth. Particular importance attaches to the development of leadership and management skills [9].

A key non-financial incentive is recognition of work results. Expressions of gratitude, awards, public acknowledgement of achievements, nominations for professional titles, and expanded areas of responsibility all serve to highlight the significance of an employee's contribution. The motivational effect of such incentives depends on their connection to specific results and on employees' perception of the recognition process as fair.

The content of the work itself and the degree of employee autonomy also play a significant role. The opportunity to participate in decision-making, to propose and implement one's own ideas, to choose methods for completing tasks, and to take responsibility for outcomes enhances engagement and fosters a sustained interest in professional activity.

Another important area is the development of corporate interaction and relationships. Maintaining respectful relations within the team, effective communication with supervisors, teamwork, and a sense of belonging to the organisation all contribute to a positive attitude toward work and to stronger organisational commitment [7].

It is important to distinguish between non-financial incentives and indirect financial incentives. Additional leave, insurance, compensation for rest and recreation, subsidised access to organisational services, and other benefits that carry material value belong primarily to the category of social or indirect financial incentives. They can be used within the overall motivation system but are not, strictly speaking, non-financial motivators.

A number of limitations inherent in direct and indirect financial incentives can be effectively offset by non-financial incentives, as summarised in Table 1.

Table 1

Comparative characteristics of the limitations of direct and indirect financial incentives and complementary non-financial incentives

Incentive group	Forms	Key limitations	Complementary non-financial incentives
Direct financial	Base and supplementary pay, bonuses, performance rewards, profit-sharing, progressive pay schemes	1. Short-lived effect: employees quickly adapt to a new income level, and the motivational impulse fades	Regular public recognition and award ceremonies for achievements
		2. Neglect of self-realisation needs: a sole focus on financial outcomes does not stimulate creative potential	Opportunities to participate in interest-based projects and to develop individual professional development plans
		3. High cost: systematic increases in salaries and bonuses expand the compensation budget without guaranteeing productivity gains	Mentoring and coaching programmes as an alternative to financial loyalty bonuses
Indirect financial	Company car, access to social facilities, subsidised vacations, childcare placement support, product discounts	1. Limited reach: certain benefits are not relevant to all employee groups (e.g., young professionals without children do not use childcare subsidies)	Flexible scheduling and remote-work options as universal non-financial incentives independent of family status
		2. Passive effect: benefits are perceived as a given and do not encourage higher performance	Weekly feedback from supervisors and discussions of career goals, creating a sense of personal attention
		3. Difficulty of differentiation: it is hard to tie the volume of indirect benefits to specific work outcomes	A virtual reward system (points, internal currency) allowing employees to choose their own reward for specific achievements

A particularly important element of the non-financial motivation system is performance evaluation and feedback. These allow achieved results to be compared against established goals, inform employees about their strengths and areas for development, and enable timely adjustments to professional activity [12].

In practice, feedback can take various forms: regular one-on-one meetings between a supervisor and an employee, interim and final performance reviews, discussions of goals for the upcoming period, surveys, peer and subordinate evaluations, and written recommendations following task completion. The choice of format depends on the nature of the work, the organisational structure, and the objectives of the evaluation. The most effective approach is regular feedback that allows results to be discussed not only at the end of a reporting period but also during the work process.

The feedback and evaluation system produces several outcomes. First, it clarifies goals and expectations by setting clear reference points for the employee and transparent criteria for

assessing performance [12]. Regular discussion of results makes it possible to acknowledge achievements promptly and to link the quality of work to professional recognition, thereby sustaining employees' interest in further development.

Equally important is the identification of professional development needs. Discussing strengths and areas requiring improvement helps determine directions for competency enhancement, select appropriate training formats, and lay the groundwork for career advancement. In this context, feedback should contain not only an assessment of the result achieved but also specific recommendations for improvement.

The feedback system also promotes open communication between employees and management. Regular individual meetings and discussions of work outcomes make it possible to identify emerging problems early, clarify expectations, and coordinate next steps. This enhances management transparency, strengthens trust, and contributes to a positive work climate.

Modern approaches to employee motivation involve expanding employees' participation in goal-setting, professional development, and performance evaluation. International practice demonstrates that various instruments can combine financial and non-financial incentives while addressing specific management objectives [4].

Zappos, a US-based online retailer specialising in footwear, clothing, and accessories, employs instruments for employee development and peer recognition. Employees can formulate their own professional and personal goals, and colleagues can acknowledge one another's contributions through dedicated recognition mechanisms [8]. These instruments are primarily non-financial incentives, although some forms of recognition may have a monetary component. Their purpose is to enhance employee autonomy, support professional development, and strengthen team collaboration. Transferring this practice to other organisational contexts requires a certain degree of managerial readiness, as self-directed development planning presupposes a well-established culture of accountability and regular dialogue between employees and supervisors. Nevertheless, individual elements – such as individual development plans, mentoring programmes, and peer recognition systems – can be adopted more broadly.

Adobe operates a system called Check-in, which is based on regular two-way discussions of results, expectations, and professional development, replacing a sole reliance on annual performance appraisals. This is a non-financial incentive linked to feedback, professional growth, and career support. Its limitations include the time demands placed on supervisors and the need for appropriate managerial competencies. Adaptation in other settings can involve introducing regular individual meetings, interim goal discussions, and structured feedback on work outcomes.

Microsoft treats learning and competency development as an element of corporate culture. Employees are provided with various opportunities to enhance their skills, and responsibility for professional development is partly delegated to the employees themselves. This approach falls under non-financial motivation and addresses the objectives of competency development, workforce adaptability, and talent pipeline building. Its application in other organisations requires an accessible learning infrastructure and the possibility of allocating working time to employee development. The practice can be adapted through distance learning, mentoring, and individual learning pathways [9].

The examples above illustrate that corporate practices should not be treated as ready-made models to be transplanted without modification. Their value lies primarily in individual management instruments that can be adapted to an existing motivation system.

The effectiveness of any employee motivation system depends largely on adherence to certain principles governing its design and implementation. These can be grouped into two interrelated categories: organisational and systemic principles.

Organisational principles include:

- Comprehensiveness – the use of complementary financial and non-financial incentives that account for various drivers of work behaviour;
- Differentiation – the application of incentives tailored to employees' qualifications, professional experience, the nature of the work performed, achieved results, and the characteristics of particular employee groups;
- Flexibility and responsiveness – the ability to modify the composition and content of incentives in a timely manner in response to changes in the organisation's operating conditions, performance requirements, and employee needs [3].

Systemic principles characterise the requirements for incentivisation as an integrated mechanism:

- Accessibility and clarity – the conditions for receiving incentives must be transparent, understandable to employees, and provide equal opportunities for participation in reward programmes;
- Gradualism – changes in compensation levels should be well justified, since excessive or abrupt increases in incentive payments do not always produce a proportional rise in work engagement;
- Perceived significance – the size and content of an incentive must be sufficient for the employee to perceive it as a meaningful reward for the result achieved;
- Minimisation of the time gap between result and reward – the closer in time the reward follows the achievement, the more evident the link between the employee's effort and the compensation received;

- Combination of financial and non-financial incentives – the use of various reward forms that take into account individual employee characteristics, the nature of the work, the specific situation, and management objectives;
- Combination of positive and negative incentives – the use not only of rewards but also of measures stipulated by the organisation for non-compliance with established requirements. Positive incentives include bonuses, promotions, expanded authority, additional compensation, and recognition of achievements. Negative incentives may take the form of reduced or withheld bonuses, disciplinary measures, restrictions on certain professional development opportunities, and other consequences provided for by employment legislation and internal company policies [2].

In conclusion, it should be noted that the employee motivation system of modern organisations directly affects both the performance of individual employees and the overall results of the company. At the same time, designing such a system requires accounting for a range of factors that can either strengthen or weaken employees' interest in achieving desired outcomes.

One of the most significant challenges is the insufficient strength of employees' intrinsic motivation. In the absence of a sustained interest in the content and outcomes of professional activity, even a well-developed system of external incentives may fail to ensure the necessary level of work engagement. As a result, labour productivity, the quality of completed tasks, and employees' willingness to take initiative may all decline.

The alignment of the incentive system with the organisation's strategic goals and operating conditions is also of great importance. Incentives that are not linked to the company's priority areas of development may lead employees to focus primarily on achieving local indicators without contributing to long-term objectives [6]. Furthermore, the incentive system must possess a degree of adaptability, since changes in economic conditions, market demands, organisational structure, and HR policies can reduce the effectiveness of previously applied mechanisms.

A persistent challenge is the limited range of incentives used. A predominant focus on monetary compensation does not always address the broad spectrum of employees' professional and social needs. In the absence of opportunities for career growth, training, expanded responsibility, recognition of achievements, and the exercise of initiative, employees' interest in further work and development within the organisation may decline over time.

Ensuring the fairness and justification of rewards deserves separate attention. Significant disparities in pay, in the absence of criteria that are clear and understandable to employees, can generate a sense of inequity, erode trust in the employer, and create tension

within the team. Therefore, the conditions for providing financial and non-financial rewards should be transparent and, wherever possible, directly linked to the employee's contribution, level of responsibility, and achieved results.

Working conditions and their alignment with employees' expectations also have a substantial impact on motivation. Even when financial incentives are in place, poor organisation of the work process, limited development opportunities, excessive workload, or the absence of a comfortable work environment can reduce job satisfaction and, consequently, negatively affect employee performance.

It should also be borne in mind that the motivational process is not static. Its content and direction depend on the individual's current needs, which are in continuous interaction and may either reinforce or weaken one another. Changes in life circumstances, professional situations, working conditions, and individual expectations lead to a transformation in the structure of an employee's needs and, accordingly, to shifts in the relative importance of particular motives. For this reason, the same incentive mechanism may be perceived differently by employees depending on the specific situation and stage of their professional career. Even with a thorough analysis of an employee's motivational profile, it is impossible to fully rule out changes in behaviour in response to management interventions.

In light of the above, the principal tasks of employee motivation can be summarised as follows:

- fostering employees' conscious understanding of their own work-related motives and their significance for achieving professional results;
- developing effective intra-organisational communication skills among both managers and employees;
- refining management approaches on the basis of modern motivation theories and attention to individual employee characteristics.

The effectiveness of an incentive system is determined not by individual forms of reward but by their alignment with employees' internal needs, the organisation's objectives, and the actual conditions of work. This calls for a comprehensive approach that combines financial and non-financial incentives, regularly assesses their effectiveness, and makes timely adjustments to the instruments employed.

References

1. Bonyani A.J. Sistematizatsiya nauchnykh podkhodov v sovremennoi sisteme motivatsii i stimulirovaniya personala // Upravlenie. – 2022. – Vol. 10, No. 4. – P. 84-95.
2. Litvinyuk A.A. Motivatsiya i stimulirovanie trudovoi deyatel'nosti. – 2nd ed. – Moscow: Izdatel'stvo Yurait, 2025. – 269 p.

3. Mineva O.K., Arutyunyan S.A., Gadzhieva E.A. et al. Motivatsiya i stimulirovanie trudovoi deyatel'nosti. – 2nd ed. – Moscow: NITs INFRA-M, 2024. – 275 p.
4. Sokolanova S.I., Lymareva O.A. Motivatsiya i stimulirovanie trudovoi deyatel'nosti personala v usloviyakh tsifrovoy transformatsii obshchestva // Ekonomika i biznes: teoriya i praktika. – 2023. – No. 11-3. – P. 96-99.
5. Kibanov A.Ya. Upravlenie personalom organizatsii / ed. by A.Ya. Kibanov. – 4th ed., rev. and updated. – Moscow: INFRA-M, 2023. – 695 p.
6. Rozhnov V.I. Sistema motivatsii kak instrument postroeniya sovremennoi proizvodstvennoi kompanii // Liderstvo i menedzhment. – 2024. – Vol. 11, No. 3. – P. 1027-1040.
7. Rebrikova N.V. Vovlechenost personala kak instrument povysheniya effektivnosti organizatsii // Ekonomika truda. – 2024. – Vol. 11, No. 6. – P. 951-968.
8. Naumchev I.V. Nematerialnye stimuly i motivatsiya rabotnikov predpriyatii v sovremennykh usloviyakh // Upravlenie personalom i intellektualnymi resursami v Rossii. – 2024. – Vol. 13, No. 6. – P. 64–70.
9. Konoplina Yu.S. Obrazovatelnye vozmozhnosti kak instrument motivatsii personala // Ekonomicheskii vektor. – 2024. – No. 2 (37). – P. 156-160.
10. Isaeva O.M., Priporova E.A. Upravlenie chelovecheskimi resursami. – 2nd ed. – Moscow: Izdatel'stvo Yurait, 2023. – 178 p.
11. Vagner V.A., Lobanova V.V. Osnovnye problemy motivatsii personala // Ekonomika i biznes: teoriya i praktika. – 2023. – No. 2. – P. 74-77.
12. Zytkova T.B., Kupriyanova T.A. Motivatsionnyi audit kak instrument povysheniya effektivnosti upravleniya personalom // Liderstvo i menedzhment. – 2025. – Vol. 12, No. 10.

UDC 657.6

Popova J.A. Methodological approaches and practical algorithms for consolidating the financial statements of a group of companies under IFRS

Popova Julia Alexandrovna,

senior lecturer of the Department of Accounting and Audit,
Saint Petersburg State University
of Industrial Technologies and Design

Abstract. *This study examines the specific features of determining the composition of a group of companies based on control criteria and distinguishes between accounting approaches for subsidiaries, associates, and joint ventures. The study considers the accounting treatment of business acquisitions, the measurement of identifiable net assets, and the calculation of goodwill, bargain purchase gains, and non-controlling interests. The main stages of preparing consolidated financial statements are analyzed, including the line-by-line aggregation of financial information and the elimination of intragroup transactions and balances. Particular attention is paid to unrealized gains and losses, intragroup settlements, and the tax implications of consolidation adjustments. Practical approaches are identified for harmonizing accounting policies, performing intragroup reconciliations, and improving the quality of consolidated financial reporting.*

Keywords: *International Financial Reporting Standards (IFRS), consolidated financial statements, group of companies, subsidiary, associate, joint venture, goodwill, elimination, statement of cash flows.*

Рецензент: Бюллер Елена Александровна – кандидат экономических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Адыгеский государственный университет»

As of the date of the study, the preparation of consolidated financial statements (CFS) under Federal Law No. 208-FZ “On Consolidated Financial Statements” is mandatory for public companies, credit institutions, insurance companies and issuers of securities [14]. According to the Bank of Russia and Moscow Exchange, more than 200 Russian issuers disclose IFRS-based consolidated financial statements each year, while the number of groups applying IFRS voluntarily is considerably higher. The practical difficulty lies in the need to apply several standards simultaneously – IFRS 10 Consolidated Financial Statements, IFRS 3 Business Combinations, IAS 28 Investments in Associates and Joint Ventures, IFRS 11 Joint Arrangements and IAS 7 Statement of Cash Flows – each of which establishes its own recognition, measurement and disclosure requirements [9; 10; 11; 12; 15].

Consolidation practice in Russian corporate groups demonstrates a persistent gap between IFRS requirements and the procedures used to implement them in practice. According to assessments published by major audit firms, a significant proportion of material misstatements in consolidated financial statements arises not from errors in underlying accounting records but from incorrect application of consolidation procedures [5]. Therefore,

systematising methodological approaches and formalising practical consolidation procedures is particularly important.

The research problem arises from the tension between the increasing complexity of corporate structures and the insufficient formalisation of consolidation algorithms in existing methodological guidance. IFRS 10, IFRS 3, IAS 28 and IFRS 11 establish the relevant principles and disclosure requirements, but they do not provide step-by-step computational procedures tailored, for example, to situations involving inactive markets, multiple settlement currencies and complex logistics chains [9; 10; 11; 12]. As a result, groups often have to develop their own interpretations and working procedures, which may reduce comparability and increase the risk of material misstatement.

An analysis of the scholarly approaches developed in the field of group financial statement consolidation shows that each emphasises a different aspect of the problem. The regulatory approach (A.S. Bakaev, Ya.V. Sokolov; internationally, publications of the IASB and FASB) treats consolidation primarily as the implementation of accounting standards [8]. Within this approach, correct application of IFRS 10, IFRS 3, IAS 28 and IAS 7 is central, whereas the detailed algorithms for eliminations and goodwill calculations remain largely outside the standards and depend on professional judgement. The accounting and analytical approach (V.G. Getman, M.L. Pyatov, E.A. Mizikovsky) focuses on transforming individual financial statement data into an IFRS-compliant format and on the mechanics of line-by-line aggregation [7]. This approach is well developed at the level of an individual entity but is less adapted to multilayer groups with cross-shareholdings. The information-technology approach (Oracle Hyperion Financial Management, 1C: Consolidation) treats consolidation algorithms as an object of automation [6]. The key issue is the formalisation of elimination rules as machine-readable algorithms and the configuration of working adjustment matrices. The institutional approach (agency theory of M. Jensen and W. Meckling; stakeholder theory of R. Freeman) explains the economic rationale for consolidation in terms of reducing information asymmetry between group management and external stakeholders, including investors, creditors and regulators [8].

This study integrates the regulatory and accounting-analytical approaches and complements them with elements of information-technology formalisation. This makes it possible to move from describing IFRS principles to developing specific computational algorithms that can be applied and adapted in consolidation working papers, which constitutes the study's principal element of novelty.

The methodological basis of the study comprises a combination of general scientific and accounting-specific methods that support a systematic analysis of consolidation processes. The study analyses IFRS requirements, as well as two approaches to measuring

non-controlling interests and two approaches to calculating goodwill. The information base consists of the texts of the International Financial Reporting Standards and publications by Russian and international authors on financial statement consolidation.

Under IFRS, a parent and the entities it controls form a group, and consolidated financial statements present the group as a single economic entity [9]. The principal approach to subsidiaries is consolidation on a line-by-line basis. This involves combining the relevant assets, liabilities, equity, income and expenses of the parent and its subsidiaries and subsequently eliminating intragroup transactions and balances.

Control by the parent is therefore the fundamental condition for including an entity within the consolidated group. A subsidiary is an entity controlled by another entity, while a parent is an entity that controls one or more other entities. Accordingly, determining whether control exists is fundamental both to identifying the composition of the group and to selecting the appropriate accounting treatment.

Under IFRS 10 Consolidated Financial Statements, an investor controls an investee when it has power over the investee, exposure or rights to variable returns from its involvement with the investee, and the ability to use its power to affect those returns [9]. Control is therefore not determined solely by the investor's formal ownership interest; it requires consideration of the nature of the investor's rights, the decision-making process and the investor's substantive ability to affect the investee's returns.

The most common situation is one in which control arises from direct or indirect ownership of more than half of the voting rights. Control may also exist with less than 50% of the voting rights when the investor has the practical ability to direct the relevant activities of the investee. Thus, ownership percentage is not a universal criterion: both the legal rights and their economic substance are important when determining the composition of a group.

Under the consolidation requirements, regardless of the parent's ownership percentage, the assets and liabilities of a subsidiary are included in the consolidated statement of financial position in full. The same principle applies to the subsidiary's income and expenses in the consolidated statement of profit or loss and other comprehensive income. Intragroup balances and transactions are eliminated because, from the perspective of the group as a single economic entity, they do not represent transactions with external parties.

One of the principal consolidation adjustments arising from the acquisition accounting requirements of IFRS 3 Business Combinations is the elimination of the parent's investment in the subsidiary against the subsidiary's equity and the acquisition-date adjustments arising from the acquisition accounting. The resulting difference is reflected through the recognition of goodwill or a bargain purchase gain, as applicable.

Group retained earnings and other components of equity reflect the parent's results and the group's post-acquisition changes in the net assets of its subsidiaries, subject to the applicable consolidation adjustments [10]. It is important to distinguish amounts arising before and after the acquisition date. Pre-acquisition amounts are incorporated into the acquisition accounting and the determination of goodwill or a bargain purchase gain, whereas post-acquisition results contribute to the consolidated financial statements.

When the parent holds less than 100% of a subsidiary, the consolidated financial statements include a non-controlling interest (NCI). NCI represents the portion of the subsidiary's net assets and results that is not attributable, directly or indirectly, to the parent. NCI is presented separately within equity in the consolidated statement of financial position, while the portion of profit or loss and other comprehensive income attributable to NCI is presented separately in the relevant components of the consolidated financial statements.

In preparing consolidated financial statements, three fundamentally different situations must be distinguished: control over a subsidiary, significant influence over an associate, and joint control over a joint venture. Subsidiaries are consolidated, whereas investments in associates and joint ventures are generally accounted for using the equity method. This distinction determines the consolidation procedures, the recognition of financial results and the presentation of investments in the consolidated financial statements.

An associate is an entity over which the investor has significant influence but which is neither a subsidiary nor a joint venture of the investor. Significant influence is the power to participate in the financial and operating policy decisions of the investee without having control or joint control. Indicators may include representation on the board of directors or a similar governing body, participation in policy-making processes, material transactions between the investor and the investee, interchange of managerial personnel and provision of essential technical information.

IFRS uses direct or indirect ownership of 20% or more of the voting power as a general presumption of significant influence. Such an interest creates a rebuttable presumption of significant influence, but it is not conclusive in every case. Conversely, ownership of less than 20% does not preclude significant influence when other circumstances support its existence.

Because an associate is not controlled by the investor, its assets, liabilities, income and expenses are not included line by line in the investor's consolidated financial statements. Instead, the investment is accounted for using the equity method. On initial recognition, the investment is recognised at cost; subsequently, its carrying amount is adjusted for the investor's share of changes in the investee's net assets after acquisition. In particular, the carrying amount increases by the investor's share of the investee's profit or loss and other comprehensive income and decreases by dividends received.

A joint venture is a joint arrangement in which the parties that have joint control have rights to the net assets of the arrangement. Joint control is contractually agreed and exists only when decisions about the relevant activities require the unanimous consent of the parties sharing control.

Investments in joint ventures are generally accounted for by the investor using the equity method in accordance with IFRS. Accordingly, the joint venture's assets, liabilities, income and expenses are not included line by line in the investor's consolidated financial statements. Instead, the consolidated statement of financial position presents the carrying amount of the investment, adjusted for the investor's share of changes in the joint venture's net assets, while the consolidated statement of profit or loss and other comprehensive income recognises the investor's share of the joint venture's financial results.

IFRS 12 requires disclosure of information about interests in joint ventures, the nature of the relationship with them and the effects and risks associated with those interests. Such information enables users to assess the nature of the group's involvement and the effects of its interests on the group's financial position, financial performance and cash flows.

Accounting for the acquisition of a subsidiary that constitutes a business combination is particularly important under IFRS 3 Business Combinations. The identifiable assets acquired and liabilities assumed are determined as of the acquisition date and, subject to the exceptions specified in IFRS 3, are measured at their acquisition-date fair values. This approach is important in practice because it allows the consolidated financial statements to recognise assets and liabilities that may not have been recognised in the acquiree's separate financial statements.

Under the acquisition method, identifiable intangible assets that were not previously recognised by the acquiree may be recognised separately when they meet the relevant recognition criteria. Examples include certain contractual rights, customer relationships and technologies. Thus, consolidation reflects not only the legal form of an acquisition of shares or interests but also the economic substance of the acquired business.

Goodwill represents the future economic benefits arising from other assets acquired in a business combination that are not individually identified and separately recognised. Accordingly, determining goodwill requires comparing the acquisition-date consideration and other components specified by IFRS 3 with the fair value of the identifiable net assets acquired.

For a business combination, goodwill is generally measured as the excess of the consideration transferred, the amount of any non-controlling interest in the acquiree, and, in a business combination achieved in stages, the acquisition-date fair value of any previously held equity interest over the acquisition-date fair value of the identifiable net assets acquired. If,

after the required reassessment, the fair value of the identifiable net assets acquired exceeds the aggregate of those amounts, a bargain purchase gain is recognised in profit or loss.

The basis for subsequent consolidation is established at the acquisition date. The acquisition-date fair values of the identifiable net assets, goodwill or any bargain purchase gain, and the NCI are determined at that point.

Tax effects require particular attention when preparing consolidated financial statements. If the fair value measurement of assets acquired and liabilities assumed gives rise to temporary differences between their carrying amounts for financial reporting purposes and their tax bases, IAS 12 Income Taxes requires recognition of the relevant deferred tax assets or liabilities, subject to the applicable recognition requirements and exceptions. Such adjustments affect the recognised net identifiable assets acquired and may therefore affect the measurement of goodwill.

The economic substance of goodwill may be associated with expected synergies from the combination, market position, the assembled workforce, reputation and other factors. However, these benefits cannot always be individually identified and recognised as separate assets [4].

When the parent holds less than 100% of a subsidiary, NCI arises in the consolidated financial statements. It represents the portion of the subsidiary's equity and results that is not attributable, directly or indirectly, to the parent. The subsidiary's assets, liabilities, income and expenses are nevertheless included in full, while the amount attributable to NCI is presented separately within equity and in the allocation of profit or loss and other comprehensive income.

IFRS 3 provides two measurement options for NCI at the acquisition date for each business combination. For qualifying present ownership interests, NCI may be measured either at fair value or at the proportionate share of the acquiree's recognised identifiable net assets. The choice affects the amount of goodwill recognised at the acquisition date.

When NCI is measured at its proportionate share of the acquiree's recognised identifiable net assets, only the goodwill attributable to the parent is recognised. When NCI is measured at fair value, the consolidated financial statements recognise full goodwill, including the portion attributable to NCI.

For a transaction in which control is obtained in a single acquisition, the calculation may be presented as follows:

$$\text{Goodwill} = \frac{\text{Consideration transferred}}{\text{Fair value of NCI}} + \frac{\text{Fair value of previously held interest (if any)}}{\text{Fair value of identifiable net assets acquired}} - \text{Fair value of identifiable net assets acquired} \quad (1)$$

In subsequent periods, the carrying amount of NCI changes to reflect the NCI holders' share of changes in the subsidiary's net assets after the acquisition date, together with other changes required by IFRS.

After initial recognition, goodwill is not subsequently remeasured through ordinary periodic revaluation. Instead, goodwill is tested for impairment in accordance with IAS 36 Impairment of Assets at least annually and whenever there is an indication that it may be impaired. If an impairment loss is identified, it is recognised in profit or loss, subject to the requirements of IAS 36 [13].

Goodwill at the reporting date may be expressed in a simplified calculation as follows:

$$\begin{array}{l} \text{Goodwill} \\ \text{at reporting date} \end{array} = \begin{array}{l} \text{Initially recognised} \\ \text{goodwill} \end{array} - \begin{array}{l} \text{Cumulative} \\ \text{impairment losses} \end{array} \quad (2)$$

Accordingly, when control of a subsidiary is lost, the goodwill allocated to the subsidiary is taken into account in determining the gain or loss on the disposal and deconsolidation.

It should again be emphasised that the consolidated statement of financial position presents the financial position of the group as a single economic entity. The assets and liabilities of the parent and its subsidiaries are included in full, after which intragroup balances and transactions are eliminated. These include, for example, reciprocal receivables and payables, intragroup loans, balances arising from intragroup sales, income and expenses from transactions between group entities, and the parent's investment in subsidiaries.

At the first stage, corresponding line items of the parent and subsidiaries are aggregated line by line. A subsidiary is included in the consolidated financial statements in full from the date control is obtained, regardless of the percentage of its equity owned by the parent. Ownership of less than 50% is not, by itself, a basis for proportionately reducing the subsidiary's assets, liabilities, income or expenses.

The next stage is the elimination of the parent's investment in the subsidiary against the subsidiary's equity and the acquisition-date adjustments arising from the acquisition accounting.

Intragroup financial receivables and payables are also eliminated. If the parent has provided a loan to a subsidiary, the parent's receivable and the subsidiary's corresponding liability are eliminated from the consolidated statement of financial position. The same applies to intragroup loans, deposits and other reciprocal financial balances.

Reciprocal receivables and payables arising from intragroup sales of goods or services are likewise eliminated in full. After consolidation, neither balance remains because the group cannot be regarded as both creditor and debtor to itself.

The same principle applies to intragroup advances. If one group entity has received an advance from another, the corresponding receivable and payable are eliminated. Where the balances differ, their economic cause should be identified and the appropriate consolidation adjustment determined rather than automatically charging the difference to retained earnings.

Intragroup dividends are also eliminated. Dividend income recognised by the parent from a subsidiary does not represent income of the group because the distribution occurs within a single economic entity. If dividends have been declared but not yet paid, the corresponding intragroup receivable and payable balances are also eliminated.

Transactions involving assets may give rise to unrealised gains or losses. If one group entity sells goods, property, plant and equipment or other assets to another group entity at a profit and the asset remains within the group at the reporting date, the profit is not yet realised from the group's perspective. The relevant profit or loss is therefore adjusted for the unrealised amount, and the carrying amount of the asset is adjusted to the amount that should be recognised from the group's perspective.

If eliminating an unrealised profit creates a temporary difference between the carrying amount of the asset in the consolidated financial statements and its tax base, the relevant deferred tax asset or liability is recognised in accordance with IAS 12, subject to the standard's requirements [16].

The consolidated statement of profit or loss and other comprehensive income is prepared from the results of the parent and the subsidiaries included in the group. A subsidiary's income and expenses are included in full from the date control is obtained until the date control is lost. The results of intragroup transactions are eliminated because, from the group's perspective, they do not represent income or expenses arising from transactions with external parties.

A principal step in preparing the statement is the line-by-line aggregation of the relevant income and expenses of the parent and its subsidiaries. This is followed by consolidation adjustments eliminating intragroup revenue and related expenses, income and expenses from intragroup services and other transactions, intragroup dividends, and unrealised gains and losses included in the carrying amounts of assets that remain within the group at the reporting date.

One of the principal adjustments is the elimination of dividends received by the parent from a subsidiary. Such dividends may be recognised as income in the parent's separate financial statements, but they do not constitute external income of the group because they represent a distribution of profit within a single economic entity.

Similarly, income and expenses arising from sales of goods or services between group entities are eliminated. Because no sale to an external party has occurred at the group level,

the corresponding intragroup income and expenses are eliminated. If the transferred asset remains wholly or partly within the group at the reporting date, any unrealised gain or loss included in its carrying amount is also eliminated.

The group's final profit or loss is allocated between owners of the parent and NCI. Because the subsidiary is consolidated in full, its profit or loss is initially included in the group's result in full. After all necessary consolidation adjustments, the portion attributable to owners of the parent and the portion attributable to NCI are determined. The parent's share of the subsidiary's profit or loss is therefore not obtained by simply multiplying the subsidiary's separate profit by the parent's ownership percentage, because intragroup transactions, unrealised gains and losses and other consolidation adjustments must also be taken into account.

Similar procedures are performed for each subsidiary, including the elimination of intragroup transactions between subsidiaries themselves.

Income and expenses of a subsidiary are included in the consolidated statement only for the period during which the group controls the subsidiary. From the date control is lost, the former subsidiary is no longer consolidated.

When control of a subsidiary is lost, the group recognises the resulting gain or loss on the loss of control [1]. The calculation takes into account the consideration received, the carrying amount of the former subsidiary's net assets, including related goodwill, and the corresponding NCI. The resulting difference is recognised in profit or loss in accordance with IFRS requirements.

The elimination procedures considered above apply to different types of intragroup transactions and affect several components of the consolidated financial statements. Table 1 summarises the main elimination objects, the affected financial statement line items and the substance of the corresponding procedures.

Table 1.

Algorithms for eliminating intragroup transactions in the preparation of consolidated financial statements

Consolidation adjustment (intragroup transaction)	Affected CFS line items	Elimination algorithm (substance of the adjustment in working papers)
Investment in subsidiaries and subsidiary equity	Investment in subsidiaries / Equity	Eliminate the parent's investment against the subsidiary's equity and acquisition-date adjustments, with the resulting amount reflected through goodwill or a bargain purchase gain, as applicable.

Consolidation adjustment (intragroup transaction)	Affected CFS line items	Elimination algorithm (substance of the adjustment in working papers)
Intragroup trade receivables and payables	Trade and other receivables / Trade and other payables	Eliminate reciprocal balances in full. Differences caused by timing, uninvoiced deliveries or other reconciling items should be investigated and adjusted based on their economic substance rather than automatically charged to retained earnings.
Intragroup sales of goods and services	Revenue / Cost of sales (profit or loss)	Eliminate intragroup revenue and the corresponding expenses for the period to prevent the group from recognising internal transactions as external activity.
Unrealised profit in inventories	Inventories / Relevant profit or loss and equity effects	Reduce inventories by the unrealised intragroup margin remaining at the reporting date and recognise the related tax effect when required by IAS 12.
Intragroup dividends	Dividend income / Equity distribution	Eliminate dividend income recognised by the parent against the corresponding distribution recognised by the subsidiary; eliminate any related intragroup receivable and payable if the dividend remains unpaid.
Intragroup loans and interest	Current/non-current borrowings / Interest income and expense	Eliminate intragroup loan balances and the related interest income and expense. Any reconciling difference should be investigated and adjusted according to its nature.
Advances paid and received	Other current assets / Other current liabilities	Eliminate reciprocal intragroup advance balances after reconciling differences.
Intragroup cash flows	Operating / Investing / Financing activities	Eliminate reciprocal cash receipts and payments between group entities so that only cash flows with external parties remain.
Non-controlling interest	Equity / Profit or loss and other comprehensive income	Determine and present the NCI in the subsidiary's net assets and in the allocation of the group's financial result.

The procedures presented above form the basis of a working consolidation algorithm and should be performed with regard to the nature of each intragroup transaction and its effect on the relevant financial statement line items.

The statement of cash flows is another component of the consolidated financial statements. Its preparation is governed by IAS 7 Statement of Cash Flows [15]. Unlike the statement of financial position and the statement of profit or loss and other comprehensive income, it presents the inflows and outflows of cash and cash equivalents during the reporting period.

IAS 7 permits cash flows from operating activities to be presented using either the direct or the indirect method. Under the direct method, major classes of gross cash receipts and payments are disclosed. Under the indirect method, profit or loss is adjusted for non-cash transactions, changes in working capital, accruals and other items whose effects relate to different periods or to investing or financing activities. For reporting periods to which the IFRS 18 amendments to IAS 7 apply, the indirect method starts from operating profit or loss [15].

Cash flows are classified into three activities: operating activities, which comprise the principal revenue-producing activities and other activities that are not investing or financing activities; investing activities, which relate to the acquisition and disposal of long-term assets and other investments not included in cash equivalents; and financing activities, which result in changes in the size and composition of contributed equity and borrowings.

When preparing a consolidated statement of cash flows, reciprocal cash flows between group entities must be taken into account. Intragroup cash receipts and payments should not distort information about the group's cash flows as a whole. Therefore, internal cash flows between the parent and subsidiaries and between subsidiaries themselves are eliminated. Only cash flows involving external parties remain in the consolidated statement.

A different approach applies to investments in associates and joint ventures accounted for using the equity method. The investee's cash flows are not included line by line in the investor's statement of cash flows. Instead, the consolidated statement reflects actual cash transactions between the investor and the investee, such as dividends received, loans provided or repaid, and other cash receipts and payments.

When a subsidiary is acquired, the related cash flow is classified as investing and is based on the cash consideration actually paid, net of cash and cash equivalents acquired with the business. The net cash outflow is therefore calculated as the cash consideration paid less the cash and cash equivalents held by the acquired subsidiary at the acquisition date. Non-cash consideration, such as the issue of shares by the parent, is excluded from cash flows but is disclosed separately in accordance with IAS 7.

When a subsidiary is disposed of, the related cash flow is likewise classified as investing. It is determined as the cash consideration received by the group less the cash and cash equivalents disposed of with the subsidiary. If the group retains an interest in the former subsidiary after losing control, subsequent accounting depends on the nature of the retained rights and the applicable IFRS requirements.

The analysis of methodological approaches and practical consolidation algorithms makes it possible to formulate a number of recommendations aimed at improving the quality, comparability and reliability of consolidated financial statements.

1. Harmonisation of accounting policies and the corporate chart of accounts. Before consolidation, the group should ensure consistent accounting policies for like transactions across all entities within the consolidation perimeter, in accordance with IFRS 10 and the applicable requirements of other IFRS Accounting Standards [9]. Particular attention should be paid to inventory measurement, revenue recognition, depreciation and financial instruments. To accelerate consolidation and reduce the risk of errors, it is advisable to use a common corporate chart of accounts or a centralised mapping matrix linking entity-level

accounts to the consolidation structure. This provides a consistent information base for line-by-line aggregation.

2. Formalisation of intragroup reconciliations. Reciprocal balances should be checked not only when annual financial statements are prepared but also on a regular basis. Monthly or quarterly reconciliation of intragroup transactions and balances should be established, with differences documented before the preparation of entity-level financial statements [2]. This helps identify discrepancies caused by uninvoiced deliveries, payments in transit, differences in transaction recognition dates and other factors that may affect the consolidated financial statements.

3. Automation of goodwill and NCI calculations. Business combination accounting, subsequent impairment testing of goodwill under IAS 36 and determination of NCI require substantial amounts of source data and are repeated in subsequent reporting periods. It is therefore advisable to use specialised CPM/EPM solutions capable of storing acquisition-date calculations, automatically incorporating changes in net assets and generating the required analytical reconciliations [6]. This is particularly important for groups with several subsidiaries and complex ownership structures.

4. Accounting for the tax effects of consolidation adjustments. Adjustments made only at the consolidated financial statement level may create temporary differences between the carrying amounts of assets and liabilities and their tax bases. This is particularly relevant to the elimination of unrealised profits on intragroup transactions and fair value adjustments arising from business combinations. Accordingly, each material consolidation adjustment should be assessed for its tax effect under IAS 12, and deferred tax assets or liabilities should be recognised when the relevant requirements are met [16]. Changes in these balances should also be monitored in subsequent reporting periods.

In conclusion, IFRS-based consolidation is a structured sequence of procedures that includes determining the group perimeter and whether control exists, accounting for business combinations, measuring goodwill and NCI, aggregating financial statement information and eliminating intragroup transactions. The quality of the resulting financial statements depends not only on the accuracy of individual calculations but also on the consistency of accounting data across all entities in the group.

Improving the efficiency of consolidation primarily requires formalised procedures, regular intragroup reconciliation, harmonised accounting approaches and the use of automated tools. Implementing these recommendations can reduce the number of manual adjustments, identify discrepancies at an earlier stage and improve the reliability of consolidated financial statements prepared for users in accordance with IFRS Accounting Standards.

References

1. Komarova, M.A., Yazykova, S.V., & Plekhanova, E.O. (2022). Problemy ucheta i formirovaniya konsolidirovannoy otchetnosti korporatsiy pri potere kontrolya nad dochernimi i assotsiirovannymi kompaniyami // *Biznes. Obrazovanie. Pravo*, 4(61), 146-152.
2. Blizkiy, R.S., Lisitsyna, Yu.A., & Dubeshko, D.N. (2023). Model protsedur konsolidatsii finansovoy otchetnosti s uchetom transformatsiy MSFO // *Upravlencheskiy uchët*, 12-2, 394-403.
3. Babalykova, I.A., Bogosyan, A.I., & Korotkova, V.I. (2024). Osobennosti formirovaniya finansovoy otchetnosti gruppy kompaniy // *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya*, 3(53), 29-32.
4. Kuvaldina, T.B. (2025). Gudvil kak obekt bukhgalterskogo ucheta i element konsolidirovannoy (finansovoy) otchetnosti // *Innovatsionnaya ekonomika i obshchestvo*, 2(48), 48-55.
5. Bekbuzarova, M.I. (2025). Audit konsolidirovannoy finansovoy otchetnosti po MSFO: problemy i resheniya // *Vestnik evraziyskoy nauki*, 17(S2).
6. Zherdeva, O.V., Cherstova, A.V., Eskova, T.V., & Kashina, M.I. (2024). Tsifrovaya transformatsiya finansovoy otchetnosti: rol MSFO v sovremennom biznese // *Vestnik Akademii znaniy*, 6(65), 363-366.
7. Litvinenko, M.I. (2024). Konsolidirovannaya finansovaya otchetnost v sootvetstvii s MSFO / Moscow: Yurayt. 126 p.
8. Alisenov, A.S. (2024). Mezhdunarodnye standarty finansovoy otchetnosti (prodvinutyy kurs) / Moscow: Yurayt. 443 p.
9. IFRS Foundation. (2026). IFRS 10 Consolidated Financial Statements. Available at: <https://www.ifrs.org/issued-standards/list-of-standards/ifrs-10-consolidated-financial-statements/> (accessed: September 10, 2026).
10. IFRS Foundation. (2026). IFRS 3 Business Combinations. Available at: <https://www.ifrs.org/issued-standards/list-of-standards/ifrs-3-business-combinations/> (accessed: September 10, 2026).
11. IFRS Foundation. (2026). IAS 28 Investments in Associates and Joint Ventures. Available at: <https://www.ifrs.org/issued-standards/list-of-standards/ias-28-investments-in-associates-and-joint-ventures/> (accessed: September 10, 2026).
12. IFRS Foundation. (2026). IFRS 11 Joint Arrangements. Available at: <https://www.ifrs.org/issued-standards/list-of-standards/ifrs-11-joint-arrangements/> (accessed: September 10, 2026).

13. IFRS Foundation. (2026). IAS 36 Impairment of Assets. Available at: <https://www.ifrs.org/issued-standards/list-of-standards/ias-36-impairment-of-assets/> (accessed: September 10, 2026).

14. Federal Law No. 208-FZ of July 27, 2010 “On Consolidated Financial Statements” (as amended April 9, 2026). Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103808/ (accessed: September 10, 2026).

15. IFRS Foundation. (2026). IAS 7 Statement of Cash Flows. Available at: <https://www.ifrs.org/issued-standards/list-of-standards/ias-7-statement-of-cash-flows/> (accessed: September 10, 2026).

16. IFRS Foundation. (2026). IAS 12 Income Taxes. Available at: <https://www.ifrs.org/issued-standards/list-of-standards/ias-12-income-taxes/> (accessed: September 10, 2026).

UDC 659.1:004.738.5

Reshetinskaya K.A. Brand safety in digital advertising: risk management tools and their impact on media planning effectiveness

Brand safety в digital-рекламе: инструменты управления рисками и влияние на эффективность медиапланирования

Reshetinskaya Kseniya Aleksandrovna

Master's Degree student 3 year

Russian State University for the Humanities

Academic Supervisor - **Abaev A.L.**

D.Sc. in Economics, Head of the Department of ICA FMA RSUH

Решетинская Ксения Александровна

Магистрантка 3-ого года обучения

Российский государственный гуманитарный университет

Научный руководитель - Абаев А.Л.

д.э.н., заведующий кафедрой ИКиР ФМиР РГГУ

Abstract. The article examines brand safety as an independent area of digital advertising quality and brand reputation risk management. The paper substantiates the need to move from mechanical exclusion of individual websites, applications and keywords to a systematic assessment of placement context, inventory quality and compliance with the values of a particular brand. The main sources of brand safety risks in programmatic advertising are considered, including unsuitable content, user-generated content, fraudulent traffic, classification errors and lack of transparency in the advertising supply chain. Pre-bid and post-bid control tools are systematized: content categories, blacklists and whitelists, contextual analysis, anti-fraud, inventory verification, pre-bid and post-bid solutions. A brand safety management model within media planning is proposed, linking the acceptable level of risk with reach, contact cost and inventory quality. It is concluded that effective brand protection should not be reduced to maximizing the number of exclusions, since excessive filtering may limit reach and increase media costs. A differentiated approach is preferable, with restrictions determined by the specific brand, campaign objective and advertising channel.

Keywords: brand safety, brand suitability, digital advertising, programmatic, media planning, anti-fraud, verification, advertising inventory.

Аннотация. В статье рассматривается brand safety как самостоятельное направление управления качеством digital-рекламы и репутационными рисками бренда. Обосновывается необходимость перехода от механического исключения отдельных сайтов, приложений и ключевых слов к системной оценке контекста размещения, качества инвентаря и соответствия рекламной среды ценностям конкретного бренда. Рассмотрены основные источники brand safety-рисков в programmatic-рекламе, включая нежелательный контент, пользовательский контент, мошеннический трафик, ошибки классификации и непрозрачность цепочки поставок рекламного инвентаря. Систематизированы инструменты предварительной и постфактум-проверки: контентные категории, black list и white list, контекстный анализ, антифрод, верификация площадок, pre-bid и post-bid решения. Предложена модель организации brand safety в рамках медиапланирования, связывающая уровень допустимого риска с охватом, стоимостью контакта и качеством рекламного инвентаря. Сделан вывод о том, что эффективная защита бренда не должна сводиться к максимальному числу исключений: избыточная фильтрация способна ограничивать охват и повышать стоимость размещения. Оптимальным является дифференцированный подход, при котором ограничения определяются спецификой бренда, задачи кампании и особенностями рекламного канала.

Ключевые слова: brand safety, brand suitability, digital-реклама, programmatic, медиапланирование, антифрод, верификация, рекламный инвентарь.

Рецензент: Бюллер Елена Александровна – кандидат экономических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Адыгеский государственный университет»

Введение

Цифровая реклама полностью изменила подход, как мы покупаем рекламное размещение. Раньше, когда рекламодатели размещали рекламу, они хорошо понимали, где именно будет показано их сообщение и какое окружение будет у их бренда. Сейчас, в programmatic-среде, один показ может быть продан на автоматическом аукционе за доли секунды, а рекламные показы проходят через множество технологических посредников.

Закупка рекламы стала масштабнее и быстрее, что повышает эффективность работы с аудиторией. Однако это также усложняет контроль над тем, где именно появляется реклама. Поэтому brand safety — это не просто задача рекламной площадки или специалиста по качеству трафика, это часть управления брендом, которую нужно учитывать на всех этапах: при постановке целей кампании, выборе каналов, настройке таргетинга, распределении бюджета и оценке результатов.

Ошибка здесь может иметь двойные последствия: с одной стороны, реклама может появиться рядом с контентом, который вредит репутации бренда. С другой стороны, чрезмерная осторожность может привести к неоправданному отказу от большого количества рекламных показов.

В профессиональной среде важно различать brand safety и brand suitability. Brand safety — это защита бренда от размещения в заведомо неприемлемом контенте. Brand suitability идет дальше: она учитывает, насколько рекламное окружение подходит конкретному бренду, его аудитории, позиционированию и целям коммуникации. Например, новость о катастрофе сама по себе может не быть запрещенным контентом, но для страховой компании, турфирмы или автопроизводителя реклама рядом с такой новостью может быть нежелательной.

Цель этой статьи — собрать основные инструменты brand safety в цифровой рекламе и показать, как их использование влияет на качество медиапланирования. Для этого мы рассмотрим источники рисков, этапы контроля размещения рекламы, инструменты фильтрации и подходы к поиску баланса между безопасностью, охватом и стоимостью.

1. Brand safety как элемент управления качеством digital-рекламы

Brand safety появился, потому что реклама часто попадала рядом с неприемлемым контентом. Специалисты в данной сфере считают, что главная задача brand safety — не давать рекламе появляться там, где это может навредить имиджу компании. В свою очередь, brand suitability предполагает более гибкую оценку: один и тот же тип контента может быть приемлемым для одного рекламодателя и нежелательным для другого [1; 2].

Для digital-рекламы принципиально важен контекст показа. Сам по себе рекламный креатив может соответствовать всем требованиям бренда, однако итоговое восприятие коммуникации формируется не только содержанием объявления, но и окружающей его информационной средой. Поэтому контроль качества должен распространяться не только на рекламное сообщение, но и на площадку, страницу, приложение, видео, категорию контента и технические характеристики показа.

Исследования programmatic-рекламы показывают, что качество сайта и среда размещения способны влиять на рекламную эффективность. Shehu, Abou Nabout и Clement отмечают, что автоматизированная закупка может ограничивать контроль рекламодателя над типом площадки, на которой появляется сообщение, что создает отдельный класс brand safety-рисков [3]. Это означает, что оценивать медиаплан только по CPM, CPC, CTR или стоимости целевого действия недостаточно. Два размещения с одинаковой стоимостью контакта могут обладать разным уровнем репутационного риска.

Практически brand safety можно представить как систему из трех взаимосвязанных уровней. Существует три уровня безопасности рекламы. Первый, базовый, отсекает всё, что может не подойти любому рекламодателю: экстремизм, призывы к насилию, незаконный контент, порнографию и другое, что нарушает правила монетизации или законы. Второй уровень, suitability, позволяет настроить, какой контекст подходит конкретному бренду. Третий уровень — это качество самой рекламы: никаких фейков, подозрительных действий, технических проблем или непонятных посредников в цепочке.

Такое разделение важно для медиапланирования, поскольку разные виды рисков требуют разных инструментов. Контентный риск нельзя полностью компенсировать антифродом, а высокий показатель viewability сам по себе не свидетельствует о безопасности окружения. Brand safety следует рассматривать как комплексную характеристику качества рекламного контакта.

2. Основные источники brand safety-рисков

В digital-среде можно выделить несколько групп рисков, которые требуют различного подхода к контролю.

Первая группа связана непосредственно с содержанием. К ней относятся материалы, содержащие насилие, экстремизм, дискриминационные высказывания, сексуальный контент, пропаганду наркотиков, трагедии и иные чувствительные темы. При этом простого поиска отдельных слов недостаточно. Одно и то же слово может использоваться в нейтральном, позитивном или негативном контексте. IAB Tech Lab отмечает, что чрезмерная зависимость от keyword blocking способна приводить к

ложным срабатываниям и исключению контента, который сам по себе не представляет угрозы для бренда [2].

Вторая группа — пользовательский контент. Комментарии, отзывы, видеоролики и публикации пользователей создают особую сложность, поскольку содержание может изменяться быстрее, чем обновляются классификационные базы. Для таких сред важны сочетание автоматической классификации, контекстных сигналов и, при необходимости, человеческой проверки. IAB Tech Lab отдельно указывает на сложность оценки UGC из-за масштаба и высокой степени контекстной неоднозначности [4].

Третья группа связана с качеством рекламного инвентаря. Даже нейтральная с точки зрения содержания площадка может представлять риск при наличии большого объема ботового трафика, подозрительных источников показов или других признаков рекламного мошенничества. Поэтому anti-fraud является смежным, но самостоятельным элементом системы защиты бренда.

Четвертая группа — непрозрачность цепочки поставки. В programmatic закупке рекламодатель может не иметь прямого контакта с конечным владельцем площадки. Между рекламодателем и publisher могут находиться агентство, DSP, SSP, ad exchange, верификационный сервис и другие технологические участники. Чем длиннее цепочка, тем выше требования к прозрачности и передаче информации о площадке и контексте.

Пятая группа рисков — это когда окружение не соответствует позиционированию бренда. Этот риск не всегда опасен сам по себе. Например, шутки могут подойти молодежному бренду, но никак не финансовой компании. Новости, политика, медицина, новости о катастрофах или конфликтах — всё это требует отдельного подхода. Тут как раз и нужна "пригодность бренда", которая дополняет привычное понятие "безопасность бренда".

Наконец, есть еще технические риски: неправильно указанный адрес сайта, ошибка программы, показ рекламы не в том приложении, которое планировали, или когда реальная категория сайта не совпадает с заявленной. Эти риски особенно важны при автоматизированной закупке рекламы, когда решение о показе принимается еще до того, как реклама фактически увидела свет.

3. Инструменты защиты бренда в digital-рекламе

На сегодняшний день система защиты бренда строится не на одном инструменте, а на нескольких последовательных этапах проверки.

На первом этапе, когда составляется медиаплан, мы заранее фильтруем, где будет показываться реклама. Мы определяем, какие типы сайтов, категории контента, географию, форматы и какие конкретные нежелательные ресурсы нужно исключить.

На практике это делается с помощью белых и черных списков. Белый список — это перечень сайтов, которые точно подходят бренду. Черный список — это перечень сайтов, которые мы точно не хотим использовать.

Плюсы белого списка в том, что мы точно знаем, где появится реклама. Минусы — можно не охватить нужную аудиторию, и стоимость показа может вырасти. Черный список позволяет показывать рекламу на большем количестве площадок, но его нужно постоянно обновлять. Поэтому для большинства крупных кампаний лучше использовать оба подхода: составить основной список разрешенных площадок и одновременно исключать те, что вызывают опасения.

Второй этап — это классификация контента. Рекламные платформы и специальные сервисы анализируют контент по категориям, темам, ключевым словам и смыслу. IAB Tech Lab предлагает использовать стандартный каталог контента, чтобы все участники — рекламодатель, площадка и технические партнеры — говорили на одном языке. Это особенно важно при автоматизированных закупках рекламы (programmatic), где единая система категорий упрощает обмен требованиями.

Третий этап — это контекстный анализ. В отличие от простого исключения слов, контекстный анализ учитывает всю информацию на странице или в видео. Это помогает избежать ситуаций, когда нейтральное слово блокирует показ рекламы на релевантном сайте. Благодаря этому бренд может точнее управлять рисками, не отказываясь полностью от показа в определенной тематике.

Пятый этап — pre-bid и post-bid контроль. Pre-bid предполагает проверку условий размещения до покупки рекламного показа. Это наиболее экономичный вариант, поскольку неподходящий аукцион не участвует в закупке. Post-bid контроль проводится после совершения ставки или после показа и позволяет выявлять фактические нарушения. IAB Tech Lab отмечает, что в некоторых средах возможности pre-bid ограничены, поэтому сочетание нескольких уровней контроля остается необходимым [4].

Шестой этап — постоянная оптимизация. Список исключений не должен формироваться один раз на весь период кампании. Площадки меняют контент, приложения обновляются, появляются новые источники трафика. Поэтому brand safety требует регулярного анализа placement report, корректировки black list и проверки причин отклонений. На практике эффективным является цикл: обнаружение риска — оценка его значимости — внесение изменения — повторная проверка — оценка влияния на охват и стоимость.

4. Влияние brand safety на медиапланирование

Безопасность бренда напрямую влияет на медиаплан, потому что любые ограничения уменьшают доступное рекламное предложение. Чем строже фильтрация, тем меньше показов и тем дороже может стать контакт с аудиторией. Поэтому медиапланер должен не просто отсекал нежелательные площадки, а определять допустимый уровень риска для каждой кампании.

Чтобы найти этот баланс, стоит посмотреть на три группы показателей. Первая — это охват и стоимость: сколько показов доступно, какая цена за тысячу показов (CPM), какая частота показов, какой охват и сколько стоит один контакт с уникальным пользователем. Вторая — показатели качества: возможность просмотра рекламы (viewability), наличие недействительного трафика, доля показов на проверенных площадках и количество нарушений. Третья — бизнес-результаты: кликабельность (CTR), коэффициент конверсии (CR), целевые действия, лиды и другие ключевые показатели кампании.

Изменения в настройках безопасности бренда нужно оценивать не по отдельности, а по тому, как они влияют на всю рекламную воронку. Например, если добавить много сайтов в черный список, CPM может вырасти, а охват — упасть. Если при этом качество аудитории не изменилось, такая оптимизация может быть и не очень эффективной. Но если фильтрация уменьшила количество показов, зато повысила viewability, долю целевых действий и качество трафика, то такие ограничения могут быть оправданы.

Практически полезно считать стоимость качественного контакта — рекламные расходы, поделенные на количество показов, которые соответствуют требованиям по просмотру, валидности и безопасности бренда. Такой подход позволяет сравнивать площадки не только по формальному CPM, но и по реальному качеству полученного контакта.

Очень важен регулярный контроль — начале кампании нужно установить базовые ограничения: подходящие категории сайтов, темы, которые стоит избегать, черный и белый списки, а также требования к качеству трафика. После запуска кампании нужно анализировать, какие площадки реально показывали рекламу. Если какие-то сайты дают много показов, но низкое качество или высокий риск, бюджет можно перераспределить. Затем список исключений обновляется на основе новых данных.

В этом смысле оптимизация безопасности бренда перекликается с обычной оптимизацией рекламных площадок. Если площадка показывает плохую эффективность и высокий риск, ее исключение логично. Если же площадка приносит хорошие бизнес-результаты, но находится на грани, решение нужно принимать, оценив реальный уровень риска, а не только формальные признаки.

5. Практическая модель организации brand safety

Чтобы brand safety работал, весь процесс проще всего разбить на пять понятных шагов.

Сначала определяем, где проходит красная линия для бренда. Какие темы табу, какие вызывают вопросы, а что в целом допустимо. Тут важно отталкиваться не только от общих правил рынка, но и от характера самой марки — ее ценностей, аудитории и того, как она привыкла общаться с людьми.

Далее эти правила необходимо превратить в технический язык — составляем черные и белые списки, настраиваем фильтры по контексту, отсекаем лишние приложения и форматы, а заодно закладываем защиту от фрода. Главное, чтобы настройки были четкими — так, чтобы их без труда поняли все участники закупки.

Третий шаг — проверка перед стартом. Смотрим, всё ли в медиаплане сходится с нашими требованиями. Если это programmatic, изучаем источники инвентаря. Если площадка не дает нужного контроля, это сразу повод подумать: а стоит ли вообще отдавать ей бюджет?

Четвертый — постоянный мониторинг во время полета кампании. Вытягиваем данные по площадкам, смотрим домены, проверяем контент и ищем аномальный трафик. Частота зависит от масштабов: на больших бюджетах без автоматизации тут делать нечего — вручную всё не перелопатишь.

И пятый шаг — работа с итогами и оптимизация. На основе отчетов режем плохие площадки, правим белые списки, корректируем контекст или перекидываем деньги. Но тут важно вовремя остановиться: если закрутить гайки слишком сильно, безопасность будет идеальной, а вот охваты и эффективность сойдут на нет.

Если собрать всё вместе, цепочка выглядит так: требования бренда — техзадание — pre-bid контроль — запуск — post-bid проверка — оптимизация. Удобство в том, что безопасность контролируется на каждом шаге, а не висит мертвым грузом в финальном отчете.

И тут честно признаем: нулевого риска в digital не бывает. Алгоритмы ошибаются, сайты меняются. Задача не в том, чтобы застраховаться на сто процентов, а в том, чтобы удерживать риски на уровне, который безопасен для репутации и кошелька конкретного бренда.

Заключение

Brand safety в digital-рекламе следует рассматривать как комплексную систему управления качеством рекламной среды, а не как отдельную техническую настройку. Расширение programmatic-закупок, рост количества рекламных форматов и увеличение

объема пользовательского контента делают невозможным полный контроль только за счет ручной проверки площадок.

Проведенный анализ показывает, что наиболее устойчивой является многоуровневая модель, объединяющая контентную классификацию, black list и white list, contextual analysis, anti-fraud, pre-bid и post-bid verification. При этом особую роль играет переход от универсального понятия «небезопасного контента» к brand suitability — оценке того, насколько конкретная рекламная среда соответствует ценностям и задаче конкретного бренда.

Для медиапланирования принципиально важно учитывать стоимость ограничений. Каждая дополнительная фильтрация потенциально уменьшает доступный инвентарь, влияет на охват и может повышать CPM. Поэтому эффективность brand safety должна оцениваться не по количеству исключенных площадок, а по соотношению репутационного риска, качества контакта и бизнес-результата.

Перспективным направлением развития является дальнейшая стандартизация описания контента и повышение прозрачности цепочки поставки рекламного инвентаря. В этой части значимую роль играют отраслевые инициативы IAB Tech Lab, включая стандартизированные таксономии и инструменты передачи контекстных сигналов [2; 4]. Для рекламодателя это создает возможность формализовать требования к безопасному размещению и применять их последовательно в разных каналах.

Таким образом, brand safety становится частью общей системы принятия медиарешений. Оптимальная стратегия предполагает не максимальное количество запретов, а управляемый баланс между безопасностью, охватом, стоимостью и качеством рекламного контакта. Именно такой подход позволяет одновременно защищать репутационный капитал бренда и сохранять эффективность digital-коммуникаций.

References

1. IAB Europe. IAB Europe Guide to Brand Safety & Brand Suitability. Brussels, 2020. URL: https://iab europe.eu/knowledge_hub/iab-europe-guide-to-brand-safety-brand-suitability/ (дата обращения: 01.09.2026).
2. IAB Tech Lab. Brand Safety in CTV Advertising. 2020. URL: <https://iabtechlab.com/brand-safety-in-ctv-advertising/> (дата обращения: 01.09.2026).
3. Shehu E., Abou Nabou N., Clement M. The risk of programmatic advertising: Effects of website quality on advertising effectiveness // International Journal of Research in

Marketing. 2021. Vol. 38. No. 3. P. 663–677. DOI: 10.1016/j.ijresmar.2020.10.004. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ijresmar.2020.10.004> (дата обращения: 01.09.2026).

4. IAB Tech Lab. GARM Brand Suitability: Developing a Collaborative Interpretation of the Standard. 2021. URL: <https://iabtechlab.com/garm-brand-suitability-developing-a-collaborative-interpretation-of-the-standard/> (дата обращения: 01.09.2026).

5. IAB Tech Lab. Content Taxonomy 2.2: Implementation Guide for Brand Suitability. 2020. URL: <https://iabtechlab.com/wp-content/uploads/2020/10/Implementation-Guide-for-brand-suitability-w-IABTL-Content-Taxonomy-2.2.pdf> (дата обращения: 01.09.2026).

6. Google Ads Help. About content suitability. 2026. URL: <https://support.google.com/google-ads/answer/12764663?hl=en> (дата обращения: 08.09.2026).

7. Google Ads Help. Connect with audiences on safe, relevant content. 2026. URL: <https://support.google.com/google-ads/answer/14193508> (дата обращения: 01.09.2026).

8. Google Ads Help. Exclude specific webpages and videos. 2026. URL: <https://support.google.com/google-ads/answer/2454012> (дата обращения: 01.09.2026).

9. Баркович А. А. Реклама в Интернете: учебное пособие для СПО. Санкт-Петербург: Лань, 2024. 212 с. URL: <https://e.lanbook.com/> (дата обращения: 01.09.2026).

10. Овчарова А. А. Особенности разработки интернет-рекламы // Электронная библиотека «КиберЛенинка». 2024. УДК 659.1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-razrabotki-internet-reklamy> (дата обращения: 01.09.2026).

UDC 338.33

Tuchkov V.A., Varzugin A.A. The Transformation of Regional Specialization in Modern Russia

Трансформация специализации регионов в современной России

Tuchkov Vladislav Arkadyevich

Assistant

Saint Petersburg State University of Economics,
Saint Petersburg

Varzugin Andrey Artemovich

Student

Saint Petersburg State University of Economics,
Saint Petersburg

Тучков Владислав Аркадьевич
ассистент

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург

Варзугин Андрей Артемович
студент

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург

Abstract. *The article examines the issue of the gradual yet rather painful transformation of regional economic structures. It posits that the quantity and quality of released resources must be prioritized when assessing the potential for this process to unfold effectively. The specific characteristics of specialization transformation across different types of regions are also analyzed.*

Keywords: *regional economy, regional development, business closures, creation of new enterprises.*

Аннотация. В статье рассмотрена проблема постепенной, но при этом достаточно болезненной трансформации структуры экономики регионов. Выдвинуто положение о необходимости первоочередного рассмотрения количества и качества высвобождаемых ресурсов для определения возможностей эффективного протекания данного процесса. Раскрыты особенности трансформации специализации в регионах различного типа.

Ключевые слова: *региональная экономика, региональное развитие, ликвидация предприятий, создание новых предприятий.*

Рецензент: Бюллер Елена Александровна – кандидат экономических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Адыгеский государственный университет»

Современный период развития экономики России характеризуется не только разными темпами развития отраслей народного хозяйства в рамках отдельных регионов, но и нередким резким уменьшением (вплоть до полного прекращения) выпуска соответствующих видов продукции. Изменения данного типа предполагают масштабное высвобождение производственных ресурсов предприятий (существенной частью которых являются человеческие ресурсы, а также накопленный за время

функционирования организационный и социальный капитал). Следствием этого является существенная трансформация специализации регионов, социально-экономическая оценка которой требует специального анализа.

Таким образом, в этих условиях первоочередное значение для изучения происходящей в настоящее время трансформации специализации регионов имеет банкротство (и последующее закрытие) предприятий. Естественным, что данный процесс отражает негативную составляющую трансформации региональной специализации. Тем не менее, его не следует рассматривать исключительно как отрицательный фактор развития экономики регионов.

Во-первых, высвобождаемые после закрытия предприятий ресурсы (оборудование, квалифицированная рабочая сила, производственные помещения и обладающие транспортными путями территории) способны выступить в качестве основы создаваемых новых предприятий (или – что практически тождественно этому – глубокой модернизации уже существующих).

Во-вторых, ликвидация неэффективных производств снимает существенное финансовое бремя с регионов, направляя усилия последних не на сохранение традиционной и по большому счёту устаревшей структуры экономики, а на развитие перспективных и потенциально выгодных для бюджета производств.

Наконец, для целей нашего анализа немаловажным является то обстоятельство, что высвобождаемые ресурсы – равно как и соответствующие субъекты – уже встроены в региональную экономическую систему и могут быть ею адекватно оценены.

Уже во вторую очередь следует рассматривать создание в регионах новых крупных предприятий – таких, которые способны оказать заметное влияние на структуру валового регионального продукта. Отметим, что подобная последовательность рассмотрения никоим образом не означает меньшей значимости данного процесса. Если закрытие нерентабельных производств трансформирует специализацию региона ценой снижения уровня экономического развития, то появление новых предприятий, напротив, является основой роста экономики. Главным плюсом является, однако, не чисто количественное приращение, а возможность приобретения социально-экономической системой региона принципиально нового качества.

Наиболее благоприятным вариантом выступает одновременное закрытие неэффективных производств с параллельным и взаимосвязанным возникновением новых. При этом идеальным вариантом является использование материальных и человеческих ресурсов ликвидируемых предприятий на вновь возникающих предприятиях региона. В этом случае трансформация специализации регионов будет осуществляться наиболее быстро и безболезненно. В идеальном случае новое предприятие вообще возникает на месте старого и аккумулирует все его основные

ресурсы. В данной ситуации трансформация специализации региона осуществляется наиболее быстро и безболезненно и не влечет появления проблем на территориальном уровне. Фактически мы должны исследовать структуру (схему) инвестиций для понимания направления развития различных подсистем региональной экономики [1, с. 5; 2, с. 318].

Приведём таблицу, отражающую закрытие старых и создание новых предприятий в различных регионах России в первой половине двадцатых годов нашего века.

Таблица.

Закрытие и создание предприятий (2020-2026 г.г.) как фактор трансформации специализации регионов (примеры)

Закрытие предприятий	Перепрофилирование	Создание предприятий
Иркутская область – «Кремний» (Rusal) по причине китайской конкуренции и падения спроса	Карелия - Надвоицкий алюминиевый завод - перепрофилирован в майнинг-центр [3, с. 73]	Калининградская область - гигафабрика «Росатома» по производству литий-ионных батарей (2027)
Ростовская область - Таганрогский автомобильный завод (кризис автопрома, санкции)	Владимирская область - Ковровский мотоциклетный завод трансформировался в Завод им. Дегтярева по производству снегоходов	Чувашская республика – завод «Химпром» по производству солнечных батарей
Смоленская область – Смоленский автоагрегатный завод (банкротство «ЗИЛ» как основного заказчика, разрыв кооперационных связей)		Татарстан – R&D центр компании «Сибур» по производству катализаторов для нефтехимии (2026)

Многие возникающие при изменении региональной специализации проблемы имеют межрегиональный характер (т.е. затрагивают ряд или даже большинство регионов). При первоначальном рассмотрении они, однако, выступают как отраслевые.

Традиционным в этом случае будет рассмотрение угольной отрасли, находящейся в целом по стране в глубоком кризисе. В первую очередь здесь отмечается падение добычи на территории Кузбасса, Европейского Севера, Ростовской области, а также потеря экспортных рынков (вследствие постепенного перехода большинства стран к иным – в том числе возобновляемым – источникам энергии). Этот процесс привёл к закрытию (без реальных предпосылок восстановления) добычи на ряде предприятий отрасли. Представляется, что основной проблемой здесь выступает невозможность перепрофилирования угольных производств в виду высокой степени специфичности соответствующих основных фондов и низкой квалификации большинства занятых на подземных работах. Дополнительные проблемы создаёт низкая привлекательность соответствующих регионов для внешней миграции, которая объясняется в первую очередь негативной экономической ситуацией, а также окраинным положением большинства угледобывающих регионов.

Вышеупомянутые недостатки лишь в очень малой степени характерны для

машиностроения и оборонной отрасли. Тем не менее, значительное число закрываемых (или – что практически тождественно этому – находящихся в глубоком кризисе) предприятий относится именно к этим исключительно важным отраслям. Основными факторами ухудшения их экономического положения выступают: усиление конкуренции с зарубежными производителями (в настоящее время – в основном азиатскими), разрыв хозяйственных связей (связанный с банкротством предприятий-партнёров и массовыми неплатежами).

Промежуточное положение занимает металлургия. Соответствующие ей основные фонды по степени специфичности занимают среднее положение между угольной отраслью и машиностроением (формирующем в частности ядро военно-промышленного комплекса). Соответствующие регионы также выступают как более привлекательные с точки зрения возможности найма квалифицированной рабочей силы из других регионов.

Новые производства, как правило, создаются в достаточно привлекательных для внешней миграции регионах. Исключением выступают предприятия добывающих отраслей (газовой, нефтяной), возникающие на отдалённых от центра и характеризующихся неблагоприятными климатическими условиями территорий. Если же рассмотреть, например связанную с ними газохимию, то речь идёт, например, уже о таких благоприятных для миграции регионах как Ленинградская и Амурская области.

Новые инновационные предприятия концентрируются в столицах, их пригородах и крупных кластерах. Они производят электрические батареи, беспилотные летательные средства, робототехнику. В принципе, нельзя считать исчерпанными возможности их развития за счёт перепрофилирования традиционных для этих регионов производств.

Именно это направление представляется наиболее перспективным с точки зрения трансформации региональной специализации.

References

1. Румянцев А. А., Гусаков М. А., Джанелидзе М. Г. Методы структурной перестройки предприятий / [А. А. Румянцев, М. А. Гусаков, М. Г. Джанелидзе и др.]; Под ред. А. А. Румянцева; Рос. акад. наук, Ин-т проблем регион. экономики. - СПб. : ИРЭ, 2000. - 175 с.
2. Цветкова С.Н. Моделирование инвестиционного процесса как одной из форм государственной поддержки по преодолению депрессивности в экономике шахтерских регионов/ Экономический вестник Ростовского гос. Ун-та.- 2008.- Т. 6, № 2. Ч. 3. С. 307-317.
3. Балабейкина О. А., Беляева Н. Б., Тучков В. А. Социально-экономическая география: учебное пособие / О. А. Балабейкина, Н. Б. Беляева, В. А. Тучков; под научной редакцией В. М. Разумовского. - Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского государственного экономического университета, 2021. - 125 с.

EDUCATION AND PEDAGOGY

UDC 37.013:377.1:656.6

Balashova E.V. Continuing professional education of seafarers of the civil fleet

Непрерывное профессиональное образование моряков гражданского флота

Balashova Ekaterina Viktorovna,

Advisor to the Director for Education and Interaction with Public Associations, Teacher, Teacher of Additional Education at the Admiral Senyavin Maritime Technical Academy of St.Petersburg

Балашова Екатерина Викторовна,

советник директора по воспитанию и взаимодействию с общественными объединениями, преподаватель, педагог дополнительного образования СПб МТА им. адмирала Д.Н. Сенявина, Санкт-Петербург

Abstract. *The article provides an overview of the system of continuing professional education for seafarers of the civil fleet, which has evolved in the course of historical development. The relevance of the topic is determined by the growing requirements for navigation safety, the modernisation of water transport, the development of Arctic and inland water routes, as well as the need to update the content of professional training for seafarers in the context of technological, economic and social changes.*

The aim of the article is to identify the historical and pedagogical prerequisites and current trends in the development of continuing professional education for seafarers of the civil fleet. Based on the analysis of scientific and educational literature, it is shown that the training of maritime specialists in Russia has evolved from practical apprenticeship and the transfer of experience in the professional environment to a regulated maritime education system, which includes basic training, on-the-job practice, mentoring, advanced training and retraining.

Particular attention is paid to the educational component, the professional identity of the seafarer, safety culture, the role of historical memory and a practice-oriented educational environment. The article concludes that it is necessary to develop an integrated model of continuing professional education that brings together educational institutions, shipping companies, port infrastructure and the system of additional professional education.

Keywords: *continuing education, professional education, civil fleet, maritime education, river transport, water transport, education of seafarers, practice-oriented training, professional training.*

Аннотация. *Статья содержит обзор системы непрерывного профессионального образования моряков гражданского флота, сформировавшейся в процессе исторического развития. Актуальность темы обусловлена возрастающими требованиями к безопасности судоходства, модернизацией водного транспорта, развитием арктических и внутренних водных маршрутов, а также необходимостью обновления содержания профессиональной подготовки моряков в условиях технологических, экономических и социальных изменений. Цель статьи заключается в выявлении историко-педагогических предпосылок и современных направлений развития непрерывного профессионального образования моряков гражданского флота. На основе анализа научной и учебной литературы показано, что подготовка морских специалистов в России развивалась от практического ученичества и передачи опыта в профессиональной среде к регламентированной системе морского образования, включающей базовую подготовку, производственную практику, наставничество, повышение квалификации и переподготовку. Особое внимание уделяется воспитательному компоненту, профессиональной идентичности моряка, культуре безопасности, роли исторической памяти и практико-ориентированной образовательной среды. Сделан вывод о необходимости развития интегрированной модели непрерывного профессионального образования, объединяющей образовательные организации, судоходные компании, портовую инфраструктуру и систему дополнительного профессионального образования.*

***Ключевые слова:** непрерывное образование, профессиональное образование, гражданский флота, морское образование, речной транспорт, водный транспорт, воспитание моряков, практико-ориентированное обучение, профессиональная подготовка.*

Рецензент: Кузьменко Наталья Ивановна, к.п.н., доцент ВАК.
ГБПОУ "Магнитогорский педагогический колледж"

Непрерывное профессиональное образование моряков гражданского флота в современных условиях приобретает особое значение, поскольку водный транспорт остаётся одной из важнейших составляющих транспортной системы России. Морские и речные перевозки обеспечивают развитие регионов, связывают удалённые территории, участвуют в международной торговле, пассажирском сообщении, освоении северных и арктических маршрутов, а также в функционировании портовой и прибрежной инфраструктуры. В этих условиях качество подготовки кадров становится не только образовательной, но и экономической, социальной и стратегической задачей.

Исторически становление морской специальности происходило под влиянием требований к практическим навыкам, личной ответственности и неукоснительному соблюдению дисциплинарных норм. На ранних этапах развития судоходства профессиональные знания передавались преимущественно через личный опыт, наблюдение, участие в работе экипажа, наставничество старших и освоение ремесла непосредственно на судне. Такая форма подготовки была тесно связана с условиями плавания, природными рисками и особенностями коллективной формы работы. Постепенно, по мере усложнения судов, развития морской торговли, военно-морского дела и государственного управления флотом, возникла потребность в системной подготовке специалистов, обладающих не только практическими умениями, но и теоретическими знаниями.

Анализ этапов становления российского флота, отражённых в трудах по истории отечественного судоходства и морского дела, показывает, что подготовка кадров всегда зависела от уровня развития государства, экономики, науки и техники. Формирование регулярного флота, расширение морских границ, совершенствование портов и модернизация судостроения требовали специалистов нового типа — грамотных, дисциплинированных, способных действовать в сложных условиях и принимать решения в интересах экипажа, судна и государства [1; 2; 6]. История российского флота свидетельствует, что профессиональное обучение моряков никогда не ограничивалось передачей отдельных трудовых навыков. Оно включало воспитание характера, формирование чувства долга, устойчивости, ответственности и принадлежности к морскому профессиональному сообществу.

Важным этапом развития отечественной системы морского образования стало появление специализированных учебных заведений, в которых практическая

подготовка стала сочетаться с изучением навигации, устройства судна, морской практики, технических дисциплин, организации службы и правил безопасности. Постепенно сложилась модель подготовки, включающая обучение в учебной аудитории, практику на судне, работу под руководством опытных наставников и последующее совершенствование профессиональных компетенций. Именно эта преемственность — от первичного обучения до повышения квалификации — лежит в основе современного понимания непрерывного профессионального образования моряков.

Непрерывное образование в сфере гражданского флота следует рассматривать как систему последовательных и взаимосвязанных этапов. Она начинается с профессиональной ориентации, когда будущий обучающийся получает первые представления о специфике морской профессии, условиях труда, требованиях к здоровью, дисциплине, ответственности и психологической устойчивости. Затем следует базовое профессиональное образование, в ходе которого формируются фундаментальные знания и первичные профессиональные умения. Особое место занимает учебная и производственная практика, поскольку именно она позволяет связать теоретическую подготовку с реальными условиями работы. Далее важную роль играют стажировка, наставничество, повышение квалификации, переподготовка, освоение новых технологий и подтверждение профессиональной пригодности в соответствии с изменяющимися требованиями отрасли.

Современная система подготовки морских специалистов должна учитывать, что гражданский флот сегодня функционирует в условиях высокой технологической сложности. Судовождение, эксплуатация судовых энергетических установок, связь, навигационное оборудование, автоматизированные системы управления, электронная картография, цифровая логистика и требования экологической безопасности постоянно обновляются. Поэтому специалист, получивший образование один раз, не может оставаться профессионально готовым на протяжении всей трудовой деятельности без систематического обновления знаний. Непрерывное образование становится условием профессиональной надёжности, безопасности плавания и конкурентоспособности отрасли.

Особую актуальность эта проблема приобретает в связи с модернизацией водного транспорта России. Исследователи отмечают, что водный транспорт играет значимую роль в освоении и развитии хозяйствующих субъектов регионов, особенно там, где речные и морские пути являются важнейшими транспортными коридорами [7]. Для многих территорий внутренние водные пути обеспечивают грузовые и пассажирские перевозки, доступность населённых пунктов, связь промышленных и сырьевых районов с потребителями. Следовательно, подготовка кадров для гражданского флота должна быть ориентирована не только на эксплуатацию судов, но и на понимание региональной транспортной системы, логистики, экономики перевозок и взаимодействия водного

транспорта с другими видами транспорта.

Сегодня экономика морского и речного транспорта сталкивается с новыми вызовами. К ним относятся необходимость импортозамещения, обновления флота, развития отечественной технологической базы, изменения логистических маршрутов, адаптации к новым рынкам и повышения эффективности управления перевозками [8]. Эти процессы непосредственно влияют на содержание профессионального образования. Будущий моряк гражданского флота должен быть готов работать в условиях неопределённости, быстро осваивать новые технические решения, соблюдать международные и национальные требования безопасности, взаимодействовать с представителями разных служб и организаций.

Одновременно меняется и сам характер профессиональной подготовки. Если ранее основное внимание уделялось усвоению стандартного набора знаний и навыков, то сегодня возрастает значение компетентного подхода, практико-ориентированного обучения, индивидуальных образовательных траекторий и цифровых образовательных ресурсов. Образовательная организация должна не просто передавать информацию, а формировать способность действовать в профессиональных ситуациях. Для моряка это означает умение оценивать обстановку, работать в команде, соблюдать регламенты, принимать решения, предупреждать риски и нести ответственность за последствия своих действий.

Практико-ориентированная среда является ключевым условием качественной подготовки моряков гражданского флота. Она включает тренажёрные комплексы, лаборатории, учебные суда, производственную практику, взаимодействие с судоходными компаниями, портовыми организациями и предприятиями водного транспорта. Однако практико-ориентированная среда не сводится только к материально-техническому оснащению. Она включает вопросы организации учебного процесса, требования к дисциплине, взаимодействие преподавателей и курсантов, участие представителей отрасли, систему наставничества и связь с работодателями. Если обучающийся осваивает профессиональные нормы только в аудитории, его подготовка оказывается неполной. Морское образование должно создавать ситуации, в которых будущий специалист учится действовать, взаимодействовать с экипажем и отвечать за результат.

Важное значение имеет наставничество. В морской профессии многие качества формируются не только через учебники и инструкции, но и через непосредственное общение с опытными специалистами. Наставник передаёт обучающемуся не только профессиональные приёмы, но и отношение к делу, уважение к судовой дисциплине и ответственность за коллективный результат. В этом проявляется преемственность исторических традиций флота: опыт старших поколений становится частью профессионального становления молодых специалистов.

Организационные этапы подготовки морских специалистов в системе непрерывного профессионального образования включают предпрофессиональную ориентацию, освоение образовательной программы, учебную и производственную практику, первичное трудоустройство, адаптацию на рабочем месте, повышение квалификации и профессиональную переподготовку [9]. Такая система должна быть гибкой и открытой, поскольку профессиональная траектория моряка может изменяться: специалист может переходить с одного типа судов на другой, осваивать новые должности, работать в береговых структурах, в портах, судоходных и судостроительных компаниях, учебных центрах или системе управления водным транспортом. Поэтому непрерывное образование должно обеспечивать возможность профессионального роста и мобильности.

Особое место в подготовке моряков занимает воспитательный компонент. Морская профессия предъявляет повышенные требования к личностным качествам человека. Моряк должен быть дисциплинированным, ответственным, психологически устойчивым, готовым к длительной работе в коллективе, соблюдению субординации, выполнению инструкций и действиям в аварийных ситуациях. Воспитание в морском образовании не должно рассматриваться как второстепенная часть учебного процесса. Оно является необходимым условием формирования профессиональной идентичности и культуры безопасности.

Профессиональная идентичность моряка складывается из осознания принадлежности к флоту, понимания значимости своей профессии, уважения к традициям, знания истории отечественного судоходства и готовности соответствовать профессиональным нормам. Историческая память в данном случае выполняет не декоративную, а педагогическую функцию. Обращение к истории флота позволяет обучающимся увидеть преемственность поколений, понять цену профессионализма, значение дисциплины и ответственности. Исследования по истории российского флота показывают, что развитие морского дела всегда было связано с усилиями людей, способных осваивать новые технологии, преодолевать трудности и служить интересам страны [2; 3; 6].

Культура безопасности является центральным элементом профессионального образования моряков. Она включает знание правил, умение применять их на практике, готовность предупреждать опасные ситуации и нетерпимость к нарушениям, которые могут привести к авариям. Безопасность плавания зависит не только от технического состояния судна, но и от качества подготовки экипажа, согласованности действий, правильности коммуникации и психологической готовности к работе в сложных условиях. Поэтому тренажёрная подготовка, моделирование аварийных ситуаций, отработка взаимодействия членов экипажа и анализ профессиональных ошибок должны занимать значительное место в образовательном процессе.

Современное развитие речного транспорта предъявляет к подготовке кадров дополнительные требования. Внутренний водный транспорт связан с региональными перевозками, пассажирским сообщением, сезонностью, состоянием причальной инфраструктуры, особенностями эксплуатации судов на реках и озёрах. Отрасль сталкивается с задачами модернизации, повышения качества услуг, обновления инфраструктуры и развития пассажирского сервиса [4]. Это означает, что будущие специалисты должны понимать не только устройство судна и правила судовождения, но и организацию перевозочного процесса, требования пассажирской безопасности, особенности обслуживания населения и значение речного транспорта для социально-экономического развития регионов.

Развитие речной инфраструктуры также влияет на содержание подготовки кадров. Современные архитектурные объекты речного транспорта — вокзалы, причалы, терминалы, пересадочные узлы — становятся частью городской и региональной транспортной среды. Формирование таких объектов требует комплексного подхода к организации речного транспорта [10]. Следовательно, подготовка моряков и специалистов водного транспорта должна учитывать междисциплинарные связи: судоходство, логистику, безопасность, пассажирский сервис, городское развитие, транспортное планирование и эксплуатацию инфраструктуры.

Нельзя рассматривать подготовку моряков гражданского флота изолированно от состояния отрасли. Проблемы и перспективы развития водного транспорта в современных экономических условиях связаны с обновлением флота, развитием портовой инфраструктуры, повышением эффективности перевозок, улучшением нормативного регулирования и привлечением квалифицированных кадров [4]. Недостаток специалистов, старение кадров, разрыв между образовательными программами и реальными потребностями работодателей могут стать серьёзным ограничением для развития отрасли. Поэтому образовательные организации должны постоянно взаимодействовать с судоходными компаниями, портами, предприятиями ремонта и обслуживания судов, органами управления транспортом и центрами дополнительного профессионального образования.

Такое взаимодействие должно быть не формальным, а содержательным. Работодатели могут участвовать в разработке образовательных программ, организации практики, оценке профессиональных компетенций, проведении мастер-классов и наставничестве. Образовательные организации, в свою очередь, должны обеспечивать научно-методическое сопровождение подготовки, развивать тренажёрную базу, совершенствовать педагогические технологии и анализировать изменения в отрасли. Только при таком подходе можно преодолеть разрыв между учебной средой и реальной профессиональной деятельностью.

Значительную роль в развитии непрерывного профессионального образования

играет дополнительное профессиональное образование. Оно позволяет специалистам обновлять знания, проходить переподготовку, осваивать новые типы оборудования, подтверждать квалификацию и готовиться к выполнению новых трудовых функций. Для гражданского флота это особенно важно, поскольку нормативные требования, технологии и условия эксплуатации судов меняются достаточно быстро. Дополнительное профессиональное образование должно быть доступным, практико-ориентированным и связанным с реальными задачами судоходных организаций.

Отдельного внимания заслуживает подготовка педагогических кадров для морского образования. Преподаватель, работающий с будущими моряками, должен обладать не только теоретическими знаниями, но и пониманием профессиональной среды. Важны опыт практической деятельности, знание современных технологий, способность организовать обучение в деятельностной форме, умение формировать дисциплину и профессиональную ответственность. Повышение квалификации преподавателей, их стажировки на предприятиях отрасли, участие в научно-практических конференциях и взаимодействие с работодателями должны стать обязательной частью развития системы морского образования.

Цифровизация открывает новые возможности для подготовки моряков, но не отменяет необходимости реальной практики. Электронные образовательные ресурсы, виртуальные тренажёры, дистанционные курсы, цифровые платформы и системы контроля знаний позволяют сделать обучение более гибким и индивидуализированным. Однако морская профессия требует действий в реальной среде, физического понимания судна, оборудования, пространства, природно-климатических условий, человеческого взаимодействия и др. Поэтому цифровые технологии должны дополнять, а не заменять практическую подготовку. Наиболее эффективной является смешанная модель, в которой электронное обучение сочетается с тренажёрной подготовкой, учебной практикой, производственной практикой и наставничеством.

В современных условиях возрастает значение индивидуальных образовательных траекторий. Моряк гражданского флота в течение профессиональной жизни может неоднократно менять специализацию, осваивать новые суда, переходить от рядовых должностей к командным, от работы на борту к береговой деятельности или управлению. Система образования должна позволять учитывать предыдущий опыт, результаты практики, профессиональные цели и потребности работника и работодателя. Индивидуальная траектория не означает отказа от единых требований безопасности и квалификации, но предполагает более гибкое построение обучения и развитие профессионального потенциала каждого специалиста.

Нельзя забывать о социальном измерении морской профессии. Работа моряка связана с длительным пребыванием вне дома, ограниченным пространством, необходимостью постоянного взаимодействия с экипажем, психологическими

нагрузками и высокой ответственностью. Поэтому образовательные программы должны включать элементы психологической подготовки, развития коммуникативных навыков и командного взаимодействия. Эти качества особенно важны в аварийных ситуациях, когда результат зависит не только от знаний, но и от способности экипажа действовать согласованно.

Непрерывное профессиональное образование моряков гражданского флота должно быть направлено на формирование целостного специалиста. Такой специалист владеет профессиональными знаниями, умеет применять их на практике, понимает экономический и социальный смысл водного транспорта, соблюдает нормы безопасности, уважает традиции флота, способен к саморазвитию и профессиональной мобильности. Для достижения этого результата необходимо объединить традиции морского образования с современными технологиями, требованиями работодателей и перспективами развития отрасли.

Таким образом, развитие системы непрерывного профессионального образования моряков гражданского флота предполагает переход от разрозненных образовательных мероприятий к единой модели сопровождения профессионального становления специалиста. Эта модель должна включать профессиональную ориентацию, базовое образование, практику, наставничество, воспитательную работу, дополнительное профессиональное образование, повышение квалификации преподавателей, участие работодателей и партнёров, использование цифровых технологий. Только такая целостная система позволит обеспечить гражданский флот России кадрами, способными эффективно работать в условиях технологических, экономических и социальных изменений.

References

1. Бибиков Ю. Г. История флота России : учебное пособие / Ю. Г. Бибиков, М. Ю. Бибиков. Москва : РУТ (МИИТ), 2007. 72 с. Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. URL: <https://e.lanbook.com/book/188240> (дата обращения: 24.03.2026).
2. Геманов В. С. История Российского флота : учебное пособие для курсантов и слушателей морских вузов. 2-е изд., доп. и испр. Калининград : Янтарный сказ, 2009. 584 с.
3. Гребенщикова А. А. Балтийский флот в период правления Екатерины II. Санкт-Петербург : Наука, 2007. 719 с.
4. Ерлыгина Е. Г., Шабанова Е. М. Проблемы и перспективы развития водного транспорта в современных экономических условиях // Научные проблемы водного транспорта. 2024. № 81. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-perspektivy->

razvitiya-vodnogo-transporta-v-sovremennyh-ekonomicheskikh-usloviyah (дата обращения: 24.03.2026).

5. Евменов Н. А. Актуальные вопросы и пути повышения качества подготовки кадров Военно-Морского Флота // Военная мысль. 2023. № 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-i-puti-povysheniya-kachestva-podgotovki-kadrov-voenno-morskogo-flota> (дата обращения: 24.03.2026).

6. Каллистов Н. Д., Лебедев А. И., Новиков Н. В. История императорского российского флота. Москва : Эксмо, 2022. 800 с.

7. Колосова М. С., Фраймович Д. Ю. Роль водного транспорта в освоении и развитии хозяйствующих субъектов регионов России // Научные проблемы водного транспорта. 2023. № 77. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-vodnogo-transporta-v-osvoenii-i-razvitii-hozyaystvuyuschih-subektov-regionov-rossii> (дата обращения: 24.03.2026).

8. Крайнова В. В. Тренды развития экономики морского и речного транспорта в условиях пост-пандемии и новых санкций // Научные проблемы водного транспорта. 2022. № 73. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trendy-razvitiya-ekonomiki-morskogo-i-rechnogo-transporta-v-usloviyah-post-pandemii-i-novyh-sanktsiy> (дата обращения: 24.03.2026).

9. Панькина С. И., Аминева Е. Х. Организационные этапы подготовки морских специалистов в системе непрерывного профессионального образования // Непрерывное образование: XXI век. 2024. № 1 (45). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsionnye-etapy-podgotovki-morskih-spetsialistov-v-sisteme-nepreryvnogo-professionalnogo-obrazovaniya> (дата обращения: 24.03.2026).

10. Силивантеева Е. С., Молчанов В. М. Особенности формирования современных систем архитектурных объектов речного транспорта // ИВД. 2025. № 11 (131). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-formirovaniya-sovremennyh-sistem-arhitekturnyh-obektov-rechnogo-transporta> (дата обращения: 24.03.2026).

UDC 378.147:316.77

Kustova V.A. From a cultural stereotype to a testable hypothesis: a practice-oriented model for teaching intercultural communication to PR students

От культурного стереотипа к проверяемой гипотезе: практико-ориентированная
модель обучения межкультурной коммуникации студентов направления «реклама и
связи с общественностью»

Kustova Valentina Aleksandrovna

Assistant of the Department of Foreign Languages,
Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design,
Higher School of Technology and Energy,
Saint Petersburg, Russia

Кустова Валентина Александровна
ассистент кафедры иностранных языков,
Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна,
Высшая школа технологии и энергетики,
Санкт-Петербург, Россия

Abstract. *The aim of the study is to develop and theoretically substantiate a practice-oriented model for teaching intercultural communication to students majoring in Advertising and Public Relations. The methodological problem is the tension between using cultural frameworks as analytical resources and treating group-level regularities as ready-made explanations of individual or audience behaviour. The study uses targeted analysis of literature on intercultural competence, critical interculturality, public relations and assessment, comparative conceptual analysis, pedagogical modelling, and design of professionally oriented learning situations. The result is a six-operation cycle: Evidence, Assumption, Alternative hypotheses, Verification, Decision, and Reflection. Cultural generalisations are treated as tentative hypotheses that must be compared with competing cultural and non-cultural explanations and subjected to discriminating verification before serving as sufficient grounds for a high-cost or difficult-to-reverse PR decision. The model is operationalised through audience-profile auditing, cautious language, case analysis, and the functional role-play The Profile Review Meeting. Assessment covers evidence-interpretation separation, alternative explanations, verification quality, confidence calibration, residual uncertainty, and justification of professional action. The model is proposed as a theoretically grounded pedagogical framework; empirical validation is defined as the next research stage.*

Keywords: *intercultural communication, intercultural competence, public relations, cultural stereotype, cultural generalisation, testable hypothesis, professional communication, role-play, audience analysis.*

Аннотация. *Цель исследования – разработать и теоретически обосновать практико-ориентированную модель обучения межкультурной коммуникации студентов направления «Реклама и связи с общественностью». Методическая проблема состоит в противоречии между использованием культурных рамок как аналитического ресурса и превращением групповых закономерностей в готовые объяснения поведения человека или аудитории. Используются целенаправленный анализ литературы по межкультурной компетентности, critical interculturality, public relations и оцениванию, сравнительный анализ концепций, педагогическое моделирование и проектирование профессионально ориентированных учебных ситуаций. Результатом стал цикл из шести операций: «наблюдаемые данные – предположение – альтернативные гипотезы – проверка – решение – рефлексия». Культурное обобщение получает статус предварительной гипотезы, которая сопоставляется с конкурирующими культурными и некультурными объяснениями и проходит различающую проверку, прежде чем использоваться как достаточное основание для дорогостоящего или труднообратимого PR-решения. Модель реализуется через аудит профиля аудитории, языковую калибровку степени уверенности (cautious language), кейс-анализ и функциональную ролевую игру «Совещание по проверке профиля». Оценивание охватывает разделение данных и интерпретаций,*

альтернативность, качество проверки, калибровку уверенности, остаточную неопределённость и обоснование профессионального действия. Модель рассматривается как теоретически обоснованная педагогическая рамка; её эмпирическая апробация составляет следующий этап исследования.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, межкультурная компетентность, связи с общественностью, культурный стереотип, культурное обобщение, проверяемая гипотеза, профессиональная коммуникация, ролевая игра, анализ аудитории.

Рецензент: Кузьменко Наталья Ивановна, к.п.н., доцент ВАК.
ГБПОУ "Магнитогорский педагогический колледж"

Введение

Интенсификация международных контактов, развитие цифровых платформ и работа организаций с культурно неоднородными аудиториями повышают требования к профессиональной подготовке специалистов в области рекламы и связей с общественностью. PR-специалисту необходимо не только владеть иностранным языком, но и интерпретировать неоднозначные реакции партнёров, анализировать аудитории, локализовать сообщения и принимать решения при неполной информации. В таких задачах ошибка интерпретации способна влиять на тон коммуникации, выбор канала, содержание кампании, способ обратной связи и распределение бюджета.

В отечественной педагогической литературе межкультурная и кросс-культурная компетентность всё чаще рассматривается как элемент профессиональной подготовки. С. Н. Саможенов и И. В. Матвеева подчёркивают необходимость интерактивных и опытно-ориентированных форм обучения и одновременно отмечают риск упрощения и стереотипизации при экспликации культурных норм [1]. Л. С. Кравчук и К. О. Пузанова на материале профессионально значимых ситуаций показывают, что принадлежность человека к национальной или культурной группе сама по себе не обеспечивает надёжного прогноза поведения: значимость культурного признака зависит от контекста, ролей и других социальных характеристик [2, с. 165]. О. А. Задорова и Л. А. Милованова связывают оценивание профессиональной межкультурной коммуникации не только со знанием, но и с реальным применением стратегий в ролевом взаимодействии [3, с. 7–10].

При этом преподавание межкультурной коммуникации содержит устойчивое методическое противоречие. С одной стороны, студенту необходимы понятия, модели и культурные категории, позволяющие замечать потенциально значимые различия. С другой стороны, некритичное применение этих категорий превращает групповую тенденцию в готовое объяснение конкретного человека. Утверждение о высокой контекстности, большой дистанции власти или коллективистской ориентации определённой группы не устанавливает автоматически причину молчания партнёра,

непрямого ответа, отказа от публичной критики или конкретного потребительского выбора.

Современные исследования показывают, что проблема не снимается одним запретом на стереотипы. В образовательной практике студенты могут одновременно воспроизводить эссенциалистские и неэссенциалистские способы объяснения [4]. В исследовании преподавателей иностранных языков одного китайского университета также выявлены эссенциалистские способы интерпретации межкультурного образования наряду с возможностями более контекстного анализа [5]. Особенно важен предложенный A. Frame и D. Bousquet многокурсный подход: обучение может последовательно признавать существование групповых закономерностей, критиковать их эссенциалистское перенесение на индивида и затем рассматривать культурные представления как контекстно используемые дискурсивные ресурсы [6].

Для PR-подготовки эта проблема имеет дополнительное профессиональное измерение. В intercultural public relations идентификация стратегических аудиторий, управление отношениями и конфликтами требуют учитывать одновременно индивидуальные, организационные и общественно-культурные уровни [7]. Кроме того, культурно маркированное коммуникационное решение может проверяться с позиции самой аудитории. Индекс Culture-Ladenness Fit позволяет оценивать воспринимаемое соответствие культурного содержания категории продукта, целевым потребителям, образу бренда и образу его стратегических партнёров [8]. В предлагаемой PR-модели этот индекс рассматривается не как универсальный инструмент для любых publics, а как пример проверки культурно маркированного решения на стороне целевой аудитории. Следовательно, будущему PR-специалисту необходима не только культурная осведомлённость, но и воспроизводимая процедура проверки основания профессионального решения.

Цель исследования состоит в разработке и теоретическом обосновании практико-ориентированной модели обучения межкультурной коммуникации студентов направления «Реклама и связи с общественностью», в которой культурное обобщение переводится из статуса готового объяснения в статус проверяемой рабочей гипотезы.

Для достижения цели решаются следующие задачи: определить теоретические и профессиональные требования к модели; разграничить наблюдаемые данные, предположение и проверяемую гипотезу; представить последовательность действий обучающегося при анализе профессиональной межкультурной ситуации; показать способы реализации модели в анализе аудитории и функциональном role-play; предложить наблюдаемые критерии оценивания; определить границы заявляемой новизны и дизайн последующей эмпирической апробации.

Научная новизна работы не связывается ни с самой критикой культурного эссенциализма, ни с тезисом о допустимости культурных моделей как эвристических ориентиров. Новизна состоит в их процедурной интеграции применительно к PR-подготовке: предложена единая последовательность «данные → предположение → конкурирующие культурные и некультурные гипотезы → практическая проверка → профессиональное решение при остаточной неопределённости → рефлексия», связанная с функциональными ролями командной работы и с критериями, позволяющими оценивать не декларативное знание о культуре, а основание конкретного профессионального вывода.

Теоретические основания модели

Первая группа оснований относится к пониманию межкультурной компетентности как динамического процесса. В модели М. Byram межкультурная коммуникативная компетентность включает установки открытости, знания о социальных группах и процессах взаимодействия, навыки интерпретации и соотнесения, способность приобретать новые знания в коммуникации и критическое культурное осознание [9]. Практические рекомендации М. Byram, В. Gribkova и Н. Starkey рассматривают межкультурное измерение как системное расширение языкового обучения, а не как передачу набора сведений о «чужой культуре» [10]. Процессуальная модель D. Deardorff связывает развитие компетентности с уважением, открытостью, любознательностью, наблюдением, анализом, интерпретацией, гибкостью и изменением рамки восприятия [11]. В методике Story Circles эта логика поддерживается внимательным слушанием, взаимодействием и рефлексией [12]. А. J. Liddicoat и А. Scarino также связывают межкультурное обучение с активным конструированием смысла, взаимодействием и рефлексией [13].

Вторая группа оснований касается статуса культурного обобщения. S. Ting-Toomey и Т. Dorjee разводят «reasonable generalizations» и стереотипы: исследовательски обоснованное обобщение должно оставаться открытым, предварительным и пересматриваемым, тогда как стереотип является закрытой категоричной схемой, часто основанной на слабых данных [14, р. 13]. В той же работе культурный уровень последовательно дополняется личностными и ситуативными факторами; межкультурная компетентность оценивается через уместность, эффективность и адаптивность [14]. Н. Spencer-Oatey и Р. Franklin подчёркивают опасность over-generalization, stereotyping и excessive essentialism и рассматривают культурное влияние как значимое, но не детерминирующее индивидуальное поведение [15].

Критическое основание особенно явно представлено у А. Holliday. В статье «Small Cultures» показано, как исходная озабоченность национально-культурным различием может перейти в поиск подтверждающих деталей, объяснение поведения через предполагаемую культурную сущность, натурализацию различий и Othering [16, p. 246]. Концепция small cultures смещает внимание к динамическим локальным группировкам и взаимодействиям, а не к автоматическому объяснению через национальную категорию [16]. В книге «Intercultural Communication and Ideology» эссенциализм связывается с превращением культурного стереотипа в «сущность» человека и противопоставляется признанию сложности и альтернативных интерпретаций [17]. Современная работа А. Frame и D. Bousquet подтверждает, что продуктивная педагогическая позиция не требует выбирать между полным отказом от групповых закономерностей и их некритическим применением: необходимо удерживать различие между уровнем групповой регулярности и конкретным межличностным событием [6].

Отсюда следует ограниченная, но сохраняющаяся дидактическая функция классических культурных моделей. Подходы Е. Т. Hall и G. Hofstede могут использоваться как источники вопросов о возможных групповых тенденциях [18–19], а модель М. Bennett — как рамка для движения от этноцентричных интерпретаций к более сложному восприятию культурных различий [20]. Однако эти модели не должны выполнять функцию автоматического прогнозирования индивидуального поведения. Zhu Hua прямо рассматривает культурные таксономии как возможную отправную точку для формулирования гипотез при обязательном учёте множественных культурных принадлежностей, контекста и ограничений категориального анализа [21]. К. Bührig и J. D. ten Thije показывают необходимость различать межкультурные и институциональные источники коммуникативного затруднения [22], а J. Jackson связывает анализ культуры с множественными идентичностями, языком, контекстом и властью [23].

Третья группа оснований связана с профессиональным действием. В PR культурное знание должно быть связано с идентификацией конкретных publics, управлением отношениями и конфликтами, а не существовать как автономная страноведческая информация [7]. К. Sriramesh указывает на необходимость интегрировать мультикультурное измерение в профессиональные дисциплины PR, включая writing, campaigns и strategies [24]. С. Kamau, рассматривая cultural knowledge как ресурс impression management, связывает аудит восприятия с выбором стратегии и её корректировкой с учётом культуры организации, общества и индивидуальных характеристик аудитории [25]. В этой логике проверка реакции самой аудитории, подобная Culture-Ladenness Fit [8], даёт дополнительную эмпирическую опору для

решения и позволяет проверить экспертное предположение о том, что культурный элемент «должен сработать».

Материалы и методы

Работа имеет теоретико-методический дизайн и относится к педагогическому моделированию. Используются анализ научной и учебно-методической литературы, сравнительный анализ концепций межкультурной компетентности, критический анализ способов применения культурных категорий, педагогическое моделирование и проектирование профессионально ориентированных учебных ситуаций. Литературный корпус включает 27 источников и формировался целенаправленно по пяти функциональным блокам: модели межкультурной компетентности; антиэссенциалистские и контекстные подходы; профессиональная литература по PR и маркетинговой коммуникации; исследования experiential learning и оценивания; современные российские работы о профессиональной межкультурной подготовке. Анализ не заявляется как систематический обзор: его задача — вывести проектные требования к модели и проверить теоретическую согласованность её элементов.

Модель разработана применительно к дисциплине Б1.В.06 «Коммуникации в международной деятельности» (модель курса Intercultural Communication: профессиональная и межкультурная коммуникация в PR) для студентов третьего курса направления 42.03.01 «Реклама и связи с общественностью», профиль «PR и управление бизнесом». В качестве профессионального контекста используются анализ целевой аудитории, подготовка audience profile, деловая переписка, интерпретация обратной связи, взаимодействие с зарубежным партнёром, локализация сообщения, оценка коммуникативного риска и выбор стратегии кампании.

Педагогическое моделирование проводилось в три этапа. На первом этапе теоретические положения переводились в требования к наблюдаемому учебному действию. На втором этапе требования сопоставлялись с PR-контуром: необходимостью принимать решение при неполной информации, учитывать репутационный и финансовый риск, стоимость дополнительной проверки и обратимость действия. На третьем этапе требования были операционализированы в шестиступенчатый цикл, функциональную ролевую игру и систему критериев с наблюдаемыми показателями, служащую содержательной основой для последующей разработки аналитической рубрики. Каждый этап цикла должен завершаться продуктом действия студента, который может быть предъявлен, обсуждён и оценён.

Для краткого обозначения модели далее используется мнемоническая формула EAVDR (Evidence – Assumption & Alternatives – Verification – Decision – Reflection). Буква А обозначает единый аналитический макроэтап, включающий две последовательные

операции: выявление исходного предположения (Assumption) и построение альтернативных гипотез (Alternative hypotheses). Таким образом, EAVDR является пятиэлементным названием шестиступенчатой операциональной процедуры и не сокращает число действий студента.

Таблица 1

Проектные требования к практико-ориентированной модели

Теоретическое / профессиональное основание	Проектное требование	Операционализация в обучении
ICC как процесс интерпретации, взаимодействия и рефлексии [9–13]	Вывод должен быть пересматриваемым, а не финальным «знанием о культуре»	Возврат к исходной интерпретации после появления новых данных
Групповая закономерность не равна индивидуальному прогнозу [2; 6; 14–17]	Культурное обобщение не может быть достаточным доказательством причины поведения	Разделение evidence и assumption; вероятностная формулировка
Множественные идентичности, контекст и институциональные факторы [14–15; 21–23]	Нужно строить конкурирующие культурные и некультурные объяснения	Обязательная alternative hypothesis для значимого утверждения
PR-решение принимается при неполной информации [7–8; 24–25]	Анализ должен завершаться действием, соразмерным данным, риску и обратимости	Verification plan + provisional decision + residual uncertainty
Компетентность требует наблюдаемого действия и сочетания методов оценки [3; 11; 26]	Нельзя оценивать только знание терминов или самоотчёт	Кейс, функциональный role-play и система критериев с наблюдаемыми показателями

В качестве основной единицы обучения рассматривается не культурная характеристика как таковая, а ситуация принятия коммуникативного решения при неполноте информации. Студент должен последовательно: выделить доступные данные; выявить собственное предположение; предложить по меньшей мере одно конкурирующее объяснение; определить способ получения данных, способных различить гипотезы; выбрать временное профессиональное действие; зафиксировать остаточную неопределённость; пересмотреть решение после появления новой информации.

При разработке системы оценивания учитывался деятельностный характер межкультурной компетентности. D. Deardorff подчёркивает целесообразность сочетания количественных и качественных способов оценки и не сводит ICC к одному самоотчётному тесту [11]. О. А. Задорова и Л. А. Милованова предлагают оценивать прагматический компонент посредством тестирования и ролевой игры, обращая внимание на выполнение коммуникативной задачи, гибкость, культурный контекст и

индивидуальные особенности собеседника [3, с. 8–10]. Поэтому в предлагаемой модели основным объектом оценивания выступает не декларативная позиция студента, а последовательность его решений в кейсе.

Результаты педагогического моделирования

Результатом моделирования стал шестиступенчатый цикл анализа профессиональной межкультурной ситуации: наблюдаемые данные (Evidence) → предположение (Assumption) → альтернативные гипотезы (Alternative hypotheses) → проверка (Verification) → решение (Decision) → рефлексия (Reflection). В рамках EAVDR две аналитические операции — Assumption и Alternative hypotheses — образуют общий А-макроэтап. Центральное изменение касается статуса культурного знания: культурная модель рассматривается как один из источников возможных объяснений, но не как достаточное доказательство причины поведения конкретного участника или реакции конкретной аудитории.

Разграничение evidence, assumption и hypothesis

Первой операцией является отделение того, что непосредственно задано ситуацией, от того, что аналитик достраивает. Например, утверждение «партнёр не ответил на два письма в течение пяти рабочих дней» относится к наблюдаемым данным. Формулировка «партнёр пытается отказать, не произнося прямого “нет”» является интерпретацией. Указание национальности партнёра также является данными о принадлежности, но не данными о причине его конкретного действия.

Культурный стереотип в рамках модели определяется как закрытое категориальное обобщение, перенесённое на конкретного человека без достаточной проверки: *“Representatives of this culture avoid direct disagreement”*. Культурное предположение получает вероятностный статус: *“The lack of reply may be connected with a preference for less direct disagreement”*. Проверяемая коммуникативная гипотеза дополнительно содержит конкурирующие объяснения: *“One possible explanation for the lack of reply is a preference for less direct disagreement; however, it may also be influenced by organisational hierarchy, limited authority, workload or the current stage of negotiations.”* Различающая проверка должна задавать наблюдаемый результат, способный изменить сравнительную оценку гипотез. Например, можно уточнить, требуется ли внутреннее согласование, кто уполномочен ответить и когда ожидается решение. Подтверждение конкретной незавершённой процедуры поддержит организационное объяснение; сообщение о том, что согласование не требуется, ослабит его, но само по себе ещё не докажет культурно обусловленный не прямой отказ. Такое разведение соответствует

различию между tentative, revisable generalization и категоричным stereotype у S. Ting-Toomey и T. Dorjee [14, p. 13].

Альтернативные гипотезы принципиально не ограничиваются культурой. В анализ включаются организационные правила, профессиональные роли, статус и полномочия, язык взаимодействия, личный опыт, текущая задача, канал коммуникации, временные ограничения и другие ситуативные факторы [2; 14–15; 21–23]. Тем самым антиэссенциалистская установка преобразуется в позитивное действие: студент не просто отвергает стереотип, а должен построить более сильный набор объяснений.

Операциональный цикл анализа

Таблица 2

Операциональный цикл анализа межкультурной профессиональной ситуации

Этап	Основной вопрос	Действие студента	Профессиональный результат
1. Evidence	What do we actually know?	Выделяет наблюдаемые данные и источник информации	Фактическая основа анализа
2. Assumption	What are we assuming?	Отделяет интерпретации и культурные обобщения от данных	Явные предпосылки
3. Alternative hypotheses	What else could explain it?	Формулирует культурные и некультурные конкурирующие объяснения	Снижение преждевременной категоризации
4. Verification	What evidence would distinguish them?	Выбирает способ получения данных, способных поддержать или ослабить гипотезы	План различающей проверки
5. Decision	What should we do now?	Выбирает действие с учётом цели, риска, стоимости проверки и обратимости	Временное PR-решение
6. Reflection	What should be retained or revised after new evidence?	Повторно оценивает исходную интерпретацию, сохраняет или пересматривает её и фиксирует остаточную неопределённость	Актуализированная рабочая модель ситуации

Под verification понимается не доказательство гипотезы в строгом научно-философском смысле, а практическое получение дополнительных данных, которые могут усилить, ослабить или сделать нерабочим исходное объяснение. Поэтому проверка не должна быть устроена как поиск подтверждения уже выбранной версии.

Предпочтительна различающая проверка: вопрос, наблюдение, дополнительный источник или пилот должны давать шанс конкурирующей гипотезе оказаться более объяснительной.

В PR-задачах проверка может включать уточняющий вопрос партнёру, анализ истории переписки и фактических коммуникационных данных, консультацию локального специалиста, анализ сегментов аудитории, пилотирование двух вариантов сообщения или непосредственную оценку культурно маркированного содержания целевой аудиторией. Culture-Ladenness Fit демонстрирует принцип потребительской проверки по четырём измерениям соответствия — продукту, целевому потребителю, образу бренда и стратегическим партнёрам [8].

Cautious language как маркировка эпистемической уверенности

При обучении на английском языке степень уверенности закрепляется языковыми средствами. Категоричные конструкции *“They always...”, “People from this culture are...”, “This means that...”* заменяются формулировками *“may”, “might”, “tend to”, “may indicate”, “one possible explanation is”, “the available evidence suggests”, “this assumption needs to be verified”*. J. N. Martin и T. K. Nakayama прямо рекомендуют при описании культурных групп использовать tentative wording — например, *“generally”, “many times”, “it seems to me”, “in my experience”* — вместо неквалифицированных обобщений [27, p. 63]. У S. Ting-Toomey и T. Dorjee язык reasonable generalization также характеризуется как open-ended, tentative и подлежащий пересмотру [14, p. 13].

Однако cautious language не является самостоятельным показателем компетентности. Механическая замена always на may при сохранении единственного культурного объяснения не повышает качество анализа. Языковая калибровка оценивается только вместе с источником данных, наличием альтернатив, способом проверки и готовностью пересмотреть позицию.

Аудит профиля зарубежной аудитории

Одним из базовых заданий становится аудит предварительного audience profile. Студенты получают документ, который выглядит профессионально и уверенно, но смешивает разные уровни надёжности: факты из client brief, результаты предыдущей кампании, выводы из литературы и неподтверждённые предположения. Типичные формулировки могут звучать как *“the audience prefers indirect messages”, “relationship-building comes before task”, “junior staff avoid open disagreement”, “decisions follow seniority”, “short-form creator content should perform best”*.

Задача состоит не в немедленном признании утверждений истинными или ложными. Студент должен установить, что именно является evidence, что — assumption, какой профессиональный риск создаёт ошибочная уверенность и что необходимо проверить до расходования бюджета. Такой формат переносит объект критического

анализа с «чужой культуры» на качество информации, лежащей в основе командного решения.

Функциональная ролевая игра «Совещание по проверке профиля»

Центральным практическим элементом модели является The Profile Review Meeting — внутреннее совещание PR-команды перед запуском проекта. Команда уже подготовила убедительный профиль зарубежной аудитории и должна пересмотреть его до того, как неподтверждённые положения станут основанием дорогостоящих действий. Роли являются не национальными и не психологическими, а функциональными профессиональными позициями.

Profile Author защищает исходный профиль и объясняет источник каждого значимого утверждения. Skeptic / Verifier системно задаёт вопрос “Is this evidence or an assumption?” и уточняет, что считалось бы достаточной проверкой. Researcher / Alternative Builder формулирует по меньшей мере одно конкурирующее культурное или некультурное объяснение и предлагает различающий способ проверки. Project Lead управляет обсуждением, принимает временное решение — сохранить, смягчить, проверить или исключить утверждение — и в конце обязан назвать остаточную неопределённость, которая всё ещё влияет на риск.

Такая организация принципиально отличается от role-play, в котором участники изображают «представителей культур». Она распределяет речевые обязанности, заставляет защищать исходную позицию до предъявления достаточных оснований для её пересмотра и превращает сомнение в рабочую исследовательскую процедуру. Это соответствует подходу О. А. Задоровой и Л. А. Миловановой, где скрытые карточки ролей создают элемент непредсказуемости, а качество взаимодействия оценивается по выполнению задачи, гибкости и реакции на собеседника [3, с. 10].

От анализа к профессиональному решению

Формулировка “*There is not enough information*” не является завершением задания. В реальной PR-деятельности неопределённость не отменяет необходимости действовать. Студент должен выбрать действие, соответствующее текущей уверенности и цене ошибки: запросить уточнение; подготовить две версии сообщения для пилотирования; обратиться к локальному партнёру; временно использовать более нейтральную формулировку; отложить необратимый дорогостоящий элемент кампании; либо принять малорисковое обратимое решение с явной оговоркой о том, что оно будет пересмотрено после получения новых данных. Непроверенное культурное объяснение может направлять сбор данных или выбор малорискового пилота, но не должно выступать достаточным основанием для дорогостоящего или труднообратимого PR-решения.

Таким образом, профессиональная компетентность проявляется не в демонстрации полной уверенности, а в согласовании силы решения с качеством доказательств. Важным учебным продуктом становится residual uncertainty statement — краткое указание на то, что команда всё ещё не знает и при каком новом свидетельстве решение должно измениться.

Критерии оценивания

Если целью обучения является работа с культурной неопределённостью, контроль воспроизведения терминов недостаточен. В предлагаемой модели оцениваются наблюдаемые операции, которые студент выполняет в кейсе и ролевом взаимодействии. Такая логика согласуется с процессуальной трактовкой ICC у D. Deardorff [11], с прагматическим критерием и role-play у О. А. Задоровой и Л. А. Миловановой [3] и с experiential форматами, включающими аутентичные сценарии, симуляции, ролевые игры и рефлекссию [26]

Таблица 3

Критерии оценивания профессионального межкультурного анализа

Критерий	Наблюдаемый показатель
Разделение данных и интерпретаций	Корректно выделяет сведения кейса, их источник и собственные выводы
Выявление предположений	Обнаруживает скрытые предпосылки, включая культурные обобщения
Гипотетичность	Формулирует вероятностное, потенциально опровержимое объяснение вместо категоричного свойства группы
Альтернативность	Предлагает реалистичные культурные и некультурные конкурирующие объяснения
Качество проверки	Предлагает практический способ получения данных, способных различить гипотезы, а не только подтвердить исходную
Калибровка уверенности	Соразмеряет язык и силу вывода с качеством данных; cautious wording подкреплено содержательным основанием
Обоснованность решения	Связывает действие с профессиональной целью, доступными данными, риском, стоимостью проверки и обратимостью
Работа с остаточной неопределённостью	Явно фиксирует, что остаётся неизвестным и какое новое свидетельство потребует пересмотра решения
Рефлексивность	Повторно оценивает исходный вывод после получения новых данных; обосновывает его сохранение, уточнение или изменение и указывает, какие сведения повлияли на решение

Категоричное национально-культурное утверждение, не подтверждённое данными конкретной ситуации, рассматривается не только как этически нежелательная

стереотипизация, но и как ошибка профессионального анализа: оно необоснованно повышает уверенность и может привести к неверному выбору действия.

Обсуждение

Предлагаемая модель уточняет место антиэссенциалистского подхода в профессиональном обучении. A. Frame и D. Bousquet предлагают последовательно знакомить обучающихся с групповыми регулярностями, критикой эссенциализма и критическим пониманием культурных представлений как контекстных конструкций [6]. Разработанный цикл не конкурирует с этой логикой, а добавляет к ней прикладной PR-механизм: каждое существенное культурное утверждение должно получить статус предположения, встретиться с альтернативой и пройти различающую проверку, прежде чем использоваться как достаточное основание для дорогостоящего или труднообратимого решения. До такой проверки гипотеза может направлять сбор данных или выбор малорискового обратимого пилота. Тем самым критика стереотипизации связывается не только с мировоззренческой позицией, но и с процедурой управления профессиональным риском.

Особенно важно, что сходная логика обнаруживается в современной российской профессионально ориентированной литературе. Л. С. Кравчук и К. О. Пузанова показывают на конкретных ситуациях, что знание культурного происхождения человека может быть значимым, незначимым или значимым только в сочетании с другой информацией; односторонняя типизация по национальной, этнической или религиозной принадлежности недостаточна для решения сложной профессиональной задачи [2, с. 165]. В предлагаемой модели этот тезис переводится в обязательную операцию: студент должен назвать не только культурное объяснение, но и признаки, которые сделали бы его релевантным именно в рассматриваемой ситуации.

Второй результат связан с профессионализацией проверки. В учебной межкультурной коммуникации часто достаточно обсудить несколько интерпретаций; в PR этого недостаточно, потому что команда должна решить, какой вариант сообщения, канала или локализации использовать. Ni, Wang и Sha связывают intercultural public relations с многоуровневым анализом publics, отношениями и конфликтами [7], а Bartikowski, Richard и Gierl демонстрируют возможность операционализировать воспринимаемое культурное соответствие коммуникации на стороне потребителя [8]. Поэтому verification в предлагаемом цикле является не факультативным «дополнительным исследованием», а переходным механизмом между культурной интерпретацией и действием.

Третий результат — интеграция языкового и предметного обучения. Cautious language используется не как отдельная грамматическая тема, а как маркировка

эпистемического статуса высказывания. Рекомендация использовать tentative wording при описании культурных групп [27] и различие reasonable generalization / stereotype [14] дают этому элементу теоретическое основание. Однако языковая осторожность намеренно не приравнивается к компетентности: студент получает высокий результат только тогда, когда осторожная форма отражает реальную работу с данными и альтернативами.

Четвёртый результат касается role-play. Эмпирическое исследование А. Н. Wibowo и соавт. показывает перспективность experiential learning, включающего аутентичные сценарии, ролевые игры, симуляции и рефлексии для развития ICC [26]. При этом сама ролевая форма не определяет качество обучения. В предлагаемом дизайне образовательная нагрузка сосредоточена в функциональных обязанностях ролей: один участник защищает вывод, другой проверяет основание, третий строит альтернативы и проверку, четвёртый принимает временное решение. Этот принцип согласуется с отечественным подходом к оценке прагматического компонента через ролевое взаимодействие [3].

Пятое преимущество модели — возможность оценивать ход рассуждения, а не только финальный «правильный ответ». Это важно для межкультурных задач, где одинаковое действие иногда может быть обосновано разными качественными путями, а один и тот же культурный факт — иметь разную релевантность в разных ситуациях. Поэтому предложенная система критериев и наблюдаемых показателей фиксирует переходы между данными, гипотезами, проверкой и решением и создаёт содержательную основу для последующей разработки аналитической рубрики и сопоставления входных и итоговых учебных продуктов.

Ограничения и перспективы эмпирической апробации

Главное ограничение исследования состоит в том, что представленная работа описывает теоретически обоснованную и методически операционализированную модель, но не доказывает её педагогическую эффективность. На данном этапе не установлены величина учебного эффекта, надёжность будущего оценочного инструмента и межэкспертная согласованность его применения, устойчивость переноса сформированного способа анализа из учебного кейса в реальную профессиональную коммуникацию и применимость модели за пределами PR-подготовки.

Кроме того, процедурный фокус не должен превращать critical interculturality в технику «правильного сомнения». Учебные ситуации должны содержать реальные организационные, языковые, статусные и властные факторы; культурные объяснения не следует автоматически понижать в статусе только потому, что они культурные.

Задача — не заменить cultural determinism на cultural irrelevance, а научить устанавливать, когда культурный фактор действительно имеет объяснительную и практическую ценность.

На следующем этапе предполагается апробация модели в дисциплине Б1.В.06 «Коммуникации в международной деятельности» для студентов направления «Реклама и связи с общественностью». Планируется сопоставление входного и итогового профессионально ориентированных кейсов. Основными показателями будут точность разделения данных и интерпретаций, качество конкурирующих гипотез, способность предложить различающую проверку, калибровка уверенности, фиксация остаточной неопределённости и обоснованность PR-решения. Самоотчётные шкалы могут использоваться как дополнительный источник данных, однако с учётом рекомендаций по многометодной оценке ICC [11] основное внимание целесообразно уделить прямым учебным продуктам и наблюдаемым действиям.

Для повышения надёжности предполагается разработка единой уровневой аналитической рубрики на основе предложенной системы критериев, предварительная калибровка экспертов и независимое кодирование части работ двумя оценщиками с последующей оценкой межэкспертной согласованности. Дополнительно возможно отсроченное задание на перенос, в котором меняются страна, отрасль и тип профессиональной проблемы, чтобы проверить, сформировалась ли переносимая процедура рассуждения, а не запоминание конкретного кейса.

Заключение

Межкультурная компетентность будущего PR-специалиста не может быть сведена к знанию набора характеристик национальных культур. В профессиональной коммуникации культурные, организационные, статусные, личностные и ситуативные факторы действуют одновременно; поэтому культурная принадлежность является потенциально значимым, но не самодостаточным источником объяснения поведения.

Предложенная модель переводит культурное обобщение из режима уверенного профиля в режим проверяемого профессионального предположения. Шестиступенчатый цикл «наблюдаемые данные → предположение → альтернативные гипотезы → проверка → решение → рефлексия», обозначаемый в работе формулой EAVDR, задаёт повторяемую структуру работы с неопределённостью; при этом А-макроэтап объединяет выявление предположения и построение альтернатив. Его научно-методическое значение заключается не в новой критике стереотипизации, а в связывании антиэссенциалистского принципа, конкурирующих объяснений, аудитории как источника проверки и профессионального решения в одной наблюдаемой процедуре.

Практическая реализация через аудит audience profile, cautious language и The Profile Review Meeting позволяет соединить теорию межкультурной коммуникации с реальными задачами PR-команды. Предложенная система критериев фиксирует не только итоговую позицию студента, но и качество переходов от данных к гипотезе и от проверки к действию. До завершения эмпирической апробации модель следует рассматривать как теоретически обоснованную педагогическую рамку и инструмент проектирования учебных действий, а не как доказанно эффективную технологию.

References

1. Саможенов, С. Н. Кросс-культурная компетентность как элемент профессиональной подготовки специалистов в области иностранных языков / С. Н. Саможенов, И. В. Матвеева // Развитие образования. – 2024. – Т. 7, № 1. – С. 77–84. – DOI 10.31483/r-110085. – EDN RDJNGT.
2. Кравчук, Л. С. Владение межкультурной коммуникацией как готовность к успешному профессиональному взаимодействию / Л. С. Кравчук, К. О. Пузанова // Психология и педагогика служебной деятельности. – 2025. – № 3. – С. 163–167. – DOI 10.24412/2658-638X-2025-3-163-167. – EDN OPDRXN.
3. Задорова, О. А. Оценка уровня сформированности у студентов речеповеденческих стратегий профессиональной межкультурной коммуникации / О. А. Задорова, Л. А. Милованова // Непрерывное образование: XXI век. – 2025. – Т. 13, № 3. – DOI 10.15393/j5.art.2025.10868.
4. Kokkonen, L. Overcoming Essentialism? Students' Reflections on Learning Intercultural Communication Online / L. Kokkonen, R. Jager, A. Frame, M. Raappana // Education Sciences. – 2022. – Vol. 12, No. 9. – Art. 579. – DOI 10.3390/educsci12090579.
5. Lu, B. Challenges and opportunities in implementing intercultural education in higher education: the perceptions and practice of foreign language teachers in a Chinese university / B. Lu, X. Shao, L. Ge, J. Wu // Language and Intercultural Communication. – 2026. – Vol. 26, No. 1. – P. 87–103. – DOI 10.1080/14708477.2024.2425972.
6. Frame, A. Challenging the Dichotomy of (Anti)-Essentialism: A Multi-Perspective Critical Approach to Teaching Interculturality / A. Frame, D. Bousquet // The Routledge Handbook of Critical Interculturality in Communication and Education / ed. by F. Dervin. – Abingdon ; New York : Routledge, 2025. – P. 347–361. – DOI 10.4324/9781003513940-28.
7. Ni, L. Intercultural Public Relations: Theories for Managing Relationships and Conflicts with Strategic Publics / L. Ni, Q. Wang, B.-L. Sha. – New York ; London : Routledge, 2018.

8. Bartikowski, B. Fit or misfit of culture in marketing communication? Development of the culture-ladenness fit index / B. Bartikowski, M.-O. Richard, H. Gierl // Journal of Business Research. – 2023. – Vol. 167. – Art. 114191. – DOI 10.1016/j.jbusres.2023.114191.
9. Byram, M. Teaching and Assessing Intercultural Communicative Competence: Revisited / M. Byram. – 2nd ed. – Bristol : Multilingual Matters, 2021. – DOI 10.21832/9781800410251.
10. Byram, M. Developing the Intercultural Dimension in Language Teaching: A Practical Introduction for Teachers / M. Byram, B. Gribkova, H. Starkey. – Strasbourg : Council of Europe, 2002.
11. Deardorff, D. K. Identification and Assessment of Intercultural Competence as a Student Outcome of Internationalization / D. K. Deardorff // Journal of Studies in International Education. – 2006. – Vol. 10, No. 3. – P. 241–266. – DOI 10.1177/1028315306287002.
12. Deardorff, D. K. Manual for Developing Intercultural Competencies: Story Circles / D. K. Deardorff. – Paris : UNESCO ; Abingdon : Routledge, 2020.
13. Liddicoat, A. J. Intercultural Language Teaching and Learning / A. J. Liddicoat, A. Scarino. – Chichester : Wiley-Blackwell, 2013. – DOI 10.1002/9781118482070.
14. Ting-Toomey, S. Communicating Across Cultures / S. Ting-Toomey, T. Dorjee. – 2nd ed. – New York ; London : The Guilford Press, 2018.
15. Spencer-Oatey, H. Intercultural Interaction: A Multidisciplinary Approach to Intercultural Communication / H. Spencer-Oatey, P. Franklin. – London : Palgrave Macmillan, 2009. – DOI 10.1057/9780230244511.
16. Holliday, A. Small Cultures / A. Holliday // Applied Linguistics. – 1999. – Vol. 20, No. 2. – P. 237–264. – DOI 10.1093/applin/20.2.237.
17. Holliday, A. Intercultural Communication and Ideology / A. Holliday. – London : SAGE Publications, 2011.
18. Hall, E. T. Beyond Culture / E. T. Hall. – Garden City, NY : Anchor Press/Doubleday, 1976.
19. Hofstede, G. Cultures and Organizations: Software of the Mind / G. Hofstede, G. J. Hofstede, M. Minkov. – 3rd ed. – New York : McGraw-Hill, 2010.
20. Bennett, M. J. Towards Ethnorelativism: A Developmental Model of Intercultural Sensitivity / M. J. Bennett // Education for the Intercultural Experience / ed. by R. M. Paige. – 2nd ed. – Yarmouth, ME : Intercultural Press, 1993. – P. 21–71.
21. Zhu, H. Exploring Intercultural Communication: Language in Action / H. Zhu. – London ; New York : Routledge, 2014.

22. Beyond Misunderstanding: Linguistic Analyses of Intercultural Communication / ed. by K. Bührig, J. D. ten Thije. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2006.
23. Jackson, J. Introducing Language and Intercultural Communication / J. Jackson. – London ; New York : Routledge, 2014.
24. Sriramesh, K. Epilogue: The Missing Link: Multiculturalism and Public Relations Education / K. Sriramesh // The Global Public Relations Handbook: Theory, Research, and Practice / ed. by K. Sriramesh, D. Verčič. – Mahwah, NJ : Lawrence Erlbaum Associates, 2003. – P. 505–522.
25. Kamau, C. Strategising Impression Management in Corporations: Cultural Knowledge as Capital / C. Kamau // Global Business: Concepts, Methodologies, Tools and Applications / ed. by Information Resources Management Association. – Hershey, PA : Business Science Reference, 2011. – P. 1707–1731. – DOI 10.4018/978-1-60960-587-2.ch609.
26. Wibowo, A. H. Designing and assessing experiential learning pedagogy for an intercultural communicative competence training module: a quasi-experimental study / A. H. Wibowo, B. Mohamad, Djatmika, R. Santosa // Frontiers in Education. – 2024. – Vol. 9. – Art. 1470209. – DOI 10.3389/feduc.2024.1470209.
27. Martin, J. N. Experiencing Intercultural Communication: An Introduction / J. N. Martin, T. K. Nakayama. – 4th ed. – New York : McGraw-Hill, 2011.

UDC 373.3+372.851

Trofimenko Yu.V., Tomina D.A. Methodological toolkit: organizing inquiry-based activities in mathematics lessons through the prism of historical context

Методический кейс: организация поисковой деятельности на уроках математики через
призму исторического контекста

Trofimenko Yulia Vladimirovna

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
of the Department of mathematics and physics A.P. Chekhov Taganrog Institute
Rostov State University of Economics (RINH), Taganrog

Tomina Darya Alekseevna

Master's student, Department of mathematics and physics,
A.P. Chekhov Taganrog Institute
Rostov State University of Economics (RINH), Taganrog

Трофименко Юлия Владимировна
Кандидат педагогических наук, доцент кафедры математики и физики,
Таганрогский институт имени А.П. Чехова
ФГБОУ ВО «Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)», г. Таганрог
Томина Дарья Алексеевна
магистрант кафедры математики и физики,
Таганрогский институт имени А.П. Чехова
ФГБОУ ВО «Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)», г. Таганрог

Abstract. The article presents a methodological case study outlining the practical aspects of organizing inquiry-based activities for primary school students during mathematics lessons, utilizing historical-mathematical material. The main types of search tasks are described, classified according to the types of information-related activity and the age groups of the learners. Specific examples of assignments for grades 1–4 are presented, relating to the history of numbers, ancient systems of measurement, calculation methods, and the biographies of scientists.

Keywords: inquiry-based activity, historical-mathematical material, methodological toolkit, primary school students, mathematics lesson, problem-based learning, information processing, primary school.

Аннотация. В статье представлен методический кейс, раскрывающий практические аспекты организации поисковой деятельности младших школьников на уроках математики с использованием историко-математического материала. Описаны основные виды поисковых заданий, классифицированных по типам информационной деятельности и возрастным группам обучающихся. Приведены конкретные примеры заданий для 1 – 4 классов, связанных с историей чисел, старинных мер измерения величин, способов вычислений и биографиями ученых.

Ключевые слова: поисковая деятельность, историко-математический материал, методический кейс, младшие школьники, урок математики, проблемное обучение, работа с информацией, начальная школа.

Рецензент: Кузьменко Наталья Ивановна, к.п.н., доцент ВАК.
ГБПОУ "Магнитогорский педагогический колледж"

Введение

В педагогической практике существует противоречие между признанием важности формирования информационной компетенции и недостаточной

разработанностью методического инструментария для ее развития средствами историко-математического материала. Многие учителя, как показывает анализ педагогического опыта [1; 4; 9; 17], испытывают трудности при включении исторических сведений в уроки математики, поскольку не имеют четкого представления о том, какие именно задания и в какой последовательности следует предлагать учащимся. По мнению Н.Н. Деменевой, О.В. Колесовой и С.К. Тивиковой, «работа с историческим материалом на уроках математики должна строиться как последовательное усложнение заданий от простого воспроизведения информации к ее поиску, анализу и преобразованию» [5, с. 162]. Данное положение указывает на необходимость разработки системы заданий, учитывающей возрастные особенности младших школьников и поэтапное формирование информационных умений.

Цель настоящей статьи – представить практический методический кейс организации поисковой деятельности младших школьников на уроках математики с использованием историко-математического материала.

Методы исследования

В исследовании использовались методы обобщения педагогического опыта, моделирования учебных заданий, систематизации методических приемов работы с историко-математическим материалом.

Обсуждение

Организация поисковой деятельности младших школьников с использованием историко-математического материала предполагает создание условий, в которых обучающиеся не просто получают готовую информацию, а самостоятельно или с помощью учителя находят, анализируют и применяют исторические сведения. Такой подход соответствует идеям проблемного обучения, которые активно внедряются в практику начального образования [2; 8; 10; 16].

Е.В. Пиленица в своем исследовании отмечает, что «технология проблемного обучения на уроках математики позволяет активизировать познавательную деятельность учащихся, развивает их мышление и формирует навыки самостоятельного поиска решения» [15, с. 76]. Применительно к использованию исторического материала это означает, что исторические сведения должны предъявляться не как готовая информация, а как материал для исследования, сравнения, обсуждения.

А.М. Магомедгаджиева, А.Ш. Бакмаев и Ш.С. Гаджиагаев подчеркивают, что «проблемно-поисковая деятельность является эффективным средством реализации межпредметных связей и формирования у учащихся целостной картины мира» [12, с. 169]. Это замечание особенно важно в контексте использования исторического

материала на уроках математики, поскольку исторические сведения естественным образом связывают математику с историей, культурой, развитием цивилизации.

На основе анализа методической литературы [3; 13; 18; 19; 20] и собственного практического опыта нами была разработана классификация поисковых заданий с историко-математическим содержанием, которая представлена в таблице 1.

Таблица 1

Классификация поисковых заданий с историко-математическим
содержанием для начальной школы

Тип задания	Характеристика	Примеры заданий	Класс
Репродуктивно-поисковые	Предполагают нахождение готовой информации в указанном источнике	Найти в тексте учебника, когда появились цифры; прочитать о старинных мерах длины	1 – 2
Аналитико-поисковые	Требуют сравнения, сопоставления информации из разных источников	Сравнить старинную и современную меры длины; найти сходства и различия в системах счисления	2 – 3
Проблемно-поисковые	Включают решение проблемы на основе исторической информации	Объяснить, почему в старину использовали именно такие меры; предложить свой способ записи чисел	3 – 4
Исследовательско-поисковые	Предполагают самостоятельный поиск информации и создание нового продукта	Подготовить сообщение об истории цифр; создать проект «Старинные меры в моей семье»	3 – 4
Интегративно-поисковые	Связывают математическую информацию с другими областями знаний	Составить задачу с использованием исторических данных; нарисовать иллюстрацию к историческому факту	2 – 4

Как показывает представленная классификация, сложность заданий возрастает от 1 к 4 классу. В первых классах преобладают задания репродуктивно-поискового типа, в которых ученики находят готовую информацию в тексте учебника или в короткой справке учителя. В старших классах начальной школы задания становятся более сложными, требуют анализа, сравнения, самостоятельного поиска информации в различных источниках.

Для иллюстрации практической реализации поисковых заданий с историко-математическим содержанием предлагается следующая структура занятий, которая может варьироваться в зависимости от темы и возраста обучающихся.

Первый этап: создание проблемной ситуации. Учитель предлагает учащимся исторический факт или задание, которое требует поиска дополнительной информации. Например, при изучении темы «Числа» в первом классе можно начать урок с вопроса: «А знаете ли вы, как люди научились считать?», что, по мнению О.А. Ивановой, «способствует возникновению у детей познавательного интереса и желания найти ответ» [11, с. 123].

Второй этап: организация поисковой деятельности. Учащиеся получают задание и источники информации (текст, иллюстрация, цифровой ресурс). Важно, чтобы задание было посильным, но требовало определенных усилий.

Третий этап: обсуждение результатов. Учащиеся представляют найденную информацию, обсуждают ее с одноклассниками. На этом этапе учитель помогает систематизировать полученные сведения, выделить главное.

Четвертый этап: применение полученной информации. Исторические сведения используются при выполнении математических заданий (решение задач, вычисления, построение схем).

Методическая содержательная линия

Рассмотрим конкретные примеры поисковых заданий для каждого класса начальной школы.

Задания для 1 класса. В первом классе основное внимание уделяется развитию интереса к истории математики и простейшим умениям находить информацию в тексте или на иллюстрации. Пример задания: «Рассмотри рисунки древних людей. Как они считали? Почему они использовали пальцы, камни, узелки?» Школьники рассматривают иллюстрации, находят информацию в тексте, который читает учитель или подготовленный для самостоятельного чтения. После обсуждения дети узнают, что счет возник из практической необходимости, что разные народы использовали разные предметы для счета.

По мнению О.А. Ивановой, «в первом классе важна эмоциональная составляющая: удивление, радость открытия, восхищение мудростью предков» [11, с. 124]. Поэтому задания должны быть яркими, образными, вызывать эмоциональный отклик. Например, рассказ о том, как древние люди использовали пальцы рук для счета, можно дополнить игровым заданием: «Покажи на пальцах число 5 так, как это делали древние египтяне».

Задания для 2 класса. Во втором классе задания усложняются: учащиеся не только находят информацию, но и сравнивают, сопоставляют ее с современными знаниями. Пример задания: «Узнай, какие меры длины использовали на Руси. Как они называются? Чему они равны в современных мерах?». Ученики работают с текстом (можно использовать фрагмент из книги или подготовленную учителем карточку), находят названия старинных мер (аршин, сажень, вершок, пядь), определяют их современное значение. Задание может быть выполнено в парах.

Как отмечает Петрова И.Н, «при работе с историческим материалом во втором классе важно показать детям, что математика – это не застывшая система знаний, а результат длительного развития, в котором заинтересованы разные народы» [14, с. 34].

Поэтому задания могут включать сравнение мер длины разных народов.

Пример задания на сравнение: «Узнай, какие меры длины использовали в Древнем Египте. Сравни их с русскими старинными мерами. Что общего? В чем различие?» Для выполнения задания учитель предлагает две короткие справки о русских и египетских мерах. Дети заполняют таблицу, где сравнивают меры.

Задания для 3 класса. В третьем классе поисковые задания становятся более разнообразными, включают работу с цифровыми ресурсами и предполагают элементы исследования. Пример задания: «Найди информацию о том, какие системы счисления существовали в древности. Какая система используется сейчас? Почему?» Обучающиеся могут работать с энциклопедиями, детскими познавательными сайтами (под контролем учителя), с подготовленными текстами. После поиска они готовят короткое сообщение для одноклассников. Ю.А. Дробышев и И.В. Дробышева в своих исследованиях указывают на то, что «цифровой контент историко-математического компонента обучения может быть представлен в виде интерактивных хроник, виртуальных музеев математики» [6, с. 48; 7]. Использование таких ресурсов в 3 – 4 классах позволяет организовать поисковую деятельность в современной цифровой среде.

Пример задания с использованием цифрового ресурса: «Познакомьтесь с виртуальной экспозицией древних счетных устройств. Какие из них вы узнали? Как они работали?» После знакомства с ресурсом обучающиеся выполняют задание: «Опиши одно из счетных устройств, которое тебе запомнилось, и расскажи, как с его помощью считали» (устно или в виде краткой записи).

Для 3 класса также актуальны задания, связанные с решением задач на основе исторических данных. Например, «В старину на Руси аршин равнялся 71 см. Сколько сантиметров в 3 аршинах? Сколько это метров и сантиметров?» Такие задания позволяют применить полученную историческую информацию при выполнении вычислительных операций.

Задания для 4 класса. В четвертом классе задания становятся комплексными, включают работу с различными источниками и создание собственного продукта. Пример задания (исследовательского типа): «Узнай, как считали в Древней Руси. Какие числа использовали? Как записывали числа?» Учащиеся работают с несколькими источниками информации (текст, иллюстрации, цифровые ресурсы), затем представляют результаты в виде таблицы или схемы. Возможно выполнение задания в группах: одна группа изучает славянскую систему счисления, другая – римскую, третья – арабскую.

Задания проектного типа также актуальны для четвертого класса. Например,

проект «Старинные меры длины в пословицах и поговорках». Учащиеся ищут пословицы и поговорки, в которых упоминаются старинные меры («От горшка два вершка», «Семь пядей во лбу», «Косая сажень в плечах»), анализируют их смысл, связывают с математическими знаниями.

Пример интегративно-поискового задания для 4 класса: «Составь задачу на движение, используя старинные меры длины. Например, пешеход прошел 2 версты. Сколько это километров? (1 верста $\approx$ 1 км 67 м)».

Такое задание связывает математику с историей и развивает умение применять информацию в новых ситуациях.

Рисунок 1. Распределение видов поисковых заданий

А.М. Магомедгаджиева, А.Ш. Бакмаев и Ш.С. Гаджиагаев отмечают, что «важным критерием сформированности навыков поисковой деятельности является способность учащегося самостоятельно определять, какой информации недостаточно для решения задачи, и находить способы ее получения» [12, с. 170].

Выводы научно-исследовательской работы

Оценка результатов поисковой деятельности может осуществляться по следующим критериям:

1. Полнота и точность найденной информации. Учащийся нашел все требуемые сведения, информация соответствует исторической действительности.

2. Самостоятельность поиска. Учащийся выполнил задание без постоянной помощи учителя, использовал указанные источники.

3. Адекватность выбора источника. Учащийся смог выбрать из предложенных источников те, которые содержат необходимую информацию, или объяснил, почему обратился к определенному источнику.

4. Умение преобразовать информацию. Учащийся может представить найденную информацию в другой форме (пересказать, составить таблицу, сделать схему, представить в виде рисунка).

5. Умение использовать информацию в практической деятельности. Учащийся применяет исторические сведения при решении математических задач.

При планировании поисковых заданий учитель может ориентироваться на следующий алгоритм: определение темы урока и математического содержания, которое будет изучаться; выделение исторического аспекта, связанного с этой темой; разработка поискового задания, соответствующего возрасту учащихся; определение источников информации; формулировка ожидаемых результатов; продумывание способов обсуждения и применения полученной информации.

Опыт использования поисковых заданий с историко-математическим содержанием показывает, что обучающиеся начальной школы проявляют высокую заинтересованность при выполнении таких заданий. Исторический материал делает урок математики более живым, помогает увидеть практическую значимость математических знаний, развивает познавательный интерес. При этом важно соблюдать меру: не перегружать урок исторической информацией, использовать ее как средство, а не как самоцель.

Разработанный методический кейс организации поисковой деятельности младших школьников на уроках математики с использованием историко-математического материала включает следующие компоненты: классификацию поисковых заданий с выделением репродуктивно-поискового, аналитико-поискового, проблемно-поискового, исследовательско-поискового и интегративно-поискового типов; описание конкретных заданий для каждого класса начальной школы (1 – 4); структуру занятий с выделением этапов создания проблемной ситуации, организации поиска, обсуждения результатов и применения информации; критерии оценки результатов поисковой деятельности.

References

1. Андреева О.В. Развитие познавательного интереса школьников через историю математики: от занимательных фактов к научным проблемам: учебно-методическое пособие / О.В. андреева. – СПб.: Лань, 2022. – 188 с.
2. Волков М.С. Интеграция историко-научного материала в процесс обучения решению прикладных математических задач: Автореф. дис. ... канд. пед. наук / М.С. Волков. – Казань, 2021. – 24 с.
3. Глейзер Г.И. История математики в школе: пособие для учителей / Г.И. Глейзер. – М.: Просвещение, 2021. Репринтное издание с дополнениями под ред. И.В. Игнатушиной. – 461 с.
4. Григорьева О.П. Методика разработки учебного кейса на основе биографии ученого-математика / О.П. Григорьева // Современные проблемы науки и образования. – 2023. – № 5. – С. 16 – 21.
5. Деменева Н.Н. Формирование у младших школьников универсальных действий по работе с информацией на основе материала из истории математики / Н.Н. Деменева, О.В. Колесова, С.К. Тивикова // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 79-1. С. 160-163.
6. Дробышев Ю.А. История математики в российских школьных учебниках: критический анализ / Ю.А. Дробышев, И.В. Дробышева // Вестник Набережночелнинского государственного педагогического университета. 2021. №. 2. С. 76 – 78.
7. Дробышев, Ю.А. Цифровой контент историко-математического компонента обучения / Ю.А. Дробышев, И.В. Дробышева // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Информатика и информатизация образования. 2022. №. 4 (62). С. 44 – 57.
8. Зайцев Д.А. Поисковая деятельность старшеклассников при решении нестандартных задач: исторический аспект / Д.А. Зайцев // Образование и саморазвитие. — 2022. – Т. 17, № 3. – С. 88 – 97.
9. Зайцев Д.Н. Методика конструирования учебных кейсов на основе биографии российских математиков (Н.И. Лобачевский, С.В. Ковалевская) / Д.Н. Зайцев // Образование и наука. – 2024. – Т. 26, № 5. – С. 134 – 151.
10. Иванов П.Л., Козлова Н.Г. Кейс-метод в контексте реализации обновленных ФГОС ООО на уроках математики / П.Л. Иванов, Н.Г. Козлова // Наука и школа. – 2023. – № 2. – С. 112 – 120.

11. Иванова О.А. Исторический материал как средство формирования у учащихся начальных классов познавательного интереса к математике / О.А. Иванова // Молодой ученый. – 2018. – № 13 (199). – С. 122 – 124.
12. Магомедгаджиева А.М. Реализация межпредметных связей на основе проблемно-поисковой деятельности учащихся основной школы / А.М. Магомедгаджиева, А.Ш. Бакмаев, Ш.С. Гаджиагаев // Мир науки, культуры, образования. – 2026. – №. 1 (116). – С. 168 – 171.
13. Петрова В.С. Формирование навыков самостоятельного поиска информации у учащихся средствами историко-краеведческого материала на уроках геометрии / В.С. Петрова // Преподавание математики в школе и вузе. – 2021. – Вып. 35. – С. 89 – 97.
14. Петрова И.Н. Организация исследовательской деятельности школьников средствами истории математики / И.Н. Петрова // Наука и школа. – 2021. – № 2. – С. 34 – 41.
15. Пиленицена Е.В. Использование технологии проблемного обучения на уроках математики: обобщение опыта педагогической деятельности / Е.В. Пиленицена // Технологии личностно-ориентированного подхода в обучении математике. – 2022. – С. 75 – 79.
16. Полякова Т.С. История математического образования в России: учебное пособие / Т.С. Полякова. – М.: Юрайт, 2021. – 284 с.
17. Сидоров К.М. Формирование универсальных учебных действий через решение контекстных задач с историческим содержанием / Сидоров К.М. // Педагогические инновации. – 2024. – Т. 19, № 1. – С. 112 – 125.
18. Смирнова Е.А. Историко-математический материал как основа для создания проблемных ситуаций на уроках алгебры / Е.А. Смирнова // Вестник педагогических инноваций. – 2022. – № 4 (68). – С. 45 – 52.
19. Старинные задачи как средство развития логического мышления: Сборник методических материалов / Сост. М.В. Шабанова. – Архангельск: КИРА, 2021. – 94 с.
20. Терехова А.В., Терещенко И.С. Организация исследовательской деятельности школьников при решении старинных математических задач / А.В. Терехова, И.С. Терещенко // Электронный научный журнал «Дневник науки». – 2025. – № 1. – С. 23 – 27.

UDC 373.5

Zasukhina A.I. Preparation of 10th–11th grade students for the regional and final stages of the all-russian school olympiad in the chinese language

Подготовка учащихся 10–11 классов к региональному и заключительному этапам
всероссийской олимпиады школьников по китайскому языку

Zasukhina Alyona Igorevna,

Chinese Language Teacher, Saint Petersburg

Засухина Алёна Игоревна,

учитель китайского языка, г. Санкт-Петербург

Abstract. *The article examines the main areas of preparing 10th–11th grade students for the regional and final stages of the All-Russian School Olympiad in the Chinese language. Particular attention is paid to the development of comprehensive language and communicative competence, listening, reading, writing and speaking skills, improvement of lexical and grammatical knowledge, and expansion of students' linguistic and cultural background. The article analyzes the specific features of olympiad tasks and presents practical approaches to organizing systematic preparation of senior students. The importance of individualizing the educational trajectory, regularly using olympiad materials from previous years, conducting diagnostic and training tests, and developing students' ability to analyze their mistakes and choose effective task-solving strategies is substantiated. Special attention is paid to preparation for oral and written tasks, work with authentic materials, and simulation of olympiad conditions. The article concludes that the effectiveness of preparation depends not only on the level of Chinese language proficiency but also on students' strategic, linguistic and cultural, and psychological readiness for a competitive environment.*

Keywords: Chinese language, All-Russian School Olympiad, olympiad preparation, regional stage, final stage, senior students, linguistic and cultural competence, language proficiency.

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления, методы и приемы подготовки учащихся 10–11 классов к региональному и заключительному этапам Всероссийской олимпиады школьников (ВсОШ) по китайскому языку. Особое внимание уделяется формированию комплексной языковой компетенции, развитию навыков аудирования, чтения, письменной и устной речи, совершенствованию лексико-грамматических знаний и расширению лингвострановедческой эрудиции. Обосновывается необходимость перехода от традиционной модели изучения китайского языка к олимпиадной подготовке, предполагающей работу с нестандартными языковыми задачами, ограниченным временем и многоуровневыми критериями оценивания. Предлагается система подготовки, включающая диагностику, индивидуализацию, регулярную работу с олимпиадными материалами прошлых лет, моделирование конкурсных ситуаций и рефлексивный анализ результатов.

Ключевые слова: китайский язык, Всероссийская олимпиада школьников, олимпиадная подготовка, региональный этап, заключительный этап, 10–11 классы, лингвистическая компетенция, лингвострановедение, аудирование, устная речь, письменная речь.

Рецензент: Кузьменко Наталья Ивановна, к.п.н., доцент ВАК.
ГБПОУ "Магнитогорский педагогический колледж"

Введение

Всероссийская олимпиада школьников по китайскому языку занимает особое место в системе олимпиадного движения. В отличие от многих других иностранных языков, китайский представляет собой для российских школьников относительно новое

направление, что определяет специфику как формирования языковой базы, так и подготовки к олимпиадным испытаниям. Участнику необходимо не только владеть китайским языком на достаточно высоком уровне, но и уметь применять языковые знания в нестандартной ситуации, быстро анализировать информацию, распознавать культурные и исторические реалии, аргументированно выражать собственную позицию и работать в условиях ограниченного времени.

Официальные материалы Центральной предметно-методической комиссии по китайскому языку включают отдельные требования, задания и материалы для регионального и заключительного этапов олимпиады, что позволяет педагогу выстраивать подготовку не интуитивно, а на основе анализа реальных олимпиадных форматов.

Для учащихся 10–11 классов данная задача приобретает особую значимость. На старшей ступени обучения школьник уже должен обладать достаточно сформированной языковой системой, поэтому основная цель подготовки заключается не столько в последовательном изучении нового материала, сколько в углублении имеющихся знаний и превращении их в устойчивые практические навыки. При этом подготовка к региональному этапу и подготовка потенциального участника заключительного этапа не являются полностью идентичными: по мере продвижения ученика от одного этапа к другому возрастает роль языковой гибкости, самостоятельности мышления, культурологической эрудиции и способности создавать собственное речевое высказывание.

В 2025/26 учебном году официальный ресурс ВСОШ размещал отдельные комплекты требований, заданий и методик оценивания для регионального и заключительного этапов по китайскому языку. В 2026 году заключительный этап по китайскому языку проходил в Москве 22–27 марта; в нем приняли участие 267 школьников, а проходной балл составил 86. Эти данные показывают высокий уровень конкуренции и необходимость системной, долгосрочной подготовки.

Специфика подготовки к олимпиаде по китайскому языку

Олимпиадная подготовка принципиально отличается от подготовки к обычному уроку или итоговой аттестации. На уроке учитель, как правило, последовательно формирует языковые умения: вводит лексику, объясняет грамматическое явление, организует тренировку и закрепление. Олимпиадное задание, напротив, может требовать от ученика одновременно задействовать несколько видов компетенций.

Например, при выполнении задания на чтение учащийся должен не только понять содержание текста, но и определить значение незнакомого слова по контексту, распознать грамматическую конструкцию, установить логические связи между частями текста и выбрать наиболее точный вариант ответа. При выполнении

лингвострановедческого задания требуется одновременно владеть китайской лексикой и обладать знаниями о культуре, истории и географии Китая.

Таким образом, главной характеристикой олимпиады является **комплексность**.

Для учащегося 10–11 класса целесообразно выделить несколько взаимосвязанных компонентов подготовки:

1. лексико-грамматический;
2. коммуникативно-речевой;
3. аудитивный;
4. читательский;
5. лингвострановедческий;
6. переводческий;
7. стратегический;
8. психологический.

Последний компонент зачастую недооценивается. Даже хорошо подготовленный ученик может показать результат ниже своих возможностей, если не умеет распределять время, испытывает трудности при столкновении с незнакомым материалом или теряется во время устного выступления.

Поэтому задача учителя состоит не только в том, чтобы «дать больше китайского языка», но и в том, чтобы научить ученика **работать с олимпиадным материалом**.

Диагностический этап подготовки

Одной из наиболее распространенных ошибок является начало подготовки непосредственно с изучения большого количества новых слов и грамматических конструкций. Более эффективным представляется диагностический подход.

В начале учебного года учащемуся предлагается выполнить комплексную олимпиадную работу, максимально приближенную к формату регионального этапа. После этого результаты необходимо распределить не только по количеству набранных баллов, но и по типам ошибок.

Особенно важно определить, какие ошибки являются **системными**, а какие возникают случайно. Если ученик регулярно смешивает 既然.....就..... и 虽然.....但是....., проблема носит системный характер и требует отдельной работы. Если же единичная ошибка возникла из-за невнимательности, достаточно включить соответствующий материал в повторение.

Полезным инструментом становится «олимпиадный дневник», в котором ученик самостоятельно фиксирует:

- незнакомые слова;
- сложные грамматические конструкции;
- допущенные ошибки;

- причины ошибок;
- новые культурные реалии;
- удачные речевые модели;
- темы, вызывающие затруднения.

При этом важно, чтобы дневник не превращался в обычный словарь. Его задача — показать **индивидуальную карту затруднений учащегося**.

Совершенствование лексико-грамматической компетенции

Лексико-грамматический блок является фундаментом олимпиадной подготовки. Однако механическое заучивание слов и правил не обеспечивает высокого результата.

Учащийся должен научиться различать близкие по значению единицы и понимать их функционирование в конкретном контексте. Именно поэтому при подготовке старшеклассников целесообразно переходить от изучения отдельных слов к работе с **лексическими полями и синонимическими рядами**.

Например, необходимо не просто знать:

马上 — 立刻 — 赶快 — 连忙

но и понимать различия в употреблении этих единиц, их стилистическую окраску и типичные контексты.

Аналогичный подход необходим при работе с грамматикой. На олимпиаде недостаточно помнить, что конструкция 越.....越..... означает взаимное усиление признака. Ученик должен быстро распознавать ее в тексте, самостоятельно использовать ее в речи и отличать от конструкций, имеющих сходную семантику.

Особое внимание следует уделять:

- результативным морфемам;
- направлятельным дополнениям;
- конструкциям 把 и 被;
- модальным глаголам;
- сравнительным конструкциям;
- сложным предложным структурам;
- союзным конструкциям;
- степени признака;
- условным, причинно-следственным и уступительным отношениям;
- фразеологизмам и устойчивым выражениям;
- особенностям письменного и разговорного стиля.

Практически эффективной является работа по принципу «узнал - объяснил - сопоставил - применил».

Например, ученик не просто записывает значение выражения 任人唯贤, а объясняет:

- значение каждого компонента;
- буквальный смысл;
- переносное значение;
- культурно-исторический контекст;
- возможный русский эквивалент;
- ситуацию употребления.

Подобная работа превращает пассивное знание в активное.

Развитие навыков аудирования

Аудирование является одним из наиболее сложных компонентов олимпиады по китайскому языку. Причина заключается в необходимости одновременно воспринимать звучащую речь, удерживать информацию в памяти и соотносить услышанное с формулировкой задания.

На продвинутом этапе подготовки рекомендуется отказаться от постоянного использования только учебных диалогов. Ученик должен работать с разнообразными типами звучащей речи:

- интервью;
- репортажами;
- образовательными материалами;
- фрагментами лекций;
- бытовыми диалогами;
- информационными сообщениями;
- короткими рассказами.

Полезной является трехэтапная модель работы.

Первый этап - прогнозирование. Перед прослушиванием ученик анализирует вопросы и предполагает, какая информация может прозвучать.

Второй этап - первичное восприятие. Основная задача — определить тему, участников, место, время и общий смысл.

Третий этап - детальное восприятие. Ученик обращает внимание на конкретные факты, числа, имена, причины, противопоставления и логические связи.

При этом важно специально тренировать умение **не останавливаться на одном незнакомом слове**. Если учащийся теряет несколько секунд, пытаясь вспомнить значение отдельной лексемы, он рискует пропустить следующую смысловую единицу.

Поэтому один из важнейших навыков олимпийца - умение продолжать восприятие речи даже при неполном понимании.

Чтение и работа с неизвестной лексикой

Олимпиадное чтение следует рассматривать не как проверку знания всех слов текста, а как проверку способности извлекать необходимую информацию.

В работе со старшеклассниками целесообразно формировать несколько стратегий чтения:

Просмотровое чтение - быстрое определение темы и структуры текста.

Поисковое чтение - поиск конкретной информации.

Изучающее чтение - глубокий анализ содержания.

Контекстуальное чтение - определение значения незнакомой единицы на основании контекста.

Особенно полезна работа с текстами, в которых намеренно присутствует определенное количество незнакомой лексики. Это позволяет сформировать психологическую устойчивость.

Ученик должен привыкнуть к мысли: «Я могу решить задание, даже если не знаю каждое слово».

Лингвострановедческая подготовка

Лингвострановедческий компонент является одной из отличительных особенностей олимпиады по китайскому языку. Участник должен обладать не только языковыми знаниями, но и достаточно широким представлением о Китае и китайской культуре.

Материалы олимпиады показывают, что вопросы могут затрагивать географию, историю, литературу, традиции, искусство, общественную жизнь и культурные реалии. Например, в олимпиадных заданиях проверяются знания административного устройства Китая, специальных экономических зон, классической литературы и исторических событий.

Следовательно, подготовку нельзя ограничивать традиционными темами «Пекин», «Китайская кухня» и «Праздники Китая».

Для учащихся 10–11 классов целесообразно сформировать несколько тематических блоков:

История Китая

- древние династии;
- объединение Китая;
- Великий шелковый путь;
- история императорского Китая;
- Синьхайская революция;
- события XX века;
- образование КНР;
- современный Китай.

География

- провинции и автономные районы;

- крупные города;
- реки и горные системы;
- моря;
- природные зоны;
- административное устройство КНР.

Культура

- традиционная живопись;
- каллиграфия;
- театр;
- архитектура;
- музыка;
- традиционные ремесла.

Литература

- «四大名著» — четыре великих классических романа;
- Конфуций;
- Лао-цзы;
- Танская поэзия;
- основные литературные жанры.

Традиции и праздники

- 春节;
- 元宵节;
- 清明节;
- 端午节;
- 中秋节;
- 重阳节.

Современный Китай

- образование;
- экономика;
- технологии;
- крупные города;
- транспорт;
- современные культурные явления.

При этом эффективнее не заучивать длинные списки фактов, а организовывать знания в систему. Например, изучая Сиань, ученик должен одновременно связать город с древней столицей, началом Шелкового пути, династиями, археологическими памятниками и современной культурной жизнью.

Письменная и творческая подготовка

На высоком уровне олимпиады от ученика требуется способность самостоятельно создавать связный текст. Поэтому письменную речь необходимо развивать не только посредством традиционных сочинений.

Полезно использовать задания на:

- описание;
- рассуждение;
- сравнение;
- аргументацию;
- выражение собственного мнения;
- интерпретацию информации;
- комментирование проблемной ситуации.

При подготовке следует сформировать универсальную структуру письменного высказывания:

введение → постановка проблемы → аргумент 1 → аргумент 2 → пример → собственная позиция → вывод.

Важно при этом не превращать структуру в шаблон. Олимпиадная работа должна демонстрировать способность ученика мыслить, а не только воспроизводить заученный текст.

Особое внимание следует уделять средствам логической связи:

сначала, затем, кроме того, однако, следовательно, следовательно, следовательно и др.

Учащийся должен понимать, что хороший текст определяется не количеством сложных слов, а логичностью, точностью и коммуникативной целостностью.

Устный тур: от подготовленной речи к спонтанному высказыванию

Устная часть представляет собой особую психологическую нагрузку. Ученик, привыкший выполнять тесты письменно, может испытывать серьезные трудности при необходимости быстро сформулировать ответ вслух.

Поэтому устная подготовка должна начинаться задолго до выхода на региональный этап.

Рекомендуется использовать модель «одна тема - три уровня сложности».

Первый уровень: 30–60 секунд подготовленной речи.

Второй уровень: 2–3 минуты с минимальной подготовкой.

Третий уровень: спонтанный ответ на дополнительный вопрос.

Например, тема «中国传统节日» может последовательно перерасти в вопросы:

为什么中国人重视传统节日?

你最喜欢哪个中国节日? 为什么?

传统节日在现代社会中有没有改变?

Такая система постепенно формирует способность не только рассказывать подготовленный текст, но и поддерживать реальную коммуникацию.

Отдельно необходимо тренировать **компенсаторные стратегии**. Если ученик забыл слово, он должен уметь объяснить его другими словами. Если забыл конкретную дату, он должен сохранить логическую структуру ответа. Если не понял вопрос, необходимо научиться корректно попросить повторить его.

Таким образом, важной целью является не отсутствие ошибок, а способность **сохранять коммуникацию несмотря на ошибку**.

Переход от регионального к заключительному этапу

Подготовка к региональному этапу должна быть направлена прежде всего на стабильное выполнение всех типов заданий. На этом этапе необходимо ликвидировать пробелы и сформировать базовую олимпиадную стратегию.

После прохождения регионального этапа при переходе к подготовке заключительного этапа меняется сама логика работы.

Если региональный этап можно представить как проверку широты и устойчивости знаний, то заключительный этап требует большей глубины, гибкости и самостоятельности.

Особенно важно регулярно выполнять **полные комплекты олимпиадных заданий прошлых лет**. На официальном ресурсе ВСОШ опубликованы задания, требования и материалы оценивания регионального и заключительного этапов по китайскому языку за несколько учебных лет.

Работа с прошлогодними заданиями должна включать четыре этапа:

1. самостоятельное выполнение;
2. проверка по критериям;
3. анализ ошибок;
4. повторное выполнение аналогичного задания через определенный промежуток времени.

Недостаточно просто узнать правильный ответ. Ученик должен ответить на вопрос: **почему я ошибся?**

Например:

«Не знал слово» — недостаточный анализ.

Более полезный вариант:

«Не знал слово, но мог определить его значение по контексту; не сделал этого из-за недостатка времени».

В этом случае следующей задачей становится не заучивание конкретного слова, а развитие стратегии контекстуальной догадки.

Моделирование олимпиадной ситуации

Одним из наиболее эффективных методов подготовки является проведение регулярных пробных олимпиад.

При этом необходимо моделировать не только задания, но и условия:

- ограничение времени;
- последовательность выполнения блоков;
- отсутствие подсказок;
- последующую проверку;
- устное собеседование;
- неожиданные вопросы;
- психологическое давление соревновательной ситуации.

Рекомендуется проводить полноценную тренировочную олимпиаду один раз в 3–4 недели, а в последние недели перед этапом - чаще.

Однако постоянное выполнение целых вариантов может привести к снижению эффективности. Поэтому между пробными олимпиадами необходимо проводить точечную тренировку слабых мест.

Например, если ученик стабильно теряет баллы в аудировании, две недели подготовки могут быть посвящены именно этому навыку.

Полезной становится формула:

диагностика → тренировка → контроль → коррекция → повторная диагностика.

Роль учителя и образовательной среды

Успешная подготовка к олимпиаде невозможна без изменения традиционной модели взаимодействия «учитель - ученик».

Учитель становится не только источником знаний, но и наставником, экспертом и организатором образовательной среды.

Важную роль играет формирование у ученика самостоятельности. На продвинутом этапе желательно, чтобы школьник сам:

- находил дополнительные материалы;
- составлял тематические словари;
- анализировал ошибки;
- объяснял грамматические явления;
- подбирал примеры;
- проводил мини-презентации;
- оценивал собственные письменные работы;
- задавал вопросы.

Особенно эффективен прием «**ученик объясняет ученику**». Когда школьник самостоятельно объясняет значение конструкции или культурного факта, он вынужден

структурировать собственное знание. Это способствует более глубокому усвоению материала.

Заключение

Подготовка учащихся 10–11 классов к региональному и заключительному этапам Всероссийской олимпиады школьников по китайскому языку представляет собой многоуровневый педагогический процесс, который не может ограничиваться увеличением количества часов китайского языка.

Главным результатом подготовки должно стать формирование **олимпиадной компетентности**, включающей языковые знания, коммуникативные навыки, культурологическую эрудицию, способность анализировать незнакомый материал, быстро принимать решения и сохранять эффективность деятельности в условиях ограниченного времени.

Современные материалы ВСОШ позволяют строить такую подготовку на основе реальных заданий и критериев. На официальном ресурсе представлены материалы регионального и заключительного этапов разных лет, что дает педагогу возможность отслеживать особенности заданий и динамику требований. При этом результаты финала 2026 года - 267 участников и проходной балл 86 - свидетельствуют о высокой конкуренции среди сильнейших школьников.

Наиболее продуктивной представляется модель, при которой подготовка строится не вокруг отдельных типов заданий, а вокруг развития целостной личности ученика как пользователя китайского языка. Олимпиадник должен уметь читать и слушать, говорить и писать, анализировать и сравнивать, объяснять языковые явления и интерпретировать культурные факты.

Особенно важно постепенно переводить ответственность за результат от учителя к самому ученику. На начальном этапе педагог определяет направление работы и помогает выстроить систему. На продвинутом этапе учащийся становится активным субъектом подготовки, самостоятельно выявляет дефициты и выбирает стратегии их устранения.

Таким образом, успешное выступление на региональном и заключительном этапах ВСОШ по китайскому языку является результатом не столько объема выученного материала, сколько **системности подготовки, качества обратной связи, регулярной практики и способности ученика самостоятельно работать с языком.**

Олимпиада в данном случае становится не только формой проверки знаний, но и образовательной средой, в которой школьник учится мыслить на иностранном языке, работать с информацией, аргументировать собственную позицию и воспринимать китайский язык не как учебный предмет, а как инструмент межкультурного общения.

References

1. Всероссийская олимпиада школьников. Китайский язык. Официальные материалы Центральной предметно-методической комиссии: требования, задания и методика оценивания регионального и заключительного этапов.
2. Всероссийская олимпиада школьников. Китайский язык. 2025–2026 учебный год. Задания и материалы олимпиады для учащихся 9–11 классов.
3. Всероссийская олимпиада школьников. Заключительный этап 2026. Китайский язык. Информационные и организационные материалы, статистика участников, проходные баллы.
4. Всероссийская олимпиада школьников по китайскому языку. Задания и критерии заключительного этапа прошлых лет.
5. Всероссийская олимпиада школьников по китайскому языку. Задания школьного этапа 2025–2026 учебного года, 9–11 классы.
6. Всероссийская олимпиада школьников по китайскому языку. Ответы и материалы лингвострановедческого блока, 2025–2026 учебный год.
7. Дьяченко В. К. Сотрудничество в обучении: о коллективном способе учебной работы. — М.: Просвещение.
8. Гальскова Н. Д., Гез Н. И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика. — М.: Академия.
9. Колкер Я. М., Устинова Е. С., Еналиева Т. М. Практическая методика обучения иностранному языку. — М.: Академия.
10. Маслыко Е. А., Бабинская П. К., Будько А. Ф., Петрова С. И. Настольная книга преподавателя иностранного языка. — Минск: Вышэйшая школа.
11. Новые тенденции в преподавании китайского языка. Сборник научно-методических материалов по вопросам обучения китайскому языку как иностранному.
12. 现代汉语. Учебные и справочные материалы по современной грамматике китайского языка.
13. 汉语水平考试 (HSK) . Материалы и спецификации уровней владения китайским языком.
14. 国家汉办. 国际中文教育中文水平等级标准. — 北京.
15. Лингвострановедческие материалы по истории, культуре и современному развитию Китая, используемые при подготовке учащихся к олимпиадным заданиям по китайскому языку.

INTERNATIONAL RELATIONS AND DIPLOMACY STUDIES

UDC 323(575.3)

Qurbonzoda Z.M. 35 years of independence – 35 major achievements of Tajikistan: a path of creation, sustainable development and national progress. Part I

Qurbonzoda Zulfiya Mahmadvani

Vice-Rector for Strategic Development and Quality Management
International University of Tourism and Entrepreneurship of Tajikistan
Doctor of Political Sciences, Professor

Abstract. *This article provides a comprehensive assessment of the transformation of the Republic of Tajikistan during the 35 years of State Independence from 1991 to 2026. The purpose of the study is to identify, systematize and analyze 35 major achievements that reflect the principal political, institutional, socioeconomic, infrastructural, cultural, technological and international dimensions of the country's development. The research is based on a comparative and systemic analysis of official statistical data, national development strategies, government documents, materials of the President of the Republic of Tajikistan, and data and resolutions of international organizations, including the United Nations, the World Bank and UNESCO. The study traces the evolution of Tajikistan from the establishment of sovereign statehood and post-conflict reconstruction to economic modernization, infrastructure development and poverty reduction, expansion of human capital, digital transformation, environmental policy and increasingly active participation in shaping the international agenda. The scientific novelty of the study lies in the integrated interpretation of the independence period through a framework of 35 interconnected achievements and in the proposed analytical periodization of national development from state-building and stabilization to reconstruction, modernization, sustainable development and international initiative-setting. The findings demonstrate that the most significant outcome of independence is not limited to individual sectoral achievements, but consists in the formation of institutional, economic and social foundations for long-term national development. The practical significance of the study lies in its potential use for academic analysis, policy assessment, educational materials and the preparation of analytical and informational publications concerning contemporary Tajikistan. The article concludes that future progress will increasingly depend on productivity, technological modernization, human-capital development, environmental resilience and effective international cooperation.*

Keywords: *Tajikistan, State Independence, sustainable development, state-building, economic modernization, infrastructure development, human capital, digital transformation, water diplomacy, international initiatives.*

Рецензент: Бюллер Елена Александровна – кандидат экономических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Адыгеский государственный университет»

The Declaration on the State Independence of the Republic of Tajikistan was adopted on 24 August 1990, marking an important legal step towards national sovereignty. The State Independence of the Republic of Tajikistan was officially proclaimed on 9 September 1991, establishing the political and legal foundation for the formation of an independent sovereign state. For the first time in the contemporary period, the country acquired the full political and

legal capacity to independently define its development priorities, establish its own system of public administration, pursue an autonomous domestic and foreign policy, and shape economic, social, and cultural institutions in accordance with national interests. Independence therefore represented not merely a change in the political status of the country, but the beginning of a profound process of state-building, institutional transformation, and national self-determination [6].

The initial stage of independence, however, unfolded under extremely complex historical circumstances. The newly established state was confronted with political instability, internal armed conflict, a sharp contraction of economic activity, the collapse of previously established production and trade networks, weakened public institutions, and growing social pressures. These challenges significantly complicated the process of constructing an effective system of national governance and delayed the implementation of socioeconomic reforms. For this reason, an objective assessment of Tajikistan's subsequent development requires consideration not only of contemporary indicators and completed projects, but also of the difficult conditions from which the country began its independent path [2].

Over the following three and a half decades, Tajikistan gradually moved from post-conflict stabilization and institutional reconstruction towards a broader model of long-term national development. The restoration of peace and political stability created the necessary foundation for strengthening state institutions, modernizing economic infrastructure, improving social services, expanding regional and international cooperation, and introducing strategic mechanisms of development planning. At the same time, increasing attention has been given to energy security, transport connectivity, industrialization, food security, human capital, digital transformation, environmental sustainability, and the preservation of the country's historical and cultural heritage [1].

Thus, the 35th anniversary of State Independence provides an appropriate historical milestone for evaluating the scale of the transformations that have taken place since 1991. The progress achieved during this period reflects not a single process, but a combination of political, institutional, economic, infrastructural, social, cultural, and diplomatic developments that have collectively shaped the contemporary Republic of Tajikistan. The *35 major achievements* examined below correspond symbolically to the 35 years of independence and demonstrate both the evolution of the Tajik state and the principal directions of its national progress.

1. Establishment and Consolidation of Sovereign Statehood

The acquisition of State Independence created the political and legal basis for the emergence of Tajikistan as a fully sovereign participant in the international system. From that moment, the country began the complex process of constructing its own model of statehood,

defining national priorities, and establishing institutions capable of exercising independent authority within its territory and representing national interests abroad [6].

Over the years of independence, Tajikistan developed the principal attributes and mechanisms of a sovereign state. A national system of public administration was formed, constitutional and legal institutions were established, and the country adopted its official state symbols – the flag, emblem, and anthem – as expressions of national identity and political sovereignty. At the same time, an independent foreign-policy framework and diplomatic service were created, enabling Tajikistan to establish direct relations with foreign states and international organizations.

The significance of this achievement extends far beyond the formal recognition of independence. The consolidation of sovereign statehood provided the institutional framework within which subsequent political stabilization, socioeconomic reforms, infrastructure development, and international cooperation became possible. In this sense, the establishment of an independent state should be regarded as the foundational achievement upon which virtually all other transformations of the independence period were built.

2. Adoption of the Constitution and Formation of the Constitutional Order

A major milestone in the institutional development of independent Tajikistan was the adoption of the Constitution through a nationwide referendum on 6 November 1994. This document transformed the political reality of independence into a coherent constitutional and legal framework and established the fundamental principles governing the organization of the state, the exercise of public authority, and relations between the individual, society, and government [2].

The Constitution defined Tajikistan as a sovereign, democratic, law-based, secular, and social state and established the legal guarantees of fundamental human rights and freedoms. It also determined the structure and competencies of the principal branches of government, introduced mechanisms for the functioning of state institutions, and created a normative basis for the subsequent development of national legislation.

Its historical importance lies in the fact that the Constitution provided independent Tajikistan with a stable legal architecture at a particularly complex stage of state formation. It became the cornerstone of the country's constitutional order and created the institutional conditions necessary for political stabilization, the development of public administration, legal reform, and the gradual strengthening of the rule of law. In this respect, the adoption of the Constitution represented not merely a formal legal act, but a decisive step in converting national sovereignty into an operational system of modern state governance.

3. Achievement of Peace and National Unity

The restoration of peace and the consolidation of national unity represent one of the defining achievements of Tajikistan's contemporary history. The signing of the General Agreement on the Establishment of Peace and National Accord in Tajikistan on 27 June 1997 brought the period of armed confrontation to an end and created the political foundation for the gradual normalization of public life and the reconstruction of the country [4].

The significance of the peace process extended considerably beyond the cessation of hostilities. It opened the way for the restoration of effective state institutions, the reintegration of different political and social groups, the return of displaced populations, and the transition from emergency post-conflict management to long-term national development. The stabilization of the internal political environment also made it possible to redirect state resources and institutional capacities towards economic recovery, infrastructure development, social policy, and the strengthening of public administration.

National reconciliation subsequently became an essential element of Tajikistan's state-building experience. The ability to overcome a period of deep internal division through political dialogue and negotiated settlement demonstrated the importance of compromise, institutional responsibility, and social cohesion in preserving national statehood. From this perspective, peace and national unity should be understood not only as the resolution of a historical conflict, but as a fundamental precondition for virtually every major socioeconomic and institutional achievement attained by Tajikistan during the subsequent decades of independence.

4. Strengthening Political and Social Stability

The consolidation of peace gradually transformed the internal environment of Tajikistan and created conditions for a more predictable and sustainable pattern of national development. As the consequences of the conflict were overcome, the functioning of public institutions became more consistent, social relations stabilized, and the state acquired greater capacity to pursue medium- and long-term policy objectives rather than respond primarily to immediate post-conflict challenges.

Political and social stability subsequently became an important enabling factor for broader modernization processes. A more secure domestic environment encouraged economic activity, facilitated the implementation of large infrastructure projects, supported the expansion of education and social services, and strengthened the country's ability to attract investment and develop international partnerships. Stability also provided the institutional continuity required for the implementation of national strategies and large-scale development programs extending across several years [3].

Its significance should therefore be assessed not as an isolated political outcome, but as a systemic condition underlying progress in other spheres. The continuity of public administration, the reduction of internal political risks, and the gradual strengthening of social cohesion created a foundation upon which economic growth, infrastructure modernization, human-capital development, and deeper engagement with the international community could be pursued. In this sense, the preservation of political and social stability became one of the key connecting elements between the post-conflict recovery of Tajikistan and its subsequent transition towards long-term national development.

5. Formation and Strengthening of the National Defence and Security System

The creation of national defence and security institutions was an essential component of consolidating Tajikistan's sovereignty during the first years of independence. The newly independent state had to establish structures capable of protecting the constitutional order, territorial integrity and state borders at a time of severe internal instability and extremely limited material resources.

A decisive institutional step was taken on 18 December 1992, when the Decree "On the Establishment of the Armed Forces of the Republic of Tajikistan" created the legal basis for forming the National Army. The process began under exceptionally difficult conditions: the country lacked an established military infrastructure, sufficient equipment and an adequate corps of professionally trained officers. Nevertheless, on 23 February 1993 the first military parade of the newly formed Armed Forces was held, and this date subsequently became associated with the establishment of the national army.

Over the following decades, the defence and security system acquired a more complete institutional structure. The Armed Forces were strengthened alongside the Border Troops, National Guard, internal security formations and specialized military educational institutions responsible for preparing professional personnel. This institutional development created a national framework for defence planning, border protection and the training of officers and specialists.

The significance of this achievement extends beyond the existence of military institutions themselves. A functioning national defence system is one of the practical expressions of state sovereignty, particularly for a country that experienced armed conflict during the initial phase of independence and shares borders with a complex regional security environment. Strengthening professional training, command structures, infrastructure and technical capacity has therefore remained an important element of state-building [5].

From this perspective, the formation of the Armed Forces and related security institutions represents a foundational achievement of the independence period. Tajikistan moved from the absence of an independent national military system to the establishment of

institutions responsible for protecting sovereignty, constitutional stability, territorial integrity and national security.

6. Formation and Modernization of the National Public Administration System

The establishment of an effective system of public administration became one of the central institutional tasks of independent Tajikistan. Following the acquisition of sovereignty, the country had to develop its own mechanisms for formulating public policy, implementing legislation, administering territories, managing public resources, and coordinating the activities of state institutions at both national and local levels.

Over the subsequent decades, the architecture of governance was progressively expanded and adapted to the requirements of a sovereign state. Legislative, executive, and judicial institutions acquired a more structured institutional framework, while central ministries, agencies, and local authorities assumed clearly defined responsibilities within the national system of administration. This process was accompanied by the gradual professionalization of the civil service and the development of regulatory mechanisms intended to improve the consistency and effectiveness of government decision-making.

A further stage of this transformation has involved the introduction of strategic planning instruments, administrative modernization, and digital technologies into public-sector management. The growing use of electronic information systems, digital public services, and data-based administrative mechanisms reflects a broader transition from traditional bureaucratic procedures towards more responsive and technologically supported governance [5].

The formation of the national public administration system should therefore be viewed as a continuous process rather than a one-time institutional reform. Its evolution has enabled Tajikistan to strengthen policy coordination, implement national development strategies, manage large-scale socioeconomic programs, and gradually increase the organizational capacity of the state to respond to changing domestic and international challenges.

7. Introduction of the National Currency and Strengthening of Monetary Sovereignty

The establishment of an independent monetary system constituted an essential component of Tajikistan's transition towards full economic sovereignty. A particularly important step in this process was the introduction of the somoni as the national currency in 2000, which provided the country with its own monetary instrument and reinforced the institutional foundations of the national economy.

The significance of the somoni went considerably beyond the replacement of the previously circulating currency. Its introduction enabled Tajikistan to exercise greater control over monetary regulation, money circulation, inflation-management mechanisms, and the functioning of the domestic financial system. It also strengthened the role of the National Bank

and contributed to the gradual formation of a banking sector operating within an independent national monetary framework [13].

The creation of a national currency system consequently became an important stage in consolidating the economic dimension of state independence. It provided additional instruments for macroeconomic management, supported the development of financial institutions, and created conditions for the subsequent expansion of banking services and monetary regulation. In this respect, the introduction and consolidation of the somoni can be regarded as one of the key institutional steps through which Tajikistan transformed political sovereignty into greater financial and economic autonomy.

8. Transition to a Market-Oriented Economic Model

The transformation of Tajikistan's economic system has been one of the most substantial structural changes of the independence period. Moving away from the centrally administered model inherited from the Soviet era required the gradual creation of new legal, institutional, and financial mechanisms capable of supporting market-based economic relations and a more diversified system of ownership.

The transition required the establishment of institutions capable of regulating market relations, protecting different forms of ownership and creating a legal environment for contractual and commercial activity. Reforms in property relations, taxation, banking, investment regulation and enterprise governance gradually created mechanisms that differed fundamentally from those of the centrally administered economy inherited at independence.

The emergence of price-based allocation, greater autonomy of enterprises, competition and a progressively more developed financial system changed the way economic decisions were made. Although the transformation has remained gradual and the state continues to play an important strategic and regulatory role, the institutional foundations of a market-oriented economy have become an established feature of Tajikistan's contemporary economic system.

The transition to a market-oriented economy should therefore be understood as a long-term institutional transformation rather than a single reform measure. Its broader significance lies in the gradual formation of an economic environment in which private initiative, investment, competition, and entrepreneurship increasingly complement the regulatory and strategic role of the state. This evolving model has provided an important foundation for economic diversification, modernization, and the pursuit of sustainable growth [11].

9. Sustained Economic Growth and Expansion of the National Economy

The expansion of economic activity represents one of the most visible dimensions of Tajikistan's transformation during the independence period. This progress has taken place in an environment shaped by major structural adjustments and recurring external pressures, including fluctuations in international markets, regional economic disturbances and

successive periods of global financial and geopolitical uncertainty. Against this background, maintaining relatively high growth rates has been particularly important for strengthening the country's development capacity.

Tajikistan demonstrated strong economic performance in 2025. According to both official national statistics and World Bank data, real GDP increased by 8.4 percent during the year. The World Bank estimates the value of the country's gross domestic product at approximately USD 17.66 billion in current prices in 2025, compared with about USD 860.5 million in 2000. Thus, when expressed in current US dollars, the nominal size of the economy increased by more than twenty times over a quarter of a century. Final national reporting for 2025 subsequently placed GDP at approximately 176.9 billion somoni.

The importance of this achievement extends beyond the increase in the monetary value of economic output. Growth has been accompanied by changes in the productive structure of the economy, including the expansion of industrial production, construction, agriculture, trade and services, as well as continued development of transport, energy and other strategic infrastructure. In 2025 alone, investment in fixed capital reached approximately 28.7 billion somoni, representing an increase of 23 percent compared with 2024, according to official national data [13].

The longer-term significance of these developments becomes especially apparent when compared with the severe economic disruption experienced during the initial years of independence. Tajikistan has progressed from a period of contraction and institutional instability towards an economy capable of sustaining comparatively high rates of real growth and supporting increasingly ambitious development programs. The central challenge for the next stage will be to translate this momentum into higher productivity, greater diversification of domestic production, technological advancement, productive employment and sustained improvements in household welfare.

10. Significant Reduction of Poverty and Improvement of Living Standards

One of the most important social outcomes of Tajikistan's development during the independence period has been the substantial reduction in poverty and the gradual improvement of household living conditions. This progress is particularly significant when viewed against the severe socioeconomic difficulties that characterized the country during the first years of independent statehood.

According to official data presented by the President of the Republic of Tajikistan, the national poverty rate declined from approximately 83 percent in 1999 to 21.2 percent in 2023, and by 2025 it had fallen further to 19 percent. This represents a reduction of approximately 64 percentage points over slightly more than a quarter of a century and constitutes one of the

clearest indicators of the long-term improvement in the socioeconomic well-being of the population [13].

The decline in poverty has been associated with sustained economic growth, increasing household incomes, expansion of employment and entrepreneurial activity, development of agriculture and services, higher wages and pensions, and the implementation of state social-support programs. Improvements in transport, energy, education, healthcare, and other forms of public infrastructure have also contributed to raising living standards and expanding access to essential services.

At the same time, poverty reduction remains an ongoing development priority. The next stage requires greater emphasis on productive domestic employment, higher labor productivity, regional economic development, professional skills, and more inclusive distribution of the benefits generated by economic growth. Nevertheless, the reduction of the national poverty rate from more than four-fifths of the population at the end of the 1990s to approximately one-fifth by 2025 demonstrates the scale of the socioeconomic transformation achieved during the independence period.

11. Establishment of a Long-Term Strategic Development Framework

An important feature of Tajikistan's development during the independence period has been the gradual transition from predominantly short-term responses to socioeconomic challenges towards a more systematic model of long-range national planning. This approach has enabled the country to define development priorities beyond individual projects or annual programs and to coordinate economic, social and institutional reforms within a broader strategic framework.

A central document in this process is the National Development Strategy of the Republic of Tajikistan for the Period up to 2030 (NDS-2030). The Strategy establishes improvement of the population's living standards through sustainable economic development as its overarching objective and identifies four major national priorities: ensuring energy security, improving the country's communication and transport connectivity, strengthening food security and nutrition, and expanding productive employment.

The significance of NDS-2030 lies not only in defining sectoral objectives but also in introducing an integrated approach to national development. Economic competitiveness, industrialization, efficient use of national resources, human-capital development, institutional improvement and innovation are treated as interconnected components of a single development model. The Strategy also reflects Tajikistan's commitments under the 2030 Agenda for Sustainable Development, thereby linking domestic priorities with internationally agreed Sustainable Development Goals [5].

The establishment of such a long-term planning framework represents an important stage in the institutional evolution of independent Tajikistan. It has provided a basis for translating national priorities into medium-term programs, sectoral strategies and concrete development measures. In this respect, strategic planning has become an essential mechanism for ensuring greater continuity of public policy and directing available resources towards the country's long-term socioeconomic objectives.

12. Development of Hydropower as a Strategic National Resource

Tajikistan's abundant water resources have given hydropower a distinctive place in the country's long-term development model. In a predominantly mountainous territory with extensive river systems and substantial elevation differences, the energy potential of water represents not merely a source of electricity, but a strategic asset capable of supporting industrial development, energy security, regional connectivity and the transition towards a low-carbon economy.

According to official national data, Tajikistan's annual hydropower potential is estimated at approximately 527 billion kWh, while only about 5 percent of this resource is currently utilized. At the same time, approximately 98 percent of the country's electricity is generated from hydropower, giving renewable energy an exceptionally large share in the national electricity mix.

The further development of this resource has therefore become closely connected with the strategic objective of strengthening national energy independence. Construction of new generating facilities, modernization of existing hydropower plants and expansion of transmission infrastructure are intended not only to satisfy growing domestic demand but also to increase the reliability of electricity supply and create additional opportunities for regional electricity trade. Tajikistan has also announced the objective of moving towards electricity generation entirely from renewable energy sources by 2032.

At the same time, the strategic value of hydropower must increasingly be considered in relation to climate resilience. Electricity generation depends on river flows that are influenced by snow and glacier systems, making long-term water availability and seasonal variability important factors in energy planning. Consequently, the future development of Tajikistan's hydropower sector will require not only expansion of generating capacity but also modernization, efficient water management, climate adaptation and diversification within the broader renewable-energy system [12].

Viewed in this context, hydropower constitutes one of Tajikistan's most important comparative advantages. Its responsible development can simultaneously contribute to energy security, industrialization, lower-carbon growth and greater integration of Tajikistan into the emerging regional market for renewable electricity.

13. Construction of the Rogun Hydropower Plant

The construction of the Rogun Hydropower Plant represents one of the most ambitious infrastructure undertakings of independent Tajikistan and occupies a central place in the country's long-term energy strategy. Located on the Vakhsh River, the project is designed not simply as an additional generating facility, but as a transformative element of the national electricity system with substantial economic and regional implications.

A major milestone was reached when the first generating units began producing electricity in 2018 and 2019. Their commissioning enabled Rogun to contribute electricity to the national grid even while construction of the broader hydropower complex continued. The project has since entered increasingly technically demanding stages involving the main dam, underground facilities, hydraulic structures, generating equipment and associated transmission infrastructure.

Upon completion, the Rogun Hydropower Plant is expected to have an installed generating capacity of approximately 3,780 MW and to produce around 14,400 GWh of renewable electricity annually. This additional generation capacity is intended to improve the reliability of domestic electricity supply, substantially reduce recurring winter shortages and provide the energy base required for further industrial and economic expansion [12].

The significance of Rogun also extends beyond Tajikistan's domestic energy system. Future surplus electricity is expected to support cross-border electricity trade with neighboring states, particularly Kazakhstan and Uzbekistan, thereby contributing to the development of a more integrated regional electricity market and the wider substitution of fossil-fuel-based generation with renewable energy.

International participation in the financing of the project has expanded considerably in recent years. In June 2026, the World Bank approved an additional USD 300 million for the second phase of its financing program, bringing its total support for the Rogun project to approximately USD 650 million. The participation of international financial institutions and development partners has strengthened the project's financing framework while placing increased emphasis on technical quality, dam safety, environmental standards, social safeguards and long-term fiscal sustainability.

By the 35th anniversary of State Independence, Rogun had therefore evolved from a national construction project into a strategic energy initiative with both domestic and regional significance. Its completion is expected to strengthen Tajikistan's energy security, expand the country's renewable-generation capacity, support industrial development and enhance its role in the emerging electricity market of Central Asia.

14. Modernization and Expansion of the National Energy Infrastructure

The transformation of Tajikistan's energy sector during the independence period has extended far beyond the construction of individual large-scale facilities. A parallel process of rehabilitation, technological renewal and expansion has affected existing hydropower plants, electricity substations, transmission networks and decentralized renewable-energy facilities, gradually increasing the capacity and reliability of the national power system.

One of the most significant examples of this modernization has been the comprehensive rehabilitation of the Kayrakkum Hydropower Plant. Following the completion of modernization works on all six generating units in 2025, the plant's installed capacity increased from approximately 114 MW to 174 MW. The project involved not only replacement of generating equipment but also modernization of transformers, control systems, switchgear and other critical components, thereby extending the operational life and improving the efficiency of one of the country's established hydropower facilities.

Further expansion has taken place in the eastern mountainous regions of Tajikistan, where decentralized generation and stronger transmission infrastructure are particularly important because of difficult terrain and dispersed settlements. In June 2025, the Sebzor Hydropower Plant, with an installed capacity of 11 MW, entered operation in the Gorno-Badakhshan Autonomous Region. Its expected annual generation exceeds 77 million kWh, strengthening electricity supply in the region and increasing local renewable-energy capacity.

During the same period, new substations, high-voltage transmission lines and several small hydropower and solar facilities were commissioned in remote areas of Gorno-Badakhshan. Among them was the Jangal 110/35/10 kV substation, together with new transmission infrastructure designed to improve the stability of electricity supply to Rushon and neighboring districts. Such projects are particularly important in mountainous territories, where local generation and resilient transmission networks can substantially reduce the vulnerability of communities to interruptions in electricity supply.

The cumulative effect of investment in new generating capacity and the modernization of existing facilities is visible in national electricity-production indicators. Official data show that electricity generation increased from approximately 17.2 billion kWh in 2015 to 24.2 billion kWh in 2025, an increase of about 40 percent over the decade. Modernization of existing power stations alone has added approximately 200 MW of generating capacity.

These developments demonstrate that Tajikistan's energy strategy is based on a combination of large-scale construction, rehabilitation of existing assets and expansion of decentralized renewable generation. Such an integrated approach is gradually strengthening the technical resilience of the national electricity system, improving access to reliable energy

in remote regions and creating additional capacity for the country's longer-term objectives in industrial development, energy security and green economic growth.

15. Progress towards National Energy Independence

Achieving a reliable and increasingly self-sufficient energy system has remained one of Tajikistan's principal strategic objectives throughout the independence period. For a country whose economic modernization, industrial development and social welfare depend heavily on stable electricity supply, strengthening energy security has acquired significance far beyond the boundaries of the power sector itself.

Over the past decades, Tajikistan has systematically expanded domestic generating capacity, reconstructed major hydropower facilities and strengthened electricity transmission and distribution infrastructure. According to official data, 36 state investment projects with a total value of approximately 89 billion somoni have been implemented during the independence period to increase electricity-production capacity, modernize the national energy system and improve the efficiency of electricity use.

The strategic result of these cumulative investments has been a gradual strengthening of the country's ability to cover domestic electricity demand and reduce the severity of seasonal shortages. Continued construction of Rogun, improved network management, energy-efficiency measures and the introduction of additional renewable capacity are intended to close the remaining seasonal gap and create a more stable year-round supply system.

Energy independence, however, should not be understood solely as an increase in electricity generation. It also requires reduction of technical and commercial losses, modernization of transmission and distribution networks, more efficient consumption and diversification of renewable generating sources. These priorities are reflected in the Electric Power Sector Development Program for 2026-2030, which envisages major additions to hydropower and solar capacity, restoration of existing generating potential and substantial reductions in network losses.

Official national projections associate the next major stage of energy independence with the commissioning of additional capacity at the Rogun Hydropower Plant in 2027. If these objectives are achieved, Tajikistan will be in a considerably stronger position to meet growing domestic electricity demand, support accelerated industrialization and increase its participation in regional electricity trade [12].

Thus, the strengthening of energy independence represents not a single completed achievement but a cumulative result of decades of investment in generation, infrastructure and institutional reform. The progress already achieved has established a substantially stronger foundation for reliable domestic electricity supply and for the transition towards a more resilient, renewable and regionally integrated energy system.

16. Transformation of the National Road Network and Internal Connectivity

The modernization of Tajikistan's road infrastructure has fundamentally altered the country's internal and external connectivity during the independence period. For a predominantly mountainous state, where difficult terrain historically complicated year-round movement between regions, transport infrastructure has acquired strategic importance not only for mobility but also for economic integration, territorial cohesion and access to markets and public services.

Over the years of independence, major sections of the national road network have been reconstructed or newly built, while bridges, tunnels, avalanche-protection galleries and other engineering structures have substantially improved the reliability of transport across mountainous areas. These investments have reduced the dependence of individual regions on seasonal routes and strengthened permanent transport links between different parts of the country.

According to the Ministry of Transport, Tajikistan's overall road network currently extends for approximately 27,243 kilometers, including around 14,314 kilometers of public roads. Of these, approximately 3,384 kilometers are classified as roads of international importance, 2,182 kilometers as republican roads and 8,748 kilometers as local roads. The scale and structure of this network demonstrate the increasingly important role of road transport in supporting domestic mobility and regional economic activity.

The pace of road development remained substantial in 2025. During that year, approximately 236 kilometers of highways and associated road facilities constructed in accordance with international requirements were commissioned at a total cost exceeding 5.4 billion somoni. Among the principal projects were the Obigarm-Nurobod and Rogun road sections with a combined length of 87 kilometers, the 109-kilometer Kalaikhumb-Vanj road, and 40 kilometers of international roads in Sughd Region.

The broader significance of road modernization lies in its effect on the economic geography of the country. More reliable transport connections reduce travel time and logistical costs, facilitate movement of agricultural and industrial goods, improve access to education and healthcare, and create new opportunities for tourism, trade and private-sector activity. In remote mountainous regions, improved roads also strengthen social inclusion by reducing the physical isolation of communities [13].

Thus, the transformation of the road network should be regarded not simply as an accumulation of infrastructure projects, but as an important component of Tajikistan's territorial and economic integration. By improving year-round connectivity within the country and strengthening links with neighboring states, road development has contributed directly to

the strategic objective of overcoming communication isolation and gradually transforming Tajikistan into a more interconnected transit-oriented economy.

17. Development of Tunnels, Bridges and Mountain Transport Engineering

The geographical characteristics of Tajikistan have made transport construction one of the most technically demanding areas of national infrastructure development. High mountain ranges, narrow river valleys, steep slopes, seasonal snowfall, avalanches and rockfall risks historically complicated movement between different regions of the country. During the independence period, these natural constraints increasingly became the subject of large-scale engineering solutions rather than permanent barriers to mobility.

A particularly important component of this transformation has been the construction of modern road tunnels. The national road system currently includes several major tunnel facilities, among them Istiklol (4,996 m), Shahrison (5,253 m), Khatlon (4,450 m), Ozodi (2,223 m) and Dusti (1,047 m). Together, these five tunnels extend for almost 18 kilometers and have significantly improved the reliability of transport through some of the country's most difficult mountainous sections.

Their importance is not limited to reducing physical distance. Tunnels have made road connections less dependent on high-altitude passes and adverse winter conditions, shortened journey times, reduced fuel consumption and strengthened year-round accessibility between regions. The Istiklol and Shahrison tunnels, in particular, became essential components of the transport corridor connecting the northern part of Tajikistan with Dushanbe and the central and southern regions of the country.

The scale of mountain engineering has continued to increase in recent years. On the reconstructed Kalaikhumb-Vanj section of the Dushanbe-Kulob-Khorog-Kulma-China highway, two tunnels with a combined length of approximately 5.2 kilometers substantially changed travel conditions. Their construction shortened the route by about 16.5 kilometers and reduced travel time across the relevant section from approximately four and a half to five hours to less than two hours. Avalanche-protection galleries, retaining structures and other protective facilities incorporated into the project have also strengthened the safety and year-round reliability of the route.

The year 2025 marked another significant stage in this process. Within major state transport projects, 30 large and small bridges, five tunnels and six avalanche-protection corridors with a combined length of approximately 13 kilometers were commissioned together with new road sections meeting international requirements. At the same time, construction began on a 920-meter bridge across the Rogun Hydropower Plant reservoir, designed to become the longest bridge of its kind in the country, as well as three additional road bridges with a combined length of 368 meters [5].

These projects illustrate an important qualitative change in Tajikistan's transport development. Infrastructure policy has progressively moved beyond conventional road construction towards complex mountain engineering capable of overcoming geological, climatic and spatial constraints. Tunnels, bridges and protective galleries have consequently become not merely individual transport facilities, but strategic instruments for territorial cohesion, economic integration and reliable year-round mobility.

For a mountainous country such as Tajikistan, the ability to create permanent transport connections through previously difficult or seasonally vulnerable terrain represents one of the most tangible infrastructure achievements of the independence period.

18. Accelerated Industrialization as a Strategic Direction of Economic Transformation

The growing role of industry marks an important structural shift in Tajikistan's economic development model. Rather than relying predominantly on traditional sectors and the export of primary resources, national economic policy has increasingly emphasized the expansion of domestic production, deeper processing of locally available raw materials, creation of higher-value-added products and development of a more diversified industrial base.

A decisive institutional step was taken when accelerated industrialization was designated as Tajikistan's fourth national strategic goal. To intensify this process, the period 2022-2026 was declared the "Years of Industrial Development", placing industrial expansion at the center of economic policy in the years leading to the 35th anniversary of State Independence.

The implementation of this strategic objective has produced measurable changes in the scale of the sector. According to official national data, during 2019-2025 more than 2,600 industrial enterprises were constructed and commissioned across the country, generating over 87,000 jobs. These facilities encompass a broad spectrum of activities, including food processing, textiles and garments, metallurgy, mining and mineral processing, construction materials, chemicals and other forms of manufacturing.

Industrial output has also expanded rapidly. In 2025, industrial enterprises and private producers generated approximately 66.7 billion somoni in output, with production increasing by 22.1 percent in comparable prices compared with the previous year. Manufacturing accounted for approximately 34.6 billion somoni, while output from the mining sector exceeded 20 billion somoni. The latter recorded particularly strong growth, whereas manufacturing continued to expand production in food processing, textiles, metallurgy, construction materials and other branches [1].

The strategic significance of industrialization extends beyond the numerical growth of production. Expansion of domestic processing can reduce dependence on imports, increase the proportion of locally produced finished goods, strengthen the export base and create

employment outside traditional sectors of the economy. It also generates linkages with agriculture, transport, energy, construction and services, thereby multiplying the economic effects of investment in productive capacity.

At the same time, the next phase of industrial transformation requires greater emphasis on technological modernization, energy efficiency, productivity, professional skills and the production of competitive goods with higher added value. The objective is therefore not simply to increase the number of enterprises, but to develop a more technologically advanced and diversified industrial structure capable of strengthening Tajikistan's long-term economic resilience and competitiveness.

In this context, accelerated industrialization represents a transition in the country's development strategy: from the expansion of basic productive capacity towards the formation of a modern economy in which domestic processing, value creation and technologically equipped production assume an increasingly important role.

19. Expansion of Entrepreneurship and the Growing Role of the Private Sector

The emergence of a broad entrepreneurial sector represents one of the most important changes in Tajikistan's economic structure during the independence period. The gradual expansion of private initiative has altered the relationship between the state and the economy, creating an increasingly important space for individual entrepreneurship, privately owned enterprises, investment activity and market-based employment.

The scale of this transformation is reflected in the growing number of active economic entities. According to the Agency on Statistics under the President of the Republic of Tajikistan, by 1 April 2025 approximately 376.7 thousand active business entities were registered nationwide, representing an increase of 18.2 thousand, or 5.1 percent, compared with the corresponding period of the previous year. Of this total, more than 335 thousand were active individual entrepreneurs, including those engaged in agriculture, trade, services and other forms of economic activity.

More importantly, the private sector has acquired a substantial position within the national economy as a whole. According to official data presented by the President of the Republic of Tajikistan, the private sector currently accounts for approximately 80 percent of national production and around 70 percent of employment. These figures demonstrate that entrepreneurship has evolved from a relatively limited component of the economy during the early years of independence into one of the principal mechanisms of production, income generation and job creation.

This expansion has occurred across a wide range of sectors. Private enterprises and individual entrepreneurs are increasingly active in agriculture, manufacturing, construction, transport, trade, tourism, financial and professional services, information technologies and

other areas of the economy. Their participation has contributed to a more diversified economic structure while creating additional channels for investment, innovation and local employment.

Institutional reforms have accompanied this process. Business-registration procedures have been simplified, tax administration has increasingly moved towards digital platforms, and measures have been introduced to reduce administrative barriers and unnecessary inspections. In addition, national policy has placed greater emphasis on improving access to financial resources, technologies, information, public services and investment opportunities for private businesses. The Investment Attraction Strategy of the Republic of Tajikistan up to 2040 further reflects the intention to strengthen cooperation between the state and private investors and improve the long-term investment environment [1].

The development of entrepreneurship nevertheless remains an evolving process. Further expansion of the private sector will depend on stronger competition, improved access to affordable finance, protection of investment, greater technological adoption, professional management skills and wider participation of small and medium-sized enterprises in domestic and international value chains. Particular importance should be attached to productive entrepreneurship capable of generating formal employment and producing competitive goods and services.

Thus, the expansion of entrepreneurship during the independence period represents more than an increase in the number of registered businesses. It reflects a deeper structural transformation in which private economic initiative has become one of the principal drivers of production, employment, investment and economic diversification in contemporary Tajikistan.

20. Modernization of Agriculture and Strengthening of Food Security

The transformation of agriculture has become an important component of Tajikistan's socioeconomic development during the independence period. Given the sector's role in rural employment, household incomes and domestic food supply, agricultural policy has increasingly focused not only on expanding production but also on improving productivity, diversifying output and strengthening the economic independence of agricultural producers.

Over the past decades, the structure of the sector has changed considerably. The expansion of dehkan and household farming has increased the role of private initiative, while horticulture, vegetable production, livestock breeding and other agricultural activities have become more diversified. At the same time, rehabilitation of irrigation infrastructure, development of new agricultural land and wider application of modern cultivation methods have contributed to more intensive use of available land and water resources.

The results are reflected in recent production indicators. According to final official data, the total value of agricultural output reached approximately 84.65 billion somoni in 2025, representing an increase of 9.5 percent compared with the previous year. Crop production

accounted for about 56.59 billion somoni, while livestock production amounted to approximately 28.07 billion somoni.

Growth in domestic agricultural production has also contributed to progress towards one of Tajikistan's principal strategic objectives – strengthening food security. Official national assessments indicate that the level of food-security provision increased from approximately 60 percent in 2015 to 85 percent in 2025.

The significance of this achievement extends beyond the expansion of agricultural output itself. Greater domestic production reduces vulnerability to external food-market fluctuations, strengthens rural economies and creates opportunities for the development of food processing, storage, logistics and agricultural exports. At the same time, further modernization will require more efficient irrigation, wider use of water-saving technologies, improved agricultural processing and storage, higher productivity and stronger adaptation to climate-related risks [1].

Thus, agricultural development during the independence period has gradually evolved from the restoration and expansion of basic production towards a more diversified and market-oriented model. This transformation has strengthened both the productive capacity of rural areas and Tajikistan's ability to improve national food security through greater reliance on domestic agricultural resources.

21. Large-Scale Transformation of Cities and Rural Areas

The physical transformation of Tajikistan's cities, districts and rural settlements has become one of the most visible manifestations of development during the independence period. Construction and reconstruction have extended well beyond major urban centers, encompassing housing, municipal roads, administrative and service facilities, cultural and recreational spaces, parks, landscaping projects and other elements of the built environment throughout the country.

This process has acquired particular momentum in the period leading to the 35th anniversary of State Independence. Within the nationwide program of construction and improvement associated with the anniversary, approximately 29,000 facilities of various social, economic and infrastructural purposes were planned. By 1 May 2025, more than 20,200 facilities had already been completed, representing about 70 percent of the planned program at that stage.

The nationwide construction program has combined large public projects with locally implemented improvement initiatives. New residential areas, renovated central streets, public-service facilities, cultural and recreational spaces, lighting, landscaping and other forms of municipal infrastructure have progressively changed the appearance and functionality of settlements in different regions of the country.

Dushanbe provides a particularly visible example of contemporary urban transformation. In 2025 alone, approximately 60 kilometers of urban roads were reconstructed and resurfaced, while major residential, administrative, cultural and public-space projects continued to reshape the capital. Nationwide, residential, social and service facilities with a total area of about 713,000 square meters were brought into use during the same year.

At the same time, improvement programs have increasingly extended to smaller towns and remote settlements. Reconstruction of local roads, administrative and cultural facilities, public spaces, utilities and service infrastructure has improved the physical environment of many communities. In several projects, contemporary construction methods have been combined with elements of national architectural traditions, reflecting an effort to integrate modernization with cultural identity.

The significance of this transformation therefore lies not merely in the number of buildings constructed. The modernization of settlements has contributed to improved living conditions, greater accessibility of education and healthcare, development of local economic activity and the creation of more functional public spaces. From this perspective, the extensive renewal of urban and rural infrastructure represents an important spatial dimension of Tajikistan's broader socioeconomic transformation during the years of independence.

22. Modernization of Healthcare and Expansion of Medical Infrastructure

The modernization of healthcare has become an important social dimension of Tajikistan's development during the independence period. Population growth, changing patterns of disease and increasing public expectations have required the expansion of medical infrastructure, stronger financing, improved professional capacity and wider access to contemporary diagnostic and treatment services.

Public investment in the sector has increased substantially. In 2025, approximately 4.3 billion somoni from the state budget was directed to healthcare development, representing an increase of 24.1 percent compared with 2024. During the same year, 113 healthcare facilities were constructed and commissioned, while 301 institutions underwent major repair or reconstruction.

The longer-term financing trend is equally significant. Official data indicate that state-budget expenditure on healthcare rose from approximately 1.037 billion somoni in 2015 to more than four times that level by 2025. Over the decade, a cumulative 26.3 billion somoni was allocated to the sector, supporting the expansion of facilities, equipment, medical services and institutional capacity.

Broader demographic indicators also point to improvements in living and health conditions. Between 2015 and 2025, life expectancy in Tajikistan increased from approximately 70 to 77 years. This change cannot be attributed to healthcare policy alone, but it provides an important

aggregate indicator of progress associated with medical services, living standards, sanitation, nutrition and other social determinants of health [1].

The next phase of healthcare modernization will depend increasingly on quality rather than infrastructure alone. Strengthening primary healthcare, professional training, preventive medicine, pharmaceutical capacity, digital health systems and equitable access to qualified services in rural and mountainous areas will be essential for translating expanded investment into sustained improvements in population health.

23. Expansion, Modernization and Internationalization of the National Education System

The development of education has become one of the central pillars of Tajikistan's human-capital policy during the independence period. Demographic growth, economic transformation and the increasing demand for qualified specialists have required not only a substantial expansion of educational capacity but also modernization of curricula, professional training, technological competencies and stronger integration of the national education system into the international academic environment.

Considerable progress has been achieved at the level of general and preschool education. By the end of 2025, Tajikistan had 4,056 general education institutions, while during that year alone 214 schools, additional educational buildings and classrooms providing places for approximately 99,000 pupils were commissioned. The preschool network expanded to 795 institutions, complemented by 3,154 child development centers serving approximately 182,700 children. This growth has helped increase access to education in response to the country's rapidly expanding school-age population.

Higher education has undergone an equally significant institutional transformation. At the beginning of independence, Tajikistan had only 13 higher educational institutions with approximately 65,000 students. By 2025, the number of higher professional education institutions had increased to 51, while the student population exceeded 226,000. The contemporary system encompasses universities, institutes, academies, specialized institutions and branches of foreign and domestic universities, offering training across an increasingly diverse range of economic, scientific, technological and social disciplines.

The expansion of the education system has been supported by substantial public investment. During the first 34 years of independence, approximately 73.6 billion somoni was allocated to education through the state budget and public investment projects. This commitment has continued to grow: the 2026 state budget provides almost 14 billion somoni for education, representing an increase of 25.4 percent compared with 2025 and approximately 5.5 times the amount allocated in 2015.

Modernization has increasingly extended beyond physical infrastructure. National educational policy has placed greater emphasis on natural and exact sciences, foreign-language proficiency, information technologies, innovation and professional competencies required by a changing economy. Particular attention has also been directed towards strengthening mechanisms for assessing educational quality. In 2025, the Government considered the National Strategy for Assessing the Quality of Education for the Period up to 2044, aimed at improving national standards and creating conditions for participation in international assessments of educational outcomes.

Professional and vocational education has similarly acquired greater strategic importance. Modernization of vocational institutions, introduction of new specialties and training programs, and stronger emphasis on practical competencies are intended to align educational outcomes more closely with the requirements of industrialization, technological development and the domestic labor market.

A further dimension of this transformation has been the growing internationalization of higher education. Tajik universities have expanded cooperation with foreign universities, research institutions and international organizations through academic mobility, joint educational initiatives, scientific conferences, professional internships and research partnerships. More than 42,000 citizens of Tajikistan are studying in 42 countries, reflecting the increasing geographical scope of international educational mobility [1].

The growing international dimension of education has strategic significance for the modernization of the national system. Academic mobility and institutional partnerships facilitate access to new teaching methodologies, research practices, technologies and professional standards, while creating opportunities for joint and double-degree programs, internationally accredited curricula, collaborative research and integration into wider academic networks.

Thus, the transformation of education during the independence period encompasses far more than the numerical expansion of schools and universities. Tajikistan has gradually developed a broader educational model combining increased accessibility, substantial public investment, professional and technological modernization, quality improvement and international academic cooperation. Strengthening these interconnected dimensions will remain essential for the development of human capital, innovation capacity, productive employment and the long-term competitiveness of the national economy.

References

1. Emomali Rahmon Address of the President of the Republic of Tajikistan on the Main Directions of the Domestic and Foreign Policy of the Republic of Tajikistan, 16 December

2025. – Dushanbe, 2025. – Text: electronic // Official website of the President of the Republic of Tajikistan. – URL: <https://www.president.tj/event/news/54187> (accessed: 01.09.2026).

2. Constitution of the Republic of Tajikistan: adopted by nationwide referendum on 6 November 1994. – Text: electronic // Official website of the President of the Republic of Tajikistan. – URL: <https://www.president.tj/constitution> (accessed: 04.09.2026).

3. Expanded Meeting of the Government of the Republic of Tajikistan: Results of the Socio-Economic Development of the Country in 2025 and Key Objectives for 2026, 23 January 2026. – Dushanbe, 2026. – Text: electronic // Official Website of the President of the Republic of Tajikistan. – URL: <https://www.president.tj/event/news/54694> (accessed: 28.08.2026).

4. General Agreement on the Establishment of Peace and National Accord in Tajikistan: signed in Moscow on 27 June 1997. – Text: electronic // United Nations Peacemaker. – URL: <https://peacemaker.un.org/en/node/9402> (accessed: 02.09.2026).

5. National Development Strategy of the Republic of Tajikistan for the Period up to 2030. – Dushanbe, 2016. – Text: electronic // Ministry of Economic Development and Trade of the Republic of Tajikistan. – URL: <https://medt.tj/en/strategy-and-programmes/nds2030/58-nsr2030> (accessed: 07.09.2026).

6. Proclamation of State Independence of the Republic of Tajikistan. – Text: electronic // Official website of the President of the Republic of Tajikistan. – URL: https://www.president.tj/tajikistan/proclamation_of_state_independence (accessed: 04.09.2026).

7. Akunova, G. Ch. Features of Water Diplomacy in Central Asia // Post-Soviet Issues. – 2021. – Vol. 8, No. 2. – P. 229-241. – DOI: 10.24975/2313 8920 2021 8 2 229 241.

8. Bachinin, V. A. Environmental Diplomacy as a Modern Direction of International Politics // Politics and Society. – 2021. – No. 5. – P. 25-34.

9. Kurbonova, Z. M. The Leader of the Nation and the Formation of Green Diplomacy of the Republic of Tajikistan / Z. M. Kurbonova // Monograph. – Dushanbe: Research Institute for Sustainable Development and Green Economy of the International University of Tourism and Entrepreneurship of Tajikistan, 2025. – 288 p.

10. Agency on Statistics under the President of the Republic of Tajikistan. More Than 2.1 Million Foreign Nationals Visited Tajikistan in 2025. – 26 February 2026. – Text: electronic // Agency on Statistics under the President of the Republic of Tajikistan. – URL: <https://www.stat.tj/en/more-than-2-1-million-foreign-nationals-visited-tajikistan-in-2025/> (accessed: 08.09.2026).

11. Decree of the President of the Republic of Tajikistan No. 911 of 8 January 2025 “On Declaring 2025–2030 the Years of Digital Economy and Innovation Development”. –

Dushanbe, 2025. – Text: electronic // Official Website of the President of the Republic of Tajikistan. – URL: <https://www.president.tj/event/documents/decrees/49416> (accessed: 05.09.2026).

12. World Bank. Advancing Energy Security and Jobs through the Transformative Rogun Hydropower Project. – 30 June 2026. – Text: electronic // World Bank. – URL: <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2026/06/30/advancing-energy-security-and-jobs-through-the-transformative-rogun-hydropower-project> (accessed: 03.09.2026).

13. World Bank. Tajikistan: Country Data. GDP, GDP Growth and Macroeconomic Indicators. – Text: electronic // World Bank Data. – URL: <https://data.worldbank.org/country/tajikistan> (accessed: 08.09.2026).

UDC 323(575.3)

Qurbonzoda Z.M. 35 years of independence – 35 major achievements of Tajikistan: a path of creation, sustainable development and national progress. Part II

Qurbonzoda Zulfiya Mahmadvani

Vice-Rector for Strategic Development and Quality Management
International University of Tourism and Entrepreneurship of Tajikistan
Doctor of Political Sciences, Professor

Abstract. *This article provides a comprehensive assessment of the transformation of the Republic of Tajikistan during the 35 years of State Independence from 1991 to 2026. The purpose of the study is to identify, systematize and analyze 35 major achievements that reflect the principal political, institutional, socioeconomic, infrastructural, cultural, technological and international dimensions of the country's development. The research is based on a comparative and systemic analysis of official statistical data, national development strategies, government documents, materials of the President of the Republic of Tajikistan, and data and resolutions of international organizations, including the United Nations, the World Bank and UNESCO. The study traces the evolution of Tajikistan from the establishment of sovereign statehood and post-conflict reconstruction to economic modernization, infrastructure development and poverty reduction, expansion of human capital, digital transformation, environmental policy and increasingly active participation in shaping the international agenda. The scientific novelty of the study lies in the integrated interpretation of the independence period through a framework of 35 interconnected achievements and in the proposed analytical periodization of national development from state-building and stabilization to reconstruction, modernization, sustainable development and international initiative-setting. The findings demonstrate that the most significant outcome of independence is not limited to individual sectoral achievements, but consists in the formation of institutional, economic and social foundations for long-term national development. The practical significance of the study lies in its potential use for academic analysis, policy assessment, educational materials and the preparation of analytical and informational publications concerning contemporary Tajikistan. The article concludes that future progress will increasingly depend on productivity, technological modernization, human-capital development, environmental resilience and effective international cooperation.*

Keywords: *Tajikistan, State Independence, sustainable development, state-building, economic modernization, infrastructure development, human capital, digital transformation, water diplomacy, international initiatives.*

Рецензент: Бюллер Елена Александровна – кандидат экономических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Адыгеский государственный университет»

24. Advancement of Women and Expansion of Their Role in Public and Economic Life

The growing participation of women in education, public administration, science, healthcare and entrepreneurship represents an important social transformation of the independence period. State policy has increasingly emphasized access to education, professional development, leadership opportunities and economic participation as mechanisms for strengthening the role of women in national development.

Official data illustrate the breadth of this participation. Women currently account for approximately 25 percent of civil servants, 73 percent of employees in education, 71 percent in healthcare, 47 percent in culture, 37 percent of scientific personnel and 30 percent of

entrepreneurs. More than 110,000 women are engaged in entrepreneurial activity, reflecting the growing contribution of women to private-sector development and household income generation.

Expansion of educational opportunities has been particularly significant. During the independence period, more than 280,000 girls and women graduated from higher educational institutions. More than 11,600 completed higher education through the Presidential quota mechanism, while over 35,000 women obtained higher education abroad. In the mid-2020s, women represented approximately 42 percent of students enrolled in higher professional education institutions [2].

These changes have broadened the presence of women in professions and spheres that were previously less accessible, including public administration, scientific research, business, engineering, security institutions and other specialized fields. The increasing number of educated and professionally active women has strengthened the country's human-capital base and expanded the range of participants in economic and institutional development.

Further progress will depend on increasing women's representation in senior decision-making positions, supporting productive entrepreneurship, ensuring equal access to professional advancement and reducing barriers that limit participation in high-growth and technology-intensive sectors. The achievements of the independence period nevertheless demonstrate a substantial expansion of women's educational, professional and economic opportunities.

25. Strengthening Science, Research and Innovation Capacity

The development of national scientific capacity has acquired increasing strategic importance in Tajikistan during the independence period. As economic modernization has accelerated and technological requirements have become more complex, scientific research, technical knowledge, innovation and the preparation of highly qualified specialists have increasingly been viewed as essential components of the country's long-term competitiveness.

An important institutional milestone was reached in 2020, when the Academy of Sciences was reorganized and granted the status of the National Academy of Sciences of Tajikistan. This reform strengthened the institutional position of the country's principal scientific organization and reflected a broader effort to improve coordination of research in the natural, technical, medical, agricultural, social and humanitarian sciences.

State support for scientific activity has also expanded. In 2024, public financing for science reached approximately 225 million somoni, an increase of 45 million somoni compared with the previous year. At the same time, national development policy envisages a gradual increase in total expenditure on science, with the National Development Strategy setting the

objective of bringing such spending to 1.5 percent of GDP by 2030. These measures indicate a shift towards treating research capacity not merely as an academic function but as an investment in technological and socioeconomic development.

Particular attention has been directed towards strengthening the natural, exact and mathematical sciences. The period 2020-2040 was declared the “Twenty Years of the Study and Development of Natural, Exact and Mathematical Sciences in the Fields of Science and Education.” This long-term initiative is intended to strengthen scientific thinking, stimulate interest in technical disciplines, encourage invention and innovation, and create a stronger foundation for the preparation of specialists capable of working with contemporary technologies.

The growing emphasis on innovation has also increased expectations that scientific institutions should contribute more directly to practical development. Research in engineering, energy, agriculture, medicine, environmental science and other applied fields is increasingly relevant to national modernization, while cooperation among research institutes, universities and productive sectors can strengthen the practical impact of scientific work.

Initiatives aimed at identifying and supporting young scientific talent have developed in parallel. National competitions such as “Ilm – Furughi Ma’rifat” encourage students, young researchers, engineers and inventors to engage with mathematics, physics, chemistry, biology, information technologies and other scientific disciplines, while promoting technical thinking and the practical application of research results [2].

The central challenge for the next stage is to strengthen the connection between scientific research and the real economy. Greater commercialization of research results, modern laboratory infrastructure, competitive research funding, international scientific collaboration and stronger cooperation between universities, research institutes and industrial enterprises will be essential if scientific knowledge is to generate measurable technological and economic value.

Thus, the strengthening of science during the independence period reflects a gradual transition from preserving national research institutions towards building a more innovation-oriented scientific environment. The combination of institutional reform, increased public support, development of exact and natural sciences, cultivation of young researchers and closer links between science and technology provides an important foundation for Tajikistan’s longer-term transition towards a knowledge- and innovation-driven economy.

26. Accelerating Digital Transformation and E-Government

Digital transformation has become one of the newest structural directions of Tajikistan’s modernization agenda. The increasing use of digital technologies in public administration,

finance, communications, education and business is gradually changing the mechanisms through which citizens, enterprises and state institutions interact.

A major policy milestone was the declaration of 2025-2030 as the “Years of Digital Economy and Innovation Development.” The initiative established a coordinated framework for accelerating the digitalization of the national economy and public services and for strengthening the legal, institutional and technological foundations required for a modern digital environment.

The national agenda encompasses several interconnected priorities: development of digital infrastructure, including advanced communications networks and data-processing capacity; creation of a comprehensive national data platform; wider digitalization of public services; expansion of cashless payments and e-commerce; development of information-technology specialists; and stronger cybersecurity mechanisms. These measures are intended to increase administrative efficiency, transparency and accessibility while reducing dependence on paper-based procedures.

Concrete institutional steps intensified in 2025. Government bodies were instructed to connect to interdepartmental information-integration systems, expand digital public services and introduce full electronic document flow in central state institutions. The transition towards e-government therefore increasingly involves interoperability between information systems rather than the isolated digitization of individual administrative procedures.

Digitalization also provides the technological foundation for more advanced forms of innovation. Reliable data infrastructure, digital identification, electronic services, professional IT skills and cybersecurity are prerequisites for the wider application of artificial intelligence and other emerging technologies. In this sense, digital transformation and artificial intelligence constitute related but distinct stages of technological modernization [2].

The long-term significance of this process will depend on the quality and inclusiveness of implementation. Expanding affordable connectivity, ensuring protection of personal and institutional data, improving digital literacy and developing interoperable public platforms will be essential for transforming digital technologies into sustained gains in productivity, service quality and economic competitiveness.

27. Advancing Artificial Intelligence as a National Priority and Global Initiative

Artificial intelligence has emerged as one of the newest dimensions of Tajikistan’s development agenda, reflecting the country’s broader transition towards digitalization, technological modernization and innovation-driven growth. In recent years, attention has increasingly shifted from the adoption of individual digital technologies towards the creation of an institutional environment capable of supporting artificial intelligence research, education, infrastructure, entrepreneurship and responsible governance.

This direction is reflected in Tajikistan's Strategy for Artificial Intelligence Development until 2040, which has positioned AI within the country's long-term technological agenda. The strategic approach emphasizes the development of digital infrastructure and professional competencies, the application of emerging technologies across different sectors of the economy and public administration, and the gradual creation of an innovation ecosystem capable of supporting domestic technological capacity.

Tajikistan's engagement in artificial intelligence has increasingly acquired a regional dimension. On 25 July 2025, the United Nations General Assembly adopted Resolution A/RES/79/322, "Role of Artificial Intelligence in Creating New Opportunities for Sustainable Development in Central Asia." The initiative was introduced by Tajikistan on behalf of the Central Asian states and represented an important step towards placing the technological development of the region on the international agenda [11].

The resolution encourages cooperation in AI education and professional training, international scientific research, knowledge and technology exchange, access to computing resources and the participation of small and medium-sized enterprises in the digital economy. It also recognizes the initiative to establish a Regional Artificial Intelligence Centre in Dushanbe, intended to contribute to AI capacity-building and the creation of new opportunities for sustainable development throughout Central Asia.

The regional initiative demonstrates an increasingly comprehensive understanding of artificial intelligence development. Rather than treating AI exclusively as a technological instrument, the proposed framework links it with human-capital formation, university and research cooperation, startup ecosystems, data and computing infrastructure, entrepreneurship and the development of approaches for safe, secure and trustworthy artificial intelligence systems. Such an approach reflects the growing importance of balancing technological innovation with responsible governance.

A further and particularly significant milestone was reached immediately before the 35th anniversary of State Independence. On 31 August 2026, the United Nations General Assembly adopted another resolution initiated by the Republic of Tajikistan – "International Day of Safe, Secure and Trustworthy Artificial Intelligence" (A/80/L.106). The resolution was supported by 144 Member States, with two voting against and three abstaining, and designated 31 August as an annual International Day beginning in 2027 [12].

The establishment of this International Day creates a recurring global platform for raising awareness of the opportunities and challenges associated with artificial intelligence, promoting international cooperation, exchanging experience and encouraging the development and use of AI systems that are safe, secure and trustworthy. The resolution also

calls for engagement by relevant United Nations agencies and organizations in supporting AI capacity-building and the observance of the International Day.

The sequence of the two United Nations initiatives is particularly noteworthy. The 2025 resolution placed Central Asian cooperation on artificial intelligence within the multilateral development agenda, whereas the 2026 initiative advanced the discussion to the global level by establishing an international observance dedicated specifically to responsible artificial intelligence. Together, they demonstrate the rapid evolution of Tajikistan's role from a participant in emerging technological discussions towards an initiator of international cooperation in this field.

From the perspective of the 35 years of independence, this development carries considerable symbolic significance. Tajikistan's international initiatives during earlier decades were strongly associated with peace, water resources, sustainable development and glacier preservation. The addition of artificial intelligence to this diplomatic agenda demonstrates an expansion into one of the defining technological issues of the twenty-first century.

Thus, the emergence of artificial intelligence as a strategic priority represents more than the adoption of a new technology. It reflects Tajikistan's growing emphasis on scientific capacity, digital skills, innovation infrastructure and responsible technological governance, while the establishment of the International Day of Safe, Secure and Trustworthy Artificial Intelligence marks an important contribution by the country to the evolving global dialogue on the future of AI.

28. Preservation and Global Recognition of Tajikistan's Cultural Heritage

The preservation of historical memory and cultural identity has constituted an important dimension of nation-building in Tajikistan throughout the independence period. Alongside political and economic transformation, considerable attention has been devoted to safeguarding archaeological monuments, architectural sites, literary traditions, music, traditional crafts, national celebrations and other forms of tangible and intangible heritage that reflect the historical continuity of Tajik civilization.

This policy has combined physical preservation with institutional and cultural development. Historical and cultural monuments have been restored, new museums, libraries, theatres and cultural institutions have been established, and mechanisms for the protection of heritage sites have gradually been strengthened. According to official national data, more than 100 historical and cultural monuments of national and international significance were repaired or reconstructed during the independence period. In addition, the country developed new cultural infrastructure, including theatres, museums, libraries, art schools, cultural palaces and recreational facilities, thereby expanding opportunities for the preservation and public presentation of national culture.

An increasingly important dimension of this process has been the international recognition of Tajikistan's heritage through UNESCO. As of 2026, Tajikistan has five properties inscribed on the UNESCO World Heritage List, comprising three cultural and two natural properties. These are the Proto-urban Site of Sarazm (2010), Tajik National Park (Mountains of the Pamirs) (2013), the transnational Silk Roads: Zarafshan-Karakum (2023), the Tugay Forests of the Tigrovaya Balka Nature Reserve (2023), and the Cultural Heritage Sites of Ancient Khuttal (2025) [6].

The inscription of the Cultural Heritage Sites of Ancient Khuttal in 2025 marked a particularly important addition to this international representation. The serial property comprises ten archaeological sites and one monument situated within the historical territory of Khuttal and reflects the region's significance between the seventh and sixteenth centuries. Its archaeological remains demonstrate the role of this area in Silk Roads trade and in the exchange of cultural, religious and technological traditions across Central Asia.

International recognition has expanded equally strongly in the field of intangible cultural heritage. By 2026, UNESCO records 13 elements associated with Tajikistan on the Representative List of the Intangible Cultural Heritage of Humanity. These include The Nawrouz celebration; Shashmaqom music; Oshi Palav and its social and cultural traditions; Chakan embroidery; Falak; sericulture and traditional silk production; the storytelling traditions associated with Nasreddin Hodja; the art of illumination; the Sada celebration; traditional knowledge and skills related to atlas and adras fabrics; the Ceremony of Mehrgon; the art of crafting and playing the rubab; the Culture of Sumanak/Sumalak cooking. Several of these elements are multinational nominations reflecting cultural traditions shared across Central Asia and neighboring regions.

The most recent national inscription, Culture of Sumanak/Sumalak cooking, was added to the Representative List in 2025. The tradition encompasses not only the preparation of a ceremonial dish from sprouted wheat but also communal participation, music, social interaction and intergenerational transmission associated particularly with Navruz celebrations. Its recognition illustrates how everyday cultural practices can function as carriers of collective memory, social cohesion and cultural identity.

The growing international recognition of Tajik heritage has implications extending beyond cultural preservation itself. UNESCO inscriptions contribute to cultural diplomacy, strengthen international awareness of Tajikistan's historical and civilizational heritage and provide additional opportunities for the development of cultural, archaeological, ecological and heritage-based tourism. At the same time, international status increases the responsibility to ensure effective conservation, professional management and sustainable use of recognized sites and traditions [7].

The preservation of intangible heritage is particularly important because many cultural traditions survive through continuous practice rather than through physical monuments. Music, craftsmanship, textile production, culinary traditions, celebrations and oral knowledge depend upon their transmission from one generation to another. Their international recognition therefore complements domestic efforts to maintain cultural continuity while allowing these traditions to develop within a changing social environment.

The progress achieved during the independence period demonstrates a gradual transition from the restoration and safeguarding of national heritage towards its systematic international presentation. Tajikistan's growing representation on UNESCO lists shows that cultural policy has increasingly acquired a diplomatic and developmental dimension, connecting the preservation of national identity with international cultural cooperation, education and sustainable tourism.

In this context, the protection and promotion of cultural heritage represents more than an effort to preserve the past. It serves as an instrument for strengthening historical consciousness, transmitting cultural knowledge to younger generations and presenting Tajikistan's contribution to the broader heritage of humanity. The combination of domestic preservation measures and expanding UNESCO recognition can therefore be regarded as one of the significant cultural achievements of the independence period.

29. Expansion of Sports Infrastructure and International Sporting Achievements

The development of sport has become an increasingly visible component of Tajikistan's social policy and international representation during the independence period. Investment in sports infrastructure has been combined with programs encouraging youth participation, healthy lifestyles and the professional development of athletes capable of competing at regional, continental and global levels.

The physical base of the sector has expanded considerably. Official national data indicate that more than 10,000 sports facilities were constructed during the years of independence, increasing access to stadiums, sports grounds, halls and specialized training facilities in cities and districts throughout the country. This expansion has created a substantially broader environment for both mass participation and professional training [2].

The broader significance of sports development lies in its social function. Accessible facilities and organized physical activity support public health, youth engagement and community participation, while international sporting success provides an additional channel for promoting the country abroad. The expansion of infrastructure and the accumulation of Olympic achievements can therefore be regarded as complementary dimensions of Tajikistan's progress in this field.

30. Development of Tourism and Expansion of the National Tourism Economy

Tourism has gradually evolved into an increasingly important component of Tajikistan's economic diversification and international positioning during the independence period. The country's combination of high-mountain landscapes, protected natural areas, archaeological sites, historical cities, traditional culture and distinctive national cuisine creates opportunities for a wide range of tourism activities and enables the sector to contribute simultaneously to entrepreneurship, regional development, employment and the international promotion of Tajikistan.

The institutional foundations for the sector were strengthened considerably in the late 2010s. In 2018, the Tourism Development Strategy of the Republic of Tajikistan for the Period up to 2030 was adopted, establishing a long-term framework for improving tourism infrastructure, service quality, investment conditions, professional training and the promotion of the country's tourism potential. The same year was declared the Year of Tourism Development and Folk Crafts, followed by the designation of 2019-2021 as the Years of Rural Development, Tourism and Folk Crafts. These initiatives linked tourism development with the modernization of rural infrastructure and the revival of traditional crafts.

The subsequent expansion of international arrivals illustrates the growing scale of the sector. According to the Agency on Statistics under the President of the Republic of Tajikistan, 2.1047 million foreign citizens visited the country in 2025. Of this number, approximately 1.7844 million were classified as tourists in accordance with the methodology of UN Tourism, representing an increase of 27.4 percent compared with 2024. The distinction between total foreign arrivals and persons statistically classified as tourists is important for accurately assessing the development of the sector.

Tourism infrastructure has expanded alongside visitor numbers. In 2025, 194 registered tourism companies and 225 hotels operated throughout the country. The accommodation network also included 63 hostels and motels, 56 sanatoriums, six medical and wellness centers, ten holiday homes and several tourism and recreational facilities. Revenue generated by the relevant service-sector entities exceeded 798 million somoni during the year [2].

The economic significance of tourism is particularly important for mountainous and rural regions, where opportunities for large-scale industrial activity may be limited. Adventure and mountain tourism, ecotourism, cultural and archaeological tourism, health and wellness tourism, gastronomic tourism and community-based tourism can generate demand for accommodation, transport, guiding services, handicrafts, agricultural products and other locally provided goods and services. Tourism therefore has the potential to distribute economic activity beyond the principal urban centers and to create additional income opportunities for local communities.

Tajikistan's natural geography provides a particularly strong basis for specialized tourism. The Pamir and Fan Mountains, high-altitude lakes, glaciers, protected landscapes and the Pamir Highway create opportunities for mountaineering, trekking, cycling, ecological and adventure tourism. At the same time, archaeological monuments, UNESCO-recognized heritage sites, traditional festivals, music, crafts and cuisine support the expansion of cultural and heritage-based tourism.

The next stage of development will depend increasingly on the quality rather than simply the quantity of tourism growth. Improving transport accessibility, accommodation standards, professional training, digital tourism services, international marketing, destination management and environmental sustainability will be essential for increasing visitor expenditure and extending the duration of stays. Particular attention will also be required to ensure that tourism development does not undermine the natural and cultural resources upon which the sector itself depends.

Thus, the transformation of tourism during the independence period reflects a transition from a relatively limited sector towards a more structured and diversified component of the national economy. Growing visitor numbers, expansion of tourism infrastructure and the emergence of specialized forms of travel demonstrate Tajikistan's increasing capacity to convert its natural, historical and cultural resources into opportunities for sustainable economic development and stronger international visibility.

31. Environmental Protection, Biodiversity Conservation and the Green Economy Transition

Environmental protection has acquired increasing strategic importance in Tajikistan as the country seeks to reconcile economic development with the conservation of its mountain ecosystems, forests, biodiversity and water resources. During the independence period, environmental policy has gradually evolved from the protection of individual natural sites towards a broader approach combining conservation, climate adaptation and principles of green economic development.

One of the clearest indicators of this shift is the expansion of specially protected natural areas. Official data show that their total area increased from approximately 420,000 hectares at the beginning of the independence period to around 3.1 million hectares, equivalent to about 22 percent of the national territory. This expansion has significantly increased the share of land placed under various forms of environmental protection.

The protected-area system now includes nature reserves, natural parks, a biosphere reserve and other conservation territories designed to safeguard representative ecosystems and vulnerable species. In 2024, Tajikistan also joined the International Union for Conservation

of Nature, creating additional opportunities for cooperation with international environmental institutions and access to conservation expertise and financing [5].

Environmental policy has increasingly been linked with economic modernization. The Green Economy Development Strategy for 2023-2037 establishes a long-term framework for institutional reform, more efficient use of natural capital, attraction of green investment and introduction of modern and environmentally sustainable technologies. Its implementation is intended to integrate green principles progressively into energy, industry, agriculture, transport, construction and other sectors.

This domestic environmental agenda complements, but is distinct from, Tajikistan's international initiatives on water and glaciers. Protected-area expansion, biodiversity conservation and the green-economy framework address the management of natural resources within the country, while water and glacier diplomacy seek broader multilateral responses to transboundary and global environmental challenges.

The transition towards a greener development model will require continued investment in climate resilience, waste and pollution management, ecosystem restoration, energy efficiency and environmentally responsible production. Nevertheless, the substantial expansion of protected territories and the adoption of a national green-economy strategy demonstrate the growing integration of environmental objectives into Tajikistan's long-term development policy.

32. Tajikistan's Global Leadership in Green Diplomacy and the Institutionalization of the Water Agenda at the United Nations

One of the most internationally significant achievements of independent Tajikistan has been the gradual transformation of water diplomacy into a sustained field of multilateral activity within the United Nations system. Over the independence period, the country has consistently advanced initiatives linking freshwater resources with sustainable development, international cooperation, climate resilience, glacier preservation and the broader security and development interests of present and future generations [1].

A particularly important indicator of the scale of this engagement is the number of resolutions adopted by the United Nations General Assembly. According to an official submission of the Republic of Tajikistan published by the United Nations in October 2025, 14 General Assembly resolutions had been adopted at Tajikistan's initiative in the fields of water, climate and cryosphere preservation. These resolutions created the institutional basis for a sequence of international years, decades, conferences and review mechanisms that progressively strengthened the position of water-related issues on the global agenda.

Among the most prominent initiatives were the International Year of Freshwater, 2003; the International Decade for Action "Water for Life", 2005-2015; the International Year of Water

Cooperation, 2013; and the International Decade for Action “Water for Sustainable Development”, 2018-2028 [8]. The agenda was later expanded through initiatives concerning glaciers and the cryosphere, including the International Year of Glaciers’ Preservation, 2025 and the Decade of Action for Cryospheric Sciences, 2025-2034 [10].

This resolution-based diplomacy continued immediately before the 35th anniversary of State Independence. On 2 September 2026, the United Nations General Assembly adopted, without a vote, Resolution A/RES/80/304, entitled “Modalities of the 2028 United Nations Conference on the Final Comprehensive Review of the Implementation of the Objectives of the International Decade for Action, ‘Water for Sustainable Development’, 2018-2028.”

Resolution A/RES/80/304 established the modalities of the 2028 United Nations Water Conference, which will be hosted by the Republic of Tajikistan in Dushanbe from 4 to 6 May 2028. The Conference will conduct the final comprehensive review of the implementation of the objectives of the International Decade for Action “Water for Sustainable Development”, 2018–2028 and will therefore represent the concluding global review of one of Tajikistan’s principal international initiatives [8].

A particularly significant provision of the resolution concerns the future of international water cooperation beyond the conclusion of the Decade. The General Assembly decided that the 2028 Conference would agree on an action-oriented intergovernmental outcome document serving as the “Dushanbe Water Framework.” According to the Ministry of Foreign Affairs of Tajikistan, this represents an important innovation in the institutional development of United Nations water conferences, since the proposed Framework is intended to provide a common basis for advancing international water action beyond the current Water Action Decade.

The resolution also provides for a one-day high-level meeting at United Nations Headquarters in New York in 2027 under the chairmanship of Tajikistan to support preparations for the 2028 Conference. It further establishes six interactive dialogue themes: Water for People; Water for Prosperity; Water for Planet; Water for Cooperation; Water in Multilateral Processes; and Investments for Water.

This institutional continuity has been reinforced through the Dushanbe Water Process, which has developed into an established international platform for reviewing progress, mobilizing partnerships and connecting successive stages of the global water agenda. Tajikistan and the Kingdom of the Netherlands co-hosted the United Nations 2023 Water Conference in New York, while Dushanbe hosted the Fourth High-Level International Conference on the International Decade for Action “Water for Sustainable Development”, 2018-2028 in May 2026. The sequence of the 2023, 2026 and 2028 conferences increasingly reflects a continuous multilateral process rather than a series of isolated events.

The significance of Tajikistan's water diplomacy therefore extends beyond individual conferences or declarations. Its principal achievement lies in the creation of a sustained chain of United Nations resolutions, international observances, decades of action, review conferences and follow-up mechanisms through which water has remained a recurring subject of multilateral cooperation.

From the perspective of the 35 years of State Independence, this represents a notable evolution in Tajikistan's international role. An issue rooted directly in the country's geography, freshwater resources and development interests has been progressively transformed into a global diplomatic agenda.

This role continued immediately before the 35th anniversary of State Independence. From 25 to 28 May 2026, Dushanbe hosted the Fourth High-Level International Conference on the International Decade for Action "Water for Sustainable Development", 2018-2028. The conference formed part of the Dushanbe Water Process and served as an important preparatory platform for the 2026 United Nations Water Conference. The United Nations emphasized that the Dushanbe conferences have become an important mechanism for accelerating progress on water-related commitments and connecting water policy with climate, biodiversity, disaster-risk reduction and sustainable development.

A further milestone was reached on 2 September 2026, immediately before the 35th anniversary of State Independence, when the United Nations General Assembly adopted Resolution A/RES/80/304, entitled "Modalities of the 2028 United Nations Conference on the Final Comprehensive Review of the Implementation of the Objectives of the International Decade for Action, 'Water for Sustainable Development', 2018-2028." The resolution established the modalities for the Conference, which will be hosted by the Republic of Tajikistan in Dushanbe from 4 to 6 May 2028. It also provides for an action-oriented intergovernmental outcome document – the "Dushanbe Water Framework" – intended to contribute to the future architecture of international water cooperation beyond the conclusion of the Water Action Decade [13].

The significance of Tajikistan's water diplomacy extends beyond the adoption of individual resolutions or the organization of international conferences. Over time, the country has helped maintain continuity in global political attention to freshwater issues and has contributed to the development of institutional mechanisms through which governments and other stakeholders can discuss shared water challenges and coordinate practical action.

For Tajikistan itself, this international engagement has particular relevance. As a mountainous country possessing substantial freshwater and glacier resources, but also highly exposed to climate change and glacier retreat, the relationship between water, energy, agriculture and environmental security is of direct national importance. International water

diplomacy has therefore enabled Tajikistan to connect its own development challenges with broader global concerns.

The evolution of this agenda demonstrates how a geographically small state can develop a specialized field of international diplomacy and exercise influence through sustained multilateral initiatives. From the International Year of Freshwater to the Water Action Decade, the UN 2023 Water Conference and the continuing Dushanbe Water Process, Tajikistan has established a recognizable role in shaping international dialogue on one of the fundamental resources of sustainable development.

33. Global Initiative for Glaciers' Preservation and Cryosphere Protection

The preservation of glaciers has emerged as a distinctive extension of Tajikistan's international water and climate diplomacy. For Tajikistan, this issue has direct national and regional significance: glaciers constitute a critical component of the country's freshwater system and contribute substantially to the water resources of Central Asia. At the same time, accelerated glacier retreat has transformed the problem from a primarily regional environmental concern into an issue with global implications for water security, ecosystems, and disaster risk and climate resilience.

Tajikistan succeeded in bringing this challenge to the center of the United Nations agenda. On 14 December 2022, the UN General Assembly adopted Resolution A/RES/77/158, which declared 2025 the International Year of Glaciers' Preservation and proclaimed 21 March of every year as the World Day for Glaciers, beginning in 2025. The resolution also welcomed Tajikistan's proposal to host an international conference dedicated to glacier preservation [9].

The importance of this initiative became particularly evident as scientific evidence of glacier loss continued to accumulate. United Nations assessments indicate that more than 1,000 glaciers in Tajikistan have disappeared in recent decades, highlighting the vulnerability of mountain ecosystems and the potential consequences for water availability, agriculture, hydropower and communities dependent on glacier-fed river systems.

A major milestone was reached from 29 to 31 May 2025, when Dushanbe hosted the First High-Level International Conference on Glaciers' Preservation. The high-level segment brought together more than 2,500 experts and representatives from approximately 80 countries, including government delegations, international organizations, research institutions and development partners.

The Conference created a global platform for linking glacier preservation with climate policy, water management, scientific monitoring, disaster-risk reduction and sustainable development. Its outcome included the Dushanbe Glaciers Declaration, which was adopted by acclamation and reflected a shared commitment to strengthen international cooperation, scientific knowledge and practical responses to glacier retreat.

Tajikistan's glacier diplomacy has also contributed to a broader scientific agenda. In August 2024, the United Nations General Assembly adopted Resolution A/RES/78/321, proclaiming 2025-2034 the Decade of Action for Cryospheric Sciences. The Decade is intended to strengthen international scientific cooperation, monitoring and research on glaciers, snow, ice and other components of the cryosphere, while improving understanding of their relationship with climate change and sustainable development.

The significance of these initiatives lies in their ability to connect scientific evidence with international political action. Glacier retreat affects not only mountain environments but also downstream water supplies, energy systems, agriculture, biodiversity and disaster risks. By consistently promoting this issue within the United Nations, Tajikistan has helped elevate cryosphere protection from a specialized environmental concern to a broader element of global climate and water governance.

From the perspective of the independence period, this initiative also demonstrates the evolution of Tajikistan's diplomatic role. A challenge arising directly from the country's geography and vulnerability to climate change has been transformed into a platform for international cooperation involving governments, scientists, international institutions and civil society.

Thus, Tajikistan's glacier-preservation initiative represents an important contribution to contemporary environmental diplomacy. The International Year of Glaciers' Preservation, the annual World Day for Glaciers, the Dushanbe High-Level Conference and the Decade of Action for Cryospheric Sciences together form an expanding international framework for protecting one of the planet's most vulnerable and strategically important natural systems.

34. Historic Settlement of Tajik-Kyrgyz Border Issues and Strengthening Regional Good-Neighbourliness

The settlement of long-standing border issues with the Kyrgyz Republic in 2025 became one of the most consequential developments in Tajikistan's recent regional relations. Border questions had affected transport links, cross-border interaction and the security environment for many years, particularly in communities located along the Tajik-Kyrgyz frontier.

On 13 March 2025, the Presidents of Tajikistan and Kyrgyzstan signed the Treaty between the Republic of Tajikistan and the Kyrgyz Republic on the State Border, together with a Joint Statement on the further strengthening of friendship and good-neighbourliness. The agreement created a new legal and political basis for stable bilateral relations and was accompanied by the reopening of border checkpoints and steps towards restoring transport connections.

The process advanced further on 31 March 2025 with the exchange of instruments of ratification of the border treaty. The two sides also moved forward with agreements concerning

access to water and energy facilities and the construction and use of cross-border roads, demonstrating that the settlement extended beyond delimitation itself towards practical cooperation in infrastructure and shared resources.

On the same day, the Presidents of Tajikistan, Kyrgyzstan and Uzbekistan signed the Treaty on the Junction Point of the State Borders of the three countries and adopted the Khujand Declaration on Eternal Friendship. These documents gave the settlement a wider regional dimension by reinforcing principles of good-neighbourliness, mutual respect and cooperation among the three Central Asian states [2].

The significance of these developments lies in their potential to transform border areas from zones of recurring tension into spaces of communication and economic interaction. More stable borders can facilitate trade, mobility, infrastructure cooperation and people-to-people contacts while reducing risks for communities living in frontier regions.

From the perspective of the 35 years of independence, the 2025 agreements represent an important example of resolving a complex interstate issue through negotiation and political dialogue. They strengthened the legal foundations of Tajikistan's borders while opening additional opportunities for regional stability, connectivity and constructive cooperation in Central Asia.

35. Strengthening Tajikistan's International Standing and Constructive Diplomacy

The evolution of Tajikistan's international position represents one of the most comprehensive outcomes of the independence period. In the early 1990s, the newly sovereign state faced the immediate task of securing international recognition, establishing diplomatic relations and creating institutions capable of representing national interests abroad. Over the following three and a half decades, this initial process of diplomatic formation developed into a broader and increasingly diversified foreign-policy system.

Official materials of the Ministry of Foreign Affairs indicate that Tajikistan is recognized by 192 states and has established diplomatic relations with 183 countries. The country has also become an active participant in major international and regional organizations and is a party to more than 170 international conventions. This expanding diplomatic network has provided the institutional basis for political dialogue, economic cooperation, security partnerships, cultural exchange and participation in multilateral decision-making.

Tajikistan's diplomacy has gradually developed beyond conventional bilateral relations. The country participates actively in the United Nations, the Shanghai Cooperation Organisation, the Commonwealth of Independent States, the Collective Security Treaty Organization, the Organization of Islamic Cooperation, the Economic Cooperation Organization, the Organization for Security and Co-operation in Europe, and other multilateral structures. Through these platforms, Tajikistan engages with questions ranging from regional

security and economic connectivity to climate change, sustainable development and technological cooperation.

A particularly important feature of this transformation has been the emergence of fields in which Tajikistan seeks not only to participate in multilateral discussions but also to formulate proposals and convene international cooperation. The sustained development of water diplomacy provides the clearest long-term example of this transition from diplomatic participation towards diplomatic initiative.

This capacity has subsequently broadened into environmental, technological and regional agendas. The adoption of United Nations resolutions advanced by Tajikistan and the conclusion of major regional agreements demonstrate an increasing ability to translate national and regional priorities into wider frameworks for international cooperation.

The development of this international role is particularly significant when viewed against the circumstances of the early independence period. Tajikistan moved from a stage in which foreign policy was primarily concerned with establishing sovereignty, securing recognition and overcoming the consequences of domestic instability towards a stage characterized by more proactive participation in multilateral diplomacy and the formulation of international initiatives.

This evolution also reflects a broader diversification of national interests. Contemporary Tajik diplomacy encompasses peace and security, regional stability, trade and investment, transport connectivity, water resources, climate change, glacier preservation, cultural cooperation, tourism, sustainable development, science and emerging technologies. The widening scope of this agenda demonstrates the growing complexity of the country's interaction with the international community.

Thus, the strengthening of Tajikistan's international standing should be understood not merely in terms of the number of diplomatic relations established or international organizations joined. Its deeper significance lies in the transition from diplomatic recognition to diplomatic initiative — from participation in international institutions to the ability to place national and regional priorities on the global agenda [5].

From this perspective, the country's contemporary international engagement constitutes a fitting culmination of the 35 years of independence. Tajikistan's development from a newly independent state facing severe domestic challenges into a country capable of advancing initiatives adopted within the United Nations system reflects the consolidation of its sovereignty, the maturation of its foreign policy and the gradual strengthening of its role in international affairs.

Independence and Sustainable Development: From National Reconstruction to Global Initiatives. When considered collectively, the achievements examined above reveal not a linear sequence of isolated successes but a broader transformation of Tajikistan's political,

economic, social and international development model. For analytical purposes, the 35-year independence period may be divided into several interrelated stages, each characterized by a distinct set of priorities and institutional challenges.

The *first stage* was dominated by the establishment, preservation and consolidation of national statehood. During this period, the primary objectives were the affirmation of sovereignty, the formation of constitutional and legal institutions, the restoration of peace, the achievement of national reconciliation and the stabilization of the political environment. These processes created the institutional foundations upon which subsequent development became possible.

The *second stage* was increasingly associated with post-conflict reconstruction and the creation of basic physical and social infrastructure. Investment in roads, bridges, tunnels, energy facilities, schools, healthcare institutions and other essential systems helped reduce territorial isolation, improve access to public services and strengthen the material foundations of economic activity. Infrastructure development therefore served not only a technical function but also an important integrative role in connecting regions, communities and markets.

The *third stage* has been marked by a gradual transition from reconstruction towards modernization and structural transformation. Industrialization, entrepreneurship, agricultural modernization, healthcare and education, the advancement of women, science, digitalization, innovation, tourism, sport and renewable energy have assumed greater importance within national policy. At the same time, sustainable development has increasingly required attention to productivity, technological capacity, environmental responsibility and the more efficient use of natural and human resources.

An emerging fourth stage is characterized by the growing interaction between domestic development priorities, regional cooperation and Tajikistan's international initiatives. The settlement of important border issues, water diplomacy, glacier preservation, climate resilience and, more recently, artificial intelligence demonstrate how national and regional challenges have increasingly been addressed through negotiation and broader multilateral frameworks. This development reflects a qualitative change in Tajikistan's international role: the country is progressively moving from participation in international institutions towards the formulation of initiatives intended to influence wider cooperation.

The evolution of national development is also visible in Tajikistan's cooperation with international organizations and development partners. Assessments of United Nations cooperation with the country increasingly emphasize interconnected priorities such as inclusive human development, sustainable and green economic growth, climate and environmental resilience, effective governance and the strengthening of institutional capacity.

These areas correspond closely with the broader transformation identified throughout the 35 achievements examined in this study.

At the same time, the progress achieved over the independence period should not be interpreted as the completion of the development process. The next phase will require greater emphasis on productive employment, economic diversification, technological upgrading, higher labor productivity, stronger human capital, climate adaptation and continued improvement in the quality and accessibility of public services. Reducing territorial and social disparities and ensuring that economic growth produces wider and more sustainable improvements in living standards will also remain central policy challenges.

Sustainable development should therefore be understood as a continuing process of institutional adaptation and structural transformation rather than a fixed end point. The principal significance of Tajikistan's 35-year trajectory lies in its movement from the urgent tasks of state preservation and post-conflict recovery towards increasingly complex objectives associated with modernization, innovation, resilience and international engagement. In this sense, the independence period demonstrates an evolution from state-building to sustainable development and from national reconstruction to participation in shaping global initiatives.

The 35th anniversary of the State Independence of the Republic of Tajikistan provides an important historical point from which to evaluate the scale and direction of the country's transformation since 1991. Over three and a half decades, Tajikistan has passed through fundamentally different stages of development: the establishment of sovereign statehood, the restoration of peace and national unity, post-conflict reconstruction, institutional consolidation, infrastructure expansion, economic modernization and a gradual strengthening of its international role.

The analysis of 35 major achievements demonstrates that independence has functioned not simply as a political status, but as the institutional framework within which long-term national development became possible. The consolidation of constitutional governance, creation of national administrative and financial institutions, development of transport and energy infrastructure, reduction of poverty, expansion of education and science, industrialization, agricultural modernization, entrepreneurship and the preservation of cultural heritage together illustrate the multidimensional character of the transformation experienced by the country.

An equally important feature of this period has been the gradual broadening of Tajikistan's development agenda. Priorities that initially centered on political stabilization and economic recovery have increasingly been complemented by questions of technological modernization, environmental sustainability, renewable energy, climate resilience, digital transformation, scientific development and innovation. This shift indicates that the country has

moved beyond the immediate challenges of post-independence reconstruction towards more complex objectives associated with competitiveness, productivity and sustainable growth.

The evolution of Tajikistan's international engagement provides another significant indicator of this transition. Initiatives concerning water cooperation, glacier preservation, cryosphere protection and artificial intelligence demonstrate the country's growing capacity to connect national and regional challenges with wider global concerns. Particularly symbolic in this respect was the adoption by the United Nations General Assembly on 31 August 2026, immediately before the 35th anniversary of State Independence, of a Tajikistan-initiated resolution establishing the International Day of Safe, Secure and Trustworthy Artificial Intelligence, to be observed annually from 2027.

This development illustrates a broader transformation in Tajikistan's international position. A state that entered independence facing profound political, economic and social difficulties has gradually developed the institutional capacity not only to participate in international organizations but also to advance initiatives capable of receiving multilateral support. The trajectory of the independence period can therefore be characterized as a movement from state formation to sustainable development and from national reconstruction towards increasingly active participation in shaping the international agenda.

At the same time, the achievements of the past 35 years should be regarded as a foundation rather than an endpoint. The sustainability of future progress will depend on the country's ability to generate productive employment, increase labor productivity, diversify domestic production, strengthen human capital, accelerate technological modernization and improve the efficiency of public institutions. Climate adaptation, rational management of water and energy resources, development of science and innovation, and improvement of the quality of education and healthcare will remain equally important.

The next stage of Tajikistan's development will therefore require a qualitative transition from the expansion of infrastructure and productive capacity towards greater efficiency, technological sophistication and knowledge-based growth. Ensuring that the benefits of economic development are distributed more widely across regions and social groups will also be essential for maintaining social stability and improving living standards.

In this context, the 35th anniversary of State Independence represents both a historical milestone and a point of transition. It provides an opportunity to assess the achievements accumulated since 1991 while simultaneously defining the priorities of the coming decades. The experience of the independence period demonstrates that the long-term development of Tajikistan will increasingly depend on the interaction of sovereignty, human capital, innovation, sustainability, connectivity and effective international cooperation.

Thus, the principal outcome of the first 35 years of independence lies not only in the individual achievements recorded during this period, but in the formation of the political, institutional, economic and social foundations from which the country can pursue a new stage of national development. The challenge ahead is to transform these foundations into higher productivity, greater technological capacity, stronger competitiveness and sustained improvements in the quality of life, while preserving the stability, cultural identity and international engagement that have shaped Tajikistan's development trajectory since independence.

References

1. Emomali Rahmon's Water Diplomacy: from the First Step to Global Partnership: Documents, Speeches and Materials, 1999-2024 / comp. by S.
2. Mukhriddin. – Moscow: Ves' Mir, 2024. – 420 p. – ISBN 978-5-7777-0946-2.
3. Emomali Rahmon Address of the President of the Republic of Tajikistan on the Main Directions of the Domestic and Foreign Policy of the Republic of Tajikistan, 16 December 2025. – Dushanbe, 2025. – Text: electronic // Official website of the President of the Republic of Tajikistan. – URL: <https://www.president.tj/event/news/54187> (accessed: 01.09.2026).
4. Akunova, G. Ch. Features of Water Diplomacy in Central Asia // Post-Soviet Issues. – 2021. – Vol. 8, No. 2. – P. 229-241. – DOI: 10.24975/2313 8920 2021 8 2 229 241.
5. Bachinin, V. A. Environmental Diplomacy as a Modern Direction of International Politics // Politics and Society. – 2021. – No. 5. – P. 25-34.
6. Kurbonova, Z. M. The Leader of the Nation and the Formation of Green Diplomacy of the Republic of Tajikistan / Z. M. Kurbonova // Monograph. – Dushanbe: Research Institute for Sustainable Development and Green Economy of the International University of Tourism and Entrepreneurship of Tajikistan, 2025. – 288 p.
7. UNESCO World Heritage Centre. Tajikistan: Properties Inscribed on the World Heritage List. – Text: electronic // UNESCO World Heritage Convention. – URL: <https://whc.unesco.org/en/statesparties/tj/> (accessed: 08.09.2026).
8. UNESCO. Tajikistan: Elements on the Lists of Intangible Cultural Heritage. – Text: electronic // UNESCO Intangible Cultural Heritage. – URL: <https://ich.unesco.org/en/state/tajikistan-TJ?info=elements-on-the-lists> (accessed: 08.09.2026).
9. United Nations General Assembly. Resolution A/RES/71/222 "International Decade for Action, 'Water for Sustainable Development', 2018–2028". Adopted on 21 December 2016. – New York: United Nations, 2017. – 5 p. – Text: electronic. – URL: <https://digitallibrary.un.org/record/859143> (accessed: 25.08.2026).

10. United Nations General Assembly. Resolution A/RES/77/158 “International Year of Glaciers’ Preservation, 2025”. Adopted on 14 December 2022. – New York: United Nations, 2022. – 3 p. – Text: electronic. – URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3998543> (accessed: 08.09.2026).
11. United Nations General Assembly. Resolution A/RES/78/321 “Decade of Action for Cryospheric Sciences, 2025–2034”. Adopted on 13 August 2024. – New York: United Nations, 2024. – 3 p. – Text: electronic. – URL: <https://digitallibrary.un.org/record/4060788> (accessed: 07.09.2026).
12. United Nations General Assembly. Resolution A/RES/79/322 “Role of Artificial Intelligence in Creating New Opportunities for Sustainable Development in Central Asia”. Adopted on 25 July 2025. – New York: United Nations, 2025. – 4 p. – Text: electronic. – URL: <https://digitallibrary.un.org/record/4086743> (accessed: 08.09.2026).
13. United Nations General Assembly. Resolution A/RES/80/302 “International Day of Safe, Secure and Trustworthy Artificial Intelligence”. Adopted on 31 August 2026. – New York: United Nations, 2026. – Text: electronic. – URL: Official list of resolutions of the 80th session of the UN General Assembly (accessed: 07.09.2026).
14. United Nations General Assembly. Resolution A/RES/80/304 “Modalities of the 2028 United Nations Conference on the Final Comprehensive Review of the Implementation of the Objectives of the International Decade for Action, ‘Water for Sustainable Development’, 2018–2028”. Adopted without a vote on 2 September 2026. – New York: United Nations, 2026. – Text: electronic. – URL: Official list of resolutions of the 80th session of the UN General Assembly (accessed: 08.09.2026).

JURISPRUDENCE AND LAW

UDC 347.78

Dmitrieva P.V. The legality of creating fan works

Правомерность создания фанатских произведений

Dmitrieva Polina Valerievna,

Student,

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

Scientific adviser: **Kuznetsov A.,**

PhD in Law, Associate Professor - Higher School
of Jurisprudence and Forensic Technical Expertise
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

Дмитриева Полина Валерьевна,

Студент,

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Научный руководитель: Кузнецов А.А.,

кандидат юридических наук, доцент - Высшая школа
юриспруденции и судебно-технической экспертизы

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Abstract. This article explores fan art as a distinct field of creative work and examines the legal intricacies involved in creating fan works. It examines the detailed definition of fan works, their forms of expression, and their inherent characteristics. It analyzes the legal aspects of creating such works, including copyright compliance and disclaimer use. The paper proposes possible solutions to existing problems, including distinguishing between non-commercial creativity and commercial use, adhering to internet ethics, and attributing original authorship. The article aims to improve fans' legal literacy and foster a balanced approach to fan art.

Keywords: fan art, copyright, fan fiction, fan works, commercialization, derivative works, intellectual property.

Аннотация. Статья посвящена фанатскому творчеству как особой сфере произведений и рассмотрению правовых тонкостей при создании фанатских работ. В статье рассматривается подробное определение фанатских произведений и формы их выражения, а также присущие им характерные черты. Анализируются правовые аспекты создания таких произведений, включая вопросы соблюдения авторских прав и использование дисклеймера. В работе предлагаются возможные пути решения существующих проблем, а именно разграничение некоммерческого творчества и коммерческого использования, соблюдение интернет этике и указания авторства оригинала. Статья нацелена на повышение правовой грамотности поклонников и формирование взвешенного подхода к фанатскому творчеству.

Ключевые слова: фанатское творчество, авторское право, фанфики, фан-произведения, коммерциализация, производные произведения, интеллектуальная собственность.

Рецензент: Бюллер Елена Александровна – кандидат экономических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Адыгеский государственный университет»

Фанатское творчество можно считать отдельной сферой произведений наравне с произведениями науки, литературы и искусства. Многие относятся весьма пренебрежительно к фанатскому творчеству, обвиняя авторов в отсутствии собственных идей и банальном копировании уже готового произведения. Однако, если

смотреть на творчество фанатов глубже, то можно заметить огромное разнообразие как литературных произведений, так и художественных или мультипликационных произведений, которые в той или иной степени выделяются своей уникальностью.

Актуальность темы обусловлена тем, что не каждый поклонник осведомлен о правовых тонкостях использования оригинальных работ для создания своих фанатских произведений и важно понимать, где находится грань между творчеством, созданным фанатами для фанатов, и нескромным заимствованием чужого творчества для получения прибыли.

Прежде чем подробно погрузиться в фанатское творчество, необходимо понять суть определения фан-произведения. Фанатское произведение - это результат творческого труда поклонника (фаната) на основе существующей оригинальной работы. Данный творческий результат может быть выражен в любой форме и заимствовать элементы: персонажей, мира, сюжета оригинального произведения. Творчество поклонников тех или иных произведений может выражаться в любой форме, но основными являются:

- Фанфики (от англ. fan fiction - фанатская литература). Под определение фанфик попадает литература, написанная автором по мотивам оригинального произведения, будь то книга, фильм, сериал, комикс или даже биография знаменитостей.

- Фанарт (от англ. fanart — фанатский арт, рисунок). Изобразительное творчество поклонников, основанное на оригинальном произведении.

- Косплей (от англ. cosplay – костюмированная игра). Изначально термин был японским «コスプレ» и возник от объединения слов «костюм» и «игра». На русский язык данный термин не принято переводить, поскольку смысл итак понятен. Косплей – это перевоплощение фаната в любимого персонажа из оригинального произведения с копированием его обязательных элементов узнаваемости: костюма, аксессуаров, прически и характера.

- Фан-видео (от англ. fan video, fanvid – фанатское видео). Любительские короткометражки, клипы, эдиты сделанные на основе оригинальных произведений. К фанатским видео можно отнести как нарезку кадров из оригинального произведения под музыку (клип, эдит), так и собственноручно созданную анимацию с использованием элементов оригинального произведения.

- Филк (от англ. filk = fiction + folk (lore music) = придуманная фольклорная музыка). Фанатские песни на мотивы известных или оригинальных мелодий.

- Моды и фанатские игры. Игры, созданные фанатами по мотивам или с персонажами оригинальных произведений или моды, дополняющие оригинальную игру для большего многообразия.

Каждая форма фанатских произведений имеет свои особенности и специфику в зависимости от формы выражения, но несмотря на разнообразие форм, у всех них есть характерные черты:

1. Творческий характер – фанатские произведения по своей сути направлены на переработку или преобразование оригинального произведения, например, создание продолжения истории или перенос героев из оригинала в свой собственный мир со своей историей. В изобразительном искусстве – это изображение оригинального героя в другом художественном стиле или в своем собственном.

2. Возможность создания на основе оригинального произведения и заимствования элементов оригинальной работы – фанатское творчество, как упоминалось ранее, базируется на каком-то уже готовом произведении и именно это и делает фанатскую работу фан-работой, несмотря на творческие вложения и привнесение какой-либо уникальности, авторы своих фан-работ сохраняют все важные элементы оригинального произведения, которые позволяют идентифицировать его.

3. Способность к выражению в любой объективной форме, в том числе отличной от первоначального произведения — это фанфики, фанарты, фан-видео, филк, кавер и т.д.

Рассматривая специфику и характерные черты фанатских произведений, стоит обратить внимание на фундаментальную основу создания таких произведений – это указание автора и названия произведения оригинальной работы, а самое главное полученное согласие автора оригинала на использование его произведения или лицензию. Данный подход к созданию фан-произведений можно считать юридически правильным и заранее быть застрахованным от возможных нарушений авторских прав и дальнейших последствий, таких как судебные разбирательства. Одним из способов избежания ответственности от нарушения авторских прав является указание дисклеймера. Дисклеймер (от англ. disclaimer – отказ от ответственности) – это оговорка, чаще всего носящая информационный характер (в некоторых случаях может считаться юридической) и которая используется автором создаваемого контента для ограничения ответственности за возможные последствия предоставляемой информацией.

Изначально данное понятие применялось только в юридическом контексте. Так правообладатели и авторы отказывались от ответственности за все возможные последствия от продаваемого ими контента. Например, правовые последствия в виде исков от потребителей, кому был причинен вред или чьи чувства были задеты. Тем самым авторы перекладывали все риски на потребителей.

В отношении фанатских произведений дисклеймер может содержать в себе отказ от авторских прав на изначальное произведение. В странах англосаксонской правовой системы дисклеймер может нести юридическую силу, например, поклонник написал продолжение любимого романа с указанием автора и названия оригинального произведения. В странах романо-германской правовой системы это уже не будет считаться аргументом и не исключит ответственность автора фан-произведения, поскольку дисклеймер считается обычным сетевым этикетом, так называемое устоявшееся правило в интернет среде, которое выражает лишь уважение к автору оригинала, за использование его творчества.

В российском законодательстве нет четкого понятия дисклеймера, однако статьи 1260 и 1274 ГК РФ частично регулируют ответственность за нарушение авторского права фанатскими произведениями. Статья 1260 ГК РФ посвящена переводам, производным и составным произведениям. Производное произведение – это результат творческой переработки уже существующего (оригинального произведения). Опираясь на определение можно сказать, что фанатское произведение (конкретно фанфик) считается производным произведением. На практике юридически фанфик считается производным произведением, в том случае если соблюден пункт 3 ст.1260 ГК РФ, а именно «автор производного произведения осуществляет свои авторские права при условии соблюдения прав авторов произведений, использованных для создания производного произведения». Проще говоря, для создания производного произведения в большинстве случаев необходимо получить официальное разрешение автора на использование его оригинала, это может быть, как лицензионный договор, так и договор об отчуждении исключительного права, но иногда достаточно неформального согласия автора на использование его работы, с обязательным указанием авторства оригинала. Без указания автора оригинала, фанфик можно считать нарушением авторских прав, в случае если будет доказано использование мира или персонажей оригинального произведения.

В некоторых случаях объектов авторского права может быть несколько, например, отдельные персонажи, на их использование также необходимо получать согласие автора, но вот на что не распространяет авторское право, так это идея. Поклонник может взять идею своего любимого произведения и написать свою собственную историю, здесь уже трудно назвать это фанатским творчеством в принципе, потому что большинство популярных произведений пишется подобным образом, просто заимствуются чужие идеи и миры для написания своих произведений.

Статья 1274 ГК РФ предлагает вариант использования оригинальных произведений без согласия автора для создания произведения в жанре литературной,

музыкальной или иной пародии либо в жанре карикатуры. Однако указание авторства оригинала всё также обязательно. Но в данном случае есть очень много нюансов, должна быть четкая цель, например, высмеять главного героя, поскольку грань между оскорблением и пародией достаточно тонкая и в спорных случаях может понадобиться экспертиза. Также необходимо определить объем произведения, здесь стоит обратить внимание на цель, которую преследует автор, если объем пародии добивается изначальной цели, то он считается оптимальным. Не исключено, что иногда пародия может быть длиннее самого оригинала. Что касается фанфиков, то их никак нельзя отнести к пародии, поскольку в данном фан-произведении используются разные элементы оригинальной работы и цели также могут преследоваться разные. А вот фанатское творчество в виде карикатуры спокойно попадает под статью 1274 ГК РФ, однако здесь также важно не оскорбить автора оригинала и его произведение, и обязательно указывать авторство оригинальной работы.

При создании фанатских произведений у автора должна быть определенная цель: либо это работа создается для души, для себя и удовлетворения своих фантазий, либо это создаётся для аудитории оригинального произведения, таких же поклонников (фанатское творчество, созданное фанатами для фанатов), либо это более глобальная цель – коммерциализация. Каждая цель автора фан-произведения требует к себе разного рода юридического подхода. При написании фанфиков или рисовании картин для себя, не требуется согласия автора или его упоминания, но как только речь заходит о распространении своего творчества в интернет среде уже присутствует обязанность указывать авторство оригинального произведения, на основе которого создана работа. Сделанное фанатами для фанатов до поры до времени может быть абсолютно бесплатным, авторы публикуются в различных социальных сетях, где просто делятся с фанатами своим творчеством и тем самым подогревают или удерживают интерес оригинального произведения. Именно по этой причине большинство авторов оригинальных работ закрывают глаза на то, что без их согласия создаются различные фан-произведения, поскольку для автора оригинала это по сути своей бесплатная реклама, которая только популяризирует работу и самого автора. Более такого, не исключены случаи, когда фаната может заметить автор и предложить проиллюстрировать, например, его книгу за вознаграждение. Фактически так складываются взаимовыгодные отношения между авторами оригинальных работ и авторами фанатских произведений, одни радуют своих поклонников новыми работами, а те в свою очередь популяризируют творчество автора. Но данный сценарий держится до тех пор, пока фанаты либо тихо и незаметно, либо нагло и в открытую начинают зарабатывать на своём творчестве без согласия автора оригинала на использование

его работы. В данном случае даже при указании автора оригинальной работы и названия произведения из которого создано фан-произведения нет возможности избежать нарушения авторского права. При коммерциализации своего фанатского творчества необходимого согласия автора оригинальных работ, поскольку это буквально получение прибыль за счёт чужого творчества.

Однако, даже несмотря на всю серьёзность нарушения авторского права, стезя фанатского творчества остаётся до сих пор не контролируемой. Если рассматривать данную проблему в рамках России, то можно заметить, что очень мало фанатского контента производится именно по отечественным произведениям, поскольку пресечь данные нарушение гораздо проще и быстрее, нежели при использовании зарубежного творчества. Но также это можно аргументировать тем, что зарубежные произведения более популярны чем, отечественные и фанатский контент делать по ним выгоднее, ввиду большого охвата аудитории.

Проблема нарушения авторского права при создании и распространении фанатских произведений остаётся открытой. Но поклонники уже давно придумали различные способы избежание наказаний, так, например, возможность рисовать или писать на заказ, либо доработать своё фан-произведения до самостоятельной оригинальной работы (фанфик превратить в полноценную книгу).

Подводя итог всего выше сказанного, можно сказать, что фанатские произведения в той или иной степени нарушают авторские права авторов оригинальных работ, но в тоже время фанатское творчество даёт возможность творческого развития. Большинство профессиональных художников, писателей или аниматоров начинают свою деятельность именно с создания фанатских работ, тем самым тренируясь перед разработкой собственного проекта, поэтому нет необходимости строго контролировать каждый фан-арт, фанфик или фан-видео и пресекать всех за нарушение авторских прав. Такая крайняя мера требуется только в случае наглого использования чужого творчества для коммерциализации собственных работ. А в большинстве случаев необходимо просто соблюдать так называемую интернет этику и обязательно под каждым своим фанатским произведением ссылаться на автора и названия оригинальной работы.

References

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвёртая): Федеральный закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 13.07.2015) // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 52 (ч. 1). — Ст. 5496.

2. Смирнова, Т. С. Произведения фанатского творчества как объекты авторского права // Юридические науки: проблемы и перспективы: Молодой ученый, 2018. — С. 41-46. — URL: <https://moluch.ru/conf/law/archive/298/14204>.

3. Фандомы и культура поклонников: от тайных сообществ к глобальной индустрии // Забавушка обо всем по немногу, 2026. — URL: <https://zabavushka.ru/fandomy-i-kultura-poklonnikov/>.

4. Романенко К.Р. Фанфикшен // Большой Российской Энциклопедии, 2022. — URL: <https://bigenc.ru/c/fanfikshen-b757b7>.

5. DonnaRoza, Анна Пузанова. Дисклеймер // Российское общество «Знание», 2025. — URL: https://znanierussia.ru/articles/Дисклеймер#cite_note-0-1.

UDC 347.736

Kolodyazhny D.O. A settlement agreement as a rehabilitation procedure for preserving the only home in a bankruptcy case

Мировое соглашение как реабилитационная процедура по сохранению единственного жилья, находящегося в залоге у конкурсного кредитора, в делах о банкротстве граждан

Kolodyazhny Dmitry Olegovich

first-year master's student, group AMYu11
Don State Technical University

Scientific adviser: **Tekucheva S.,**

PhD in Economics, Associate Professor,
Department of Commercial and Entrepreneurial Law
Don State Technical University

Колодяжный Дмитрий Олегович
магистрант 1 курса гр. АМЮ11
Донского государственного технического университета
Научный руководитель
Текучева С.Н., к.э.н., доцент кафедры
«Коммерческое и предпринимательское право»
Донского государственного технического университета

Abstract. *Insolvency (bankruptcy) proceedings currently offer a number of alternative methods for settling debts owed to a bankruptcy creditor, including concluding a settlement agreement regarding the debtor's sole residence. This option protects the rights and interests of both creditors and the debtor. The issue of preserving collateral is of interest not only to the parties to the proceedings but also to scholarly research. This article examines specific problematic aspects of court approval of a settlement agreement (local restructuring plan) and the challenges of improving current legislation regarding the preservation of property in personal bankruptcy proceedings.*

Keywords: *insolvency, settlement agreement, bankruptcy creditor, debtor, sole proprietor, collateral, credit obligations, debtor.*

Аннотация. Процедура несостоятельности (банкротства) на сегодняшний день предусматривает ряд альтернативных способов урегулирования задолженности перед конкурсным кредитором, в том числе путем заключения мирового соглашения в отношении единственного жилья. Данная возможность предусматривает защиту прав и интересов как кредиторов, так и самого должника. Вопрос сохранения залогового имущества представляет интерес не только для сторон процесса, но и в рамках научной деятельности. Данная статья посвящена отдельным проблемным аспектам при утверждении судом мирового соглашения (локального плана реструктуризации) и проблемам совершенствования действующего законодательства при сохранении имущества в процедуре банкротства граждан.

Ключевые слова: несостоятельность, мировое соглашение, конкурсный кредитор, должник, единственное залоговое жилье, залоговое имущество, кредитные обязательства, должник.

Рецензент: Александров Олег Григорьевич, кандидат юридических наук, доцент
Государственно - политического управления, полковник внутренней службы, доцент кафедры
Теории, методологии, и правового обеспечения ГМУ, Уральского федерального университета

Процедура несостоятельности (банкротства) представляет собой признанную арбитражным судом или наступившую в результате завершения процедуры внесудебного банкротства гражданина неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей (1).

С учетом невозможности должником исполнить обязательства перед конкурсными кредиторами, действующее законодательство предусматривает ряд альтернативных способов урегулирования отношений между сторонами (6). Данные методы предоставляют возможность должнику (банкроту) сохранить единственное жилье, которое обеспечено залогом, при этом процедура предполагает полное списание задолженности по остальным кредитным обязательствам. Такой подход обеспечивает сохранение баланса прав кредиторов и должника, а также членов его семьи.

Одним из таких способов является утверждение мирового соглашения (локального плана реструктуризации долга) в отношении единственного жилья, находящегося в залоге у конкурсного кредитора. Закон о банкротстве в ст. 2 закрепляет легальное понятие «мировое соглашение», под которым понимается процедура, применяемая в деле о банкротстве на любой стадии его рассмотрения в целях прекращения производства по делу о банкротстве путем достижения соглашения между должником и кредиторами.

Целью заключения указанного соглашения является прекращение требований кредитора по делу о несостоятельности (банкротстве), в связи с частичным или полным удовлетворением его требований, и восстановлением платежеспособности должника.

Согласно ст. 150 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" (далее - Закон о банкротстве) заключение мирового соглашения возможно на любой стадии рассмотрения дела арбитражным судом. Решение о заключении мирового соглашения принимается самим должником или его представителем. В практике существуют случаи, когда инициатором мирового соглашения является сам конкурсный кредитор ввиду добросовестности должника и выполнения всех условий, заключенного кредитного обязательства.

Мировое соглашение в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) утверждается судом, о чем выносится определение, где арбитражный суд указывает на утверждение мирового соглашения и прекращение требований конкурсного кредитора. Если говорить о других требованиях, то мировое соглашение заключается в письменной форме, подписывается сторонами в обязательном порядке. Если в мировом соглашении

участвует третье лицо, не заявляющее самостоятельных требований, то мировое соглашение также подписывается данным лицом.

На данный момент, есть ряд проблемных ситуаций, которые требуют более тщательного анализа.

Важным элементом для заключения мирового соглашения с кредитором является наличие третьего лица, которое сможет обеспечивать надлежащее исполнение всех условий кредитного обязательства. Несмотря на то, что в Законе о банкротстве указывается на то, что мировое соглашение может быть заключено только между должником и конкурсным кредитором, ситуация складывается таким образом, что банки, в целях гарантии исполнения обязательств, требуют привлечения третьего лица. Круг лиц, которые могут быть третьими лицами по мировому соглашению (локальному плану реструктуризации), неограничен. Основным моментом выступают только критерии, которыми должно обладать третье лицо, а именно платежеспособность, т.е. возможно погашать ежемесячные платежи за должника, а также обеспечивать себя, ненахождение в процедуре банкротства.

Верховный суд Российской Федерации в определении от 27.04.2023 N 305-ЭС22-9597 указал, что «когда обеспеченное залогом обязательство надлежащим образом исполняется третьим лицом (или имеется лицо, готовое взять на себя обязанность по его исполнению), суд предлагает сторонам заключить мировое соглашение (разработать локальный план реструктуризации) в отношении этого единственного жилья, по условиям которого взыскание на данное имущество не обращается, при этом залогодатель не освобождается от исполнения обязательства перед залоговым кредитором по завершении процедуры банкротства (ипотека сохраняется без применения правил пункта 3 статьи 213.28 Закона о банкротстве). По условиям подобного соглашения погашение обеспеченного обязательства не может осуществляться за счет иного имущества должника, на которое претендуют другие кредиторы». (2)

Таким образом, за счет наличия третьего лица, происходит как удовлетворение требований конкурсных кредиторов, так и сохранение единственного жилья должника, на которое не могут претендовать другие кредиторы, что обеспечивает сохранность имущества и гарантирует соблюдение законных прав и интересов должника, согласно Конституции Российской Федерации.

Однако, само по себе наличие третьего лица не означает безусловное заключение мирового соглашения. Есть ряд требований, которые предъявляют банки и суд, чтобы обеспечить и законные интересы конкурсного кредитора. Одним из таких элементов является постоянное и своевременное исполнение условий кредитного обязательства,

а именно, недопущение просроченной задолженности по платежам, т.к. это означает, что нарушаются первоначальные условия, что ведет к дисбалансу интересов должника и кредитора в процедуре несостоятельности (банкротстве). Как указывал Верховный Суд РФ: заключение мирового соглашения возможно, если положение кредитора не ухудшается по сравнению с тем, как если бы процедуры банкротства не было. (3) Если разобрать ситуацию с учетом наличия просроченной задолженности по платежам, то положение кредитора в данном случае ухудшается.

Кроме того, в главе 3 Обзора судебной практики по делам о банкротстве граждан (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.06.2025), указывается на то, что важным аспектом заключения мирового соглашения является реальная возможность исполнения третьим лицом обязательств по кредитному договору, т.е. должен быть раскрыт источник погашения задолженности. Судом должны быть исследованы вопросы обеспеченности должника работой, уровня его заработной платы, исключаемой из конкурсной массы величины прожиточного минимума и ее достаточности, в том числе для исполнения отдельного мирового соглашения.

Однако, есть случаи, когда суд утверждает мировое соглашение без согласия конкурсного кредитора, в связи с тем, что это не ухудшает положение банка и соблюдены все условия кредитного договора, а также исследованы экономические аспекты. Например, по делу № А65-40783/2024 должник подал в суд заявление об утверждении мирового соглашения со всеми приложениями, подтверждающими наличие у третьего лица основного заработка, достаточного для погашения ежемесячных платежей по ипотечному договору, а также наличия возможности обеспечивать себя. Исследовав материалы дела суд прекратил производство по требованию кредитора, исключив его из реестра требований, в том числе исключив залоговое имущество из конкурсной массы должника (5).

Отдельным требованием при заключении мирового соглашения является согласие конкурсного кредитора на подписание мирового соглашения. Кроме этого, согласно Закону о банкротстве «С согласия отдельного конкурсного кредитора и (или) уполномоченного органа мировое соглашение может содержать положения о прекращении обязательств должника путем предоставления отступного, обмена требований на доли в уставном капитале должника, акции, конвертируемые в акции облигации или иные ценные бумаги, новации обязательств, прощения долга или иными предусмотренными федеральным законом способами, если такой способ прекращения обязательств не нарушает права иных кредиторов, требования которых включены в реестр требований кредиторов». (2)

При отказе конкурсного кредитора от заключения мирового соглашения или же при отсутствии какой-либо позиции от кредитора, суд может утвердить локальный план реструктуризации долга в отношении единственного жилья, обеспеченного залогом имущества применительно к правилам пункта 4 статьи 213.17 Закона о банкротстве. Согласия иных кредиторов для утверждения судом такого плана реструктуризации не требуется.

Как указал Верховный Суд РФ «в этой связи как законодательство в сфере банкротства, так и правоприменительная практика исходят из необходимости обеспечения для гражданина должника возможности сохранения за ним права собственности на единственное пригодное для проживания жилое помещение, находящееся в залоге (обремененное ипотекой), а по общему правилу, подобное сохранение обеспечивается путем заключения между должником и банком локального мирового соглашения (локального плана реструктуризации долгов, в отношении их взаимных обязательств)».

Например, по делу № А65-5869/2025, рассматриваемому Арбитражным судом Республики Татарстан, суд удовлетворил локальный план реструктуризации долга в отношении единственного жилья между должником и кредитором, ввиду отсутствия позиции банка по представленному мировому соглашению от должника. Суд определил, что требования по обеспечению обязательства будут исполняться третьим лицом, имеющим достаточный доход для удовлетворения требований кредиторов, а также для поддержания необходимых условий жизни третьего лица. С учетом всех обстоятельств суд пришел к выводу о включении в реестр требований кредиторов требований, не обеспеченных залогом имущества, и утвердил локальный план реструктуризации долга в редакции должника (4).

Таким образом, институт мирового соглашения (локального плана реструктуризации) в отношении единственного жилья, обеспеченного залогом, требует более глубокого анализа, с учетом постоянно изменяющейся практики, а именно, актуальным и нерешенным остается вопрос пассивного отношения конкурсного кредитора к обособленному спору при заключении мирового соглашения, а именно непредоставления позиции по заключению указанного соглашения и предложить в данном случае суду утверждать его без согласия банка, вопрос заключения мирового соглашения (локального плана реструктуризации) без третьего лица, при наличии у должника достаточного дохода для погашения ежемесячных платежей по ипотеке.

References

1. "Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации" от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // СПС КонсультантПлюс
2. Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ (ред. от 31.07.2025) "О несостоятельности (банкротстве)" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // СПС КонсультантПлюс
3. "Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан" (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.06.2025) // СПС КонсультантПлюс
4. Определение Арбитражного суда Республики Татарстан от 03.12.2025 г. по делу № А65-5869/2025 // СПС КонсультантПлюс
5. Определение Арбитражного суда Республики Татарстан от 09.10.2025 г. по делу № А65-40783/2024 // СПС КонсультантПлюс
6. Бородина Ж.В., Медведева Н.В. Мировое соглашение как реабилитационная процедура по сохранению единственного жилья в деле о банкротстве граждан / Ж.В. Бородина, Н.В. Медведева // Жилищные стратегии, 2025 г., Т.12, № 3, 443-456 с.

UDC 34

Zhannina Y.A., Shapiro L.G. Improving the methods of criminalistic investigation of jewelry with signs of falsification

Совершенствование методики криминалистического исследования ювелирных украшений с признаками фальсификации

Zhannina Yulia Alexandrovna

2nd-year student, group IMSED325,
Department of Criminalistics,
Saratov State Law Academy,
Russia, Saratov

Shapiro Lyudmila Gennadyevna

Head of the Department of Criminalistics, Professor of the Department, Doctor of Legal Sciences, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation,
Saratov State Law Academy,
Russia, Saratov

Жалнина Юлия Александровна
студентка 2 курса группы ИМСЭД325,
Кафедра криминалистики,

Саратовская государственная юридическая академия,
РФ, г. Саратов

Шапиро Людмила Геннадьевна
заведующая кафедрой криминалистики, профессор кафедры, доктор юридических наук, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации,
Саратовская государственная юридическая академия,
РФ, г. Саратов

Abstract. *The article discusses the current problems of forensic examination of jewelry with signs of falsification. The difficulties of detecting counterfeit jewelry are analyzed, as well as the need to improve the methods of forensic investigation, taking into account modern methods of falsification.*

Keywords: *forensic research, jewelry, falsification, precious metals, forensic commodity examination, assay mark, illicit trafficking*

Аннотация. *В статье рассматриваются актуальные проблемы криминалистического исследования ювелирных изделий с признаками фальсификации. Анализируются сложности выявления поддельных ювелирных изделий, а также обосновывается необходимость совершенствования методики криминалистического исследования с учетом современных способов фальсификации.*

Ключевые слова: *криминалистическое исследование, ювелирные изделия, фальсификация, драгоценные металлы, судебно-товароведческая экспертиза, пробирное клеймо, незаконный оборот*

Рецензент: Александров Олег Григорьевич, кандидат юридических наук, доцент Государственно - политического управления, полковник внутренней службы, доцент кафедры Теории, методологии, и правового обеспечения ГМУ, Уральского федерального университета

Современный этап развития экономических отношений в Российской Федерации характеризуется расширением оборота драгоценных металлов и изделий из них, усложнением производственных технологий и цифровизацией торговых процессов. Указанные факторы обуславливают трансформацию преступной деятельности в сфере оборота ювелирной продукции и формирование новых способов фальсификации, отличающихся высокой технологической адаптивностью и латентностью. В обозначенных условиях особую актуальность приобретает совершенствование методики криминалистического исследования ювелирных украшений с признаками фальсификации, направленной на обеспечение эффективности выявления, раскрытия и расследования преступлений экономической направленности.

С.С. Семерков указывает, что «...ювелирные изделия как объекты криминалистического исследования обладают сложной структурой, включающей материальные, технологические и информационные элементы. Они одновременно выступают предметом гражданского оборота, объектом государственного пробирного надзора и возможным носителем следов противоправной экономической деятельности»¹.

И.Ш. Дзахмишева отмечает, что «... фальсификация ювелирной продукции – это противоправное изготовление, маркировка либо реализация изделий, выдаваемых за продукцию из драгоценных металлов и (или) драгоценных камней, при фактическом несоответствии их установленным нормативным требованиям по составу, пробе, происхождению, технологии производства или маркировке»².

С криминалистической точки зрения фальсификация ювелирных изделий представляет собой разновидность экономической преступной деятельности, выражающуюся в:

1. полном или частичном отсутствии заявленного содержания драгоценного металла;
2. использовании неблагородных или низкопробных сплавов с имитацией внешних свойств драгоценного металла;
3. нанесении поддельных или незаконно воспроизведённых пробирных клейм;
4. искажении сведений о производителе и характеристиках изделия;

¹ Семерков С.С. Криминалистическая характеристика незаконного оборота янтаря, нефрита или иных полудрагоценных камней, драгоценных металлов, драгоценных камней либо жемчуга // Цифровая наука. 2020. № 4(4). С. 219.

² Дзахмишева И. Ш. Идентификация и фальсификация непродовольственных товаров: Учебное пособие / под общ. ред. д. э. н., проф. И. Ш. Дзахмишевой. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2013. С. 61.

5. использовании незаконной либо недостоверной маркировки³.

Таким образом, фальсификация ювелирной продукции представляет собой сознательное введение потребителя и государства в заблуждение относительно свойств, качества и правового статуса изделия, причиняющее вред экономическим интересам, имущественным правам граждан и установленному порядку оборота драгоценных металлов.

Одной из главных проблем является отсутствие четких критериев разграничения различных видов специальных исследований ювелирных украшений. В практической деятельности нередко смешиваются понятия судебно-товароведческого исследования и судебно-технологической экспертизы. Между тем различия носят принципиальный характер. Судебно-товароведческая экспертиза направлена на установление фактических обстоятельств, имеющих доказательственное значение, включая соответствие изделия установленным стандартам, наличие признаков фальсификации, оценку качества и определение его стоимости⁴.

Судебно-технологическая экспертиза позволяет выявить особенности производственного процесса, установить механизм изготовления поддельного изделия и выявить признаки вмешательства в структуру материала. Недооценка этих различий приводит к некорректной постановке вопросов эксперту и снижает доказательственное значение полученных результатов.

Серьезной проблемой остается формальный характер пробирного контроля. В данной связи С.Л. Никонович отмечает, что «... на практике анализ зачастую ограничивается исследованием поверхностного слоя металла, что создает возможности для изготовления изделий с использованием тонкого слоя золота и основой из недрагоценного сплава. Наличие государственного пробирного клейма в таких случаях не гарантирует подлинность изделия в полном объеме»⁵. Дополнительную сложность представляет лазерное клеймение, позволяющее наносить маркировку с высокой точностью и минимальными следами механического воздействия, что затрудняет выявление подделок органолептическими методами.

Фальсификация может проявляться и в несоответствии данных пробирного

³ Пушкина П.И. Фальсификация ювелирной продукции на российском потребительском рынке // Молодежь и XXI век - 2017 материалы VII Международной молодежной научной конференции: в 4 томах, Курск, 21–22 февраля 2017 года. Том 1. Курск: Закрытое акционерное общество «Университетская книга», 2017. С. 261.

⁴ Бондаренко Л.К. Значение судебно-искусствоведческой экспертизы в расследовании мошеннических действий с предметами искусства // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2024. №3. С. 82.

⁵ Никонович С.Л. О структуре комплексной криминалистической характеристики преступлений, совершаемых в сфере оборота драгоценных металлов и драгоценных камней // Глобальная трансформация России в эпоху цифровизации: проблемы, особенности, тенденции. 2019. С. 223.

клейма и именника изготовителя. Сопоставление буквенного обозначения инспекции пробирного надзора на государственном клейме и второй позиции в структуре именника позволяет выявить расхождения, указывающие на незаконное нанесение маркировки. Подобные несоответствия нередко становятся основанием для назначения комплексной экспертизы с применением инструментальных методов анализа.

Показательным является случай, выявленный сотрудниками подразделений экономической безопасности в одном из регионов Российской Федерации в 2023 году. В ходе проверки торговой точки были обнаружены ювелирные изделия с пробирными клеймами и именниками, формально соответствующими установленным требованиям. Однако при сопоставительном анализе было установлено расхождение в шифрах инспекции пробирного надзора. Назначенная судебная экспертиза с использованием рентгенофлуоресцентного анализа установила, что внутренний слой изделий изготовлен из медно-цинкового сплава, тогда как поверхностный слой представлял собой тонкое покрытие золотосодержащим материалом⁶. Указанные обстоятельства позволили квалифицировать действия изготовителей как производство и сбыт фальсифицированной продукции. Данный пример подтверждает необходимость комплексного криминалистического подхода, сочетающего органолептическую диагностику, анализ маркировки и применение инструментальных методов исследования.

Органолептические методы, включающие анализ клейм, формы рамки пробирного удостоверения, структуры именника и наличия обязательной информации на бирке, должны рассматриваться как первичный этап исследования. Однако решающее значение приобретают инструментальные методы, позволяющие определить химический состав сплава и глубину покрытия, включая рентгенофлуоресцентный анализ, спектральные методы и микроскопическое исследование структуры металла⁷.

Важным направлением совершенствования является нормативное закрепление единых требований к идентификации изделий из драгоценных металлов. Отсутствие специализированного технического регламента, регламентирующего порядок криминалистической диагностики признаков

⁶ Материалы следственной практики подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России за 2023 г. // Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф> (дата обращения: 28.02.2026).

⁷ Гаврилов Б. Я. Проблемы доказательственного значения заключения судебной экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела // Дискуссионные вопросы теории и практики судебной экспертизы. М., 2021. С. 176.

подделки, снижает эффективность правоприменительной деятельности. Представляется целесообразным разработать государственный стандарт, предусматривающий алгоритм проверки маркировки, перечень характерных признаков фальсификации и требования к проведению экспертных исследований.

О.В. Умгаева справедливо считает, что «... не менее значимым является внедрение цифровых механизмов контроля оборота драгоценных металлов. Создание единой государственной автоматизированной информационной системы учета движения драгоценных металлов и изделий из них позволило бы обеспечить прослеживаемость продукции от этапа добычи и аффинажа до розничной реализации. Данный подход способствовал бы снижению уровня латентности экономических преступлений и позволил бы своевременно выявлять несоответствия между объемами производства и оборота»⁸.

Реализация методики криминалистического исследования ювелирных изделий не может быть эффективной без повышения уровня знаний сотрудников правоохранительных органов и активного привлечения соответствующих специалистов-ювелиров. Практика показывает, что оперативные работники нередко сталкиваются с трудностями в выявлении признаков фальсификации, что обусловлено отсутствием у них знаний в области технологии производства ювелирных изделий и анализа пробирной маркировки. Следовательно, совершенствование методики должно сопровождаться разработкой программ повышения квалификации, направленных на формирование у сотрудников правоохранительных органов базовых знаний в области криминалистической диагностики с учетом их специализации.

Таким образом, современные способы фальсификации ювелирных украшений требуют комплексного пересмотра существующих методических подходов. Совершенствование методики их криминалистического исследования должно осуществляться по следующим направлениям: развитие инструментальных методов исследования; нормативное закрепление процедур идентификации; цифровизация системы учета оборота драгоценных металлов; повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов и экспертных подразделений. Реализация указанных мер позволит повысить эффективность противодействия незаконному обороту драгоценных металлов и обеспечить надлежащую доказательственную базу при расследовании преступлений данной категории.

⁸ Умгаева О.В. Цифровая трансформация оборота драгоценных металлов и камней // Финансовый журнал. 2025. № 6. С. 121.

References

1. Рывкин С.Ю. Современное состояние и тенденции развития криминалистической техники / С.Ю. Рывкин, М.М. Романова. Волгоград: Общество с ограниченной ответственностью «Сфера», 2020. 138 с.
2. Семерков С.С. Криминалистическая характеристика незаконного оборота янтаря, нефрита или иных полудрагоценных камней, драгоценных металлов, драгоценных камней либо жемчуга // Цифровая наука. 2020. № 4(4). С. 219-225.
3. Дзахмишева И. Ш. Идентификация и фальсификация непродовольственных товаров: Учебное пособие / под общ. ред. д. э. н., проф. И. Ш. Дзахмишевой. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2013. 361 с.
4. Пушкина П.И. Фальсификация ювелирной продукции на российском потребительском рынке// Молодежь и XXI век - 2017 материалы VII Международной молодежной научной конференции: в 4 томах, Курск, 21–22 февраля 2017 года. Том 1. Курск: Закрытое акционерное общество «Университетская книга», 2017. С. 261-264.
5. Бондаренко Л.К. Значение судебно-искусствоведческой экспертизы в расследовании мошеннических действий с предметами искусства // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2024. №3. С. 82-87.
6. Никонович С.Л. О структуре комплексной криминалистической характеристики преступлений, совершаемых в сфере оборота драгоценных металлов и драгоценных камней // Глобальная трансформация России в эпоху цифровизации: проблемы, особенности, тенденции. 2019. С. 223-228.
7. Гаврилов Б. Я. Проблемы доказательственного значения заключения судебной экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела // Дискуссионные вопросы теории и практики судебной экспертизы. М., 2021. С. 176-181.
8. Умгаева О.В. Цифровая трансформация оборота драгоценных металлов и камней // Финансовый журнал. 2025. №6. С. 120-125.
9. Материалы следственной практики подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России за 2023 г. // Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф> (дата обращения: 28.02.2026).

PSYCHOLOGY AND PSYCHOTHERAPY

UDC 159.92

Fedoseeva N.M. The problem of loneliness in old age

Проблема одиночества в пожилом возрасте

Fedoseeva Nina Mikhailovna,

Ministry of Labor and Social Support of the Yaroslavl Region
Deputy Minister - Head of the Development Department
of Social Service Institutions

Федосеева Нина Михайловна,
Министерство труда и социальной поддержки населения
Ярославской области

Заместитель министра - начальник отдела развития учреждений
социального обслуживания

Abstract. *The article analyzes the social and psychological problem of personal loneliness faced by elderly people, as well as the factors that cause it, and the social reasons; it examines and compares the concepts of "elderly age" and "elderly person"; it explores the dependence of elderly people's loneliness on their subjective psychological perception of their age; and it analyzes the relationship between loneliness and suicidal motivation.*

Keywords: *loneliness, elderly person, old age, old people.*

Аннотация. *Статья посвящена изучению одиночества пожилых людей в социально-психологическом измерении. В ней систематизированы факторы и социальные причины, обуславливающие данное состояние. Проведён сравнительный анализ содержания понятий „пожилой возраст“ и „пожилой человек“. Исследована роль субъективной возрастной идентичности в формировании чувства одиночества. Кроме того, в работе проанализирована взаимосвязь одиночества с суицидальными установками.*

Ключевые слова: *одиночество, пожилой человек, пожилой возраст, старость.*

Рецензент: Киселева Татьяна Геннадьевна - кандидат психологических наук, доцент. Декан дефектологического факультета Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского

Проблема одиночества получила небывалый по значению философско-этический статус в конце XX — начале XXI в.: в ней увидели один из вечных роковых источников не только трагической безнадёжности существования человека, но и хода всей истории. С научной точки зрения одиночество — одно из наименее разработанных социальных понятий. Человечество посредством появления и развития высоких технологий в области коммуникации все больше и чаще включается в процесс социального и культурного сближения, происходящего во всём мире и затрагивающего все государства, в том числе и одномоментно. Однако усиливающееся таким образом сплочение наций, народов, групп людей, организаций сопровождается высоким уровнем личного одиночества. Вот, к примеру, слова Б.Г. Ананьева: «По мере

гигантского роста городов и массовых коммуникаций... возрастает одиночество человека, усиливается конфликт между человеком как субъектом общения и обезличенностью его в сфере общения...» [Ананьев, 1996, с. 384].

В рамках русской культуры одиночество обычно осмысливается через призму негативных смыслов. Самые известные словари толкуют это понятие как отрицательно окрашенный феномен, используя в определениях слова, указывающие на отсутствие чего-либо. Толковые словари Ожегова, Ушакова определяют одиночество как состояние одинокого человека. Под одиноким человеком Д.Н. Ушаков понимает «отделённый от других подобных, без других, себе подобных» [Ушаков, 2017], а С.И. Ожегов – «без близких; не имеющий семьи» [Ожегов, 2018].

В научной среде нет единого взгляда на одиночество: исследователи предлагают разнообразные теории, раскрывающие его природу, причины, динамику, значение, последствия и лежащие в основе психологические механизмы. Одни рассматривают его как неизбежную часть человеческого существования, отмечая его положительные аспекты, такие как саморазвитие и самоосознание. Другие же считают одиночество негативным явлением, которое может привести к социальной изоляции и психологическим проблемам. В последние десятилетия отечественные и зарубежные психологи активно расширяют и углубляют свои исследования по теме одиночества, что свидетельствует о растущем интересе к данной проблеме и понимании её важности для человеческого благополучия.

В контексте современных социальных и демографических тенденций особую значимость приобретает феномен одиночества на поздних этапах жизненного цикла. Это связано с увеличением доли пожилого населения, формированием социального вакуума и изоляцией данной возрастной группы. При этом одиночество выступает значимым фактором риска: оно ухудшает общее самочувствие и качество жизни, провоцирует психоэмоциональные нарушения, ускоряет деградацию когнитивных способностей (в том числе повышает вероятность развития деменции и болезни Альцгеймера), а также коррелирует со снижением средней продолжительности жизни.

Изучение этой проблемы позволяет сформировать навыки общения и позитивное восприятие возраста, выявлять скрытые ресурсы, а также необходимо для разработки программ социальной помощи, психологической адаптации и повышения качества жизни пожилых людей.

При детальном анализе понятия «пожилой возраст» и «пожилой человек» оказываются недостаточно чётко очерченными, несмотря на кажущуюся прозрачность их содержания. В зависимости от выбора исследовательских задач выделяют различные границы возраста пожилого и старого человека (их количественное и

качественное определение). Всемирная организация здравоохранения считает пожилой возраст временем жизни: женщин от 55 до 75 лет, мужчин от 61 до 75 лет, а начало времени старости — с 75 лет. Геронтолог-теоретик Джеймс Биррен, исследуя процессы старения людей, возраст от 50 до 75 лет назвал «поздней зрелостью», а возраст после 75 лет — как «старость». Согласно классификации английского психолога Д. Б. Бромли, старение состоит из трёх фаз: от 65 до 70 лет — «удаление от дел» (от активной профессиональной трудовой деятельности); от 70 и более лет — старость; около 110 лет — дряхлость, болезненная старость и смерть. В классификации Э. Эриксона возраст от 65 лет и старше — это «поздняя зрелость». Г. Крайг выделяет периоды взрослости: возраст 40–60 лет — средняя взрослость; от 60 лет и далее — поздняя взрослость [Калугина, 2021].

В обществе распространены возрастные стереотипы в отношении пожилых людей, зачастую имеющие негативную направленность. Эти стереотипы отражают сложившиеся в молодёжной среде представления о возрастных изменениях: в состоянии здоровья, физических и когнитивных возможностях, а также во внешности. Однако не у всех пожилых людей проявляются признаки старения; при их проявлении возможен разный уровень. В то же время такие стереотипы характеризуются существенной противоречивостью, например, если пожилой человек мудр и имеет жизненный опыт, значит, он «выжил из ума»; проявляет заботу о домашних питомцах - равнодушный или агрессивно относится к собственным детям и внукам и т.п. Таким образом, можно утверждать, что важен фактор индивидуальных различий, который позволяет формировать отношение пожилого человека к обществу и общества к нему [Холостова, Мкртумова, 2015].

Совокупность накопленного социокультурного и экзистенциального опыта придаёт личности пожилого человека уникальность и определяет характер её адаптации к меняющимся условиям существования. Для него вновь актуальными становятся вопросы о самоорганизации мира своей жизни, самоопределении, ценностных приоритетах, смысле продолжающейся жизни. Всё это свидетельствует о том, что пожилой возраст — переходный период в жизни человека, где для него открывается возможность иметь свободу в том, чтобы «сделать» себя тем, кем хочется быть самому и находить в этом счастье. Без этого невозможно обеспечить действительной жизни и удовлетворённости ею, избежать ухода жизни в прошлое, только в воспоминания о ней [Калугина, 2021].

Проблема одиночества выступает в числе наиболее значимых жалоб пожилых людей на фоне прочих жизненных трудностей. У лиц, старше 70 лет, этот показатель достигает 95 - 100 %, т.е. эту проблему испытывают даже те, кто проживает в окружении

родных и близких. Между тем проблема одиночества в старости для следующих поколений пожилых людей будет ещё острее. Феномен «одинокоего будущего» приобретает масштабный характер вследствие совокупности факторов: преобладания однодетных семей, значительного дисбаланса продолжительности жизни по гендерному признаку (разрыв в 12 лет) и растущей географической разобщённости внутри семей [Акутина, Столярова, 2021].

Одиночество пожилого человека очень сильно зависит от его субъективного психологического восприятия своего возраста. Так, Д. Бромлей выделяет пять типов, характеризующие приспособление личности к старости [Нагорнова, Буслаева, Власова, 2020]:

1) Конструктивное отношение человека к старости.

У представителей данного типа наблюдается эмоциональная устойчивость: они демонстрируют удовлетворённость социальными и эмоциональными связями, сбалансированную самокритичность и высокий уровень толерантности к недостаткам окружающих. Завершение профессиональной деятельности не воспринимается ими как кризисное событие; жизненная позиция носит оптимистичный характер, а перспектива смерти осмысливается как естественный этап жизненного цикла, не провоцирующий тревожных или депрессивных реакций. Отсутствие в биографии значимых психотравмирующих событий коррелирует с низким уровнем агрессивности и депрессивности, наличием устойчивых интересов и проактивного планирования будущего. Позитивная оценка собственного жизненного пути обуславливает уверенность в поддержке со стороны социального окружения и сопровождается достаточно высокой самооценкой.

2) Отношение зависимости.

В структуре зависимой личности прослеживается ориентация на значимые близкие отношения (с супругом или ребёнком) при одновременно сниженном уровне амбиций. Эта особенность обуславливает склонность к отказу от профессиональной самореализации. Семейное пространство выполняет для такой личности функцию стабилизирующего фактора: оно обеспечивает чувство защищённости, поддерживает эмоциональную устойчивость и снижает уровень тревожно-враждебных переживаний.

3) Оборонительное отношение.

Для данного типа адаптации к старости типичны гипертрофированная эмоциональная сдержанность, поведенческая прямолинейность, установка на автономность и минимизацию зависимости от внешней помощи. Лица с такой стратегией избегают артикуляции собственной позиции, испытывают затруднения в вербализации личных сомнений и проблем. Нередко формируется дистанцированная,

оборонительная позиция по отношению к ближайшему окружению: даже при наличии претензий к семье они не озвучиваются. В качестве защитного механизма, нивелирующего переживания страха смерти и чувства обездоленности, выступает принудительная активность — поддержание высокой внешней деятельностной нагрузки. Уход с профессионального поприща происходит крайне неохотно и преимущественно под социальным давлением.

4) Отношение враждебности к окружающим.

Лица с подобным типом отношения к старению демонстрируют высокий уровень враждебности, импульсивности и когнитивно -перцептивных искажений: они склонны приписывать окружающим негативные намерения и перекладывать на них ответственность за собственные проблемы. Социальная дистанция и замкнутость выступают следствием базового недоверия. Профессиональная активность сохраняется как способ регуляции внутреннего напряжения и отсрочки столкновения с возрастными ограничениями. В истории жизни преобладают стрессогенные эпизоды, часть которых привела к формированию устойчивых нервно - психических нарушений. Неприятие собственного старения сопровождается интенсивными переживаниями утраты потенциала и страхом смерти, а негативизм по отношению к молодёжи может расширяться до тотального отторжения меняющегося мира.

5). Отношение враждебности человека к самому себе.

Для данного типа отношения к старости характерна тенденция к избеганию автобиографических воспоминаний, обусловленная высокой насыщенностью жизненного пути негативными событиями и трудностями. Лица этой группы демонстрируют пассивную позицию: они не проявляют протестных реакций в отношении возрастных изменений, а принимают жизненные обстоятельства как данность. Неудовлетворённость базовой потребностью в эмоциональной привязанности и любви коррелирует с развитием депрессивных состояний, аутоагрессивных установок и аффекта печали. К этим переживаниям присоединяются ощущения социальной невостребованности и экзистенциального одиночества. При этом когнитивная оценка собственного старения отличается реалистичностью; финальный этап жизненного цикла (смерть) интерпретируется как прекращение страданий.

Снижение жизненного тонуса, лежащего в основе всевозможных недугов, в значительной степени объясняется психологическим фактором - пессимистической оценкой будущего, бесперспективным существованием. При этом, чем глубже самоанализ, тем сложнее и болезненнее психическая перестройка. Психические проблемы возникают при разрыве привычного образа жизни и общения в связи с

выходом на пенсию, также в результате потери супруга, при заострении характерологических особенностей в результате развития склеротического процесса. Психика пожилых и старых людей отличается раздражительностью, обидчивостью, ведущие порой к самоубийству, уходу из дома. Все это ведёт к возникновению эмоционально-волевых расстройств, развитию депрессии, изменениям поведения, вызванное прекращением или ограничением трудовой деятельности, пересмотров ценностных ориентиров, самого образа жизни и общения, а также возникновение различных затруднений, как в социально-бытовой, так и в психологической адаптации к новым условиям [Волкова, 2005].

Связь одиночества и суицидальной мотивации рассматривает в своей эмпирической статье Е.Н. Артамонова. Суицидальность пожилых людей часто игнорируется обществом. Для людей пожилого возраста, имеющих в анамнезе попытку суицида, характерна более высокая выраженность ощущения одиночества и различных суицидальных мотивов по сравнению с пожилыми людьми, ни разу не пытавшимися совершить самоубийство. Обнаруженные в результате исследования корреляционные связи подтверждают гипотезу о влиянии одиночества на проявление суицидальной мотивации (инструментальной и поствитальной) [Артамонова, 2019].

1. Потеря устойчивых социальных контактов и принадлежности к значимым группам влечёт за собой изменение образа «Я»: пожилой человек всё чаще осмысляет себя как изолированную, незащищённую личность, существующую в условиях воспринимаемой внешней угрозы. Изменение статусных позиций коррелирует с ослаблением чувства собственной ценности и востребованности в обществе.

Таким образом, проблема одиночества в пожилом возрасте носит комплексный характер и затрагивает как социальную, так и психологическую сферы жизнедеятельности. Устойчивое состояние одиночества обуславливает развитие депрессивного фона, повышенной тревожности, страхов (в том числе страха смерти), нарушений циркадных ритмов и склонности к гиперболизации рисков. Среди социальных факторов, провоцирующих изоляцию, следует выделить утрату брачного партнёра, выход на пенсию, сокращение частоты и глубины социальных контактов, а также проявления социального исключения. Изолированность усиливает соматическую уязвимость: отмечается рост уровня стресса, ухудшение контроля над хроническими заболеваниями, повышение риска кардиоваскулярных осложнений и общей летальности. Оптимальная стратегия решения проблемы предполагает сочетание мер по вовлечению пожилых людей в социальную активность, поддержке со стороны семьи и общества, применению цифровых технологий для поддержания коммуникации, а также адресной профессиональной помощи».

References

1. Акутина С.П., Столярова Е.В. — Феномен одиночества граждан пожилого возраста: предмет обсуждения // Социодинамика. – 2021. – № 7. DOI: 10.25136/2409-7144.2021.7.34881 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=34881.
2. Ананьев Б.Г. Психология и проблемы человекознания / под ред. А.А. Бодалева. М.: Изд-во Института практической психологии; Воронеж, 1996. 384 с.
3. Волкова Т.Н. Социальные и психологические проблемы старости // Вопросы психологии 2005 №2. С. 118-126
4. Калугина Т.А. Пожилой человек как объект исследования: от конкретно-научной к философско-антропологической интерпретации // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 5 (451). Философские науки. Вып. 60. С. 95–100.
5. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов; Под ред. проф. Л.И. Скворцова. – 27-е изд., испр. – М.: Издательство АСТ: Мир и образование, 2018. – 736 с.
6. Нагорнова А.Ю., Буслаева Е.Л., Власова Н.В. и др. Феномен одиночества в современном обществе. Коллективная монография / Ульяновск, 2020.
7. Ушаков, Д.Н. Большой толковый словарь русского языка. Современная редакция / Д.Н. Ушаков. – М.: ООО «Хит-книга», 2017. – 960 с.
8. Холостова Е.И. Социальное сопровождение пожилых людей 75+ : учебно-методическое пособие для бакалавров / Е.И.Холостова, И.В.Малофеев, А.Г.Скоробогатова. - Москва: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2020. - 256 с.

UDC 159.9.072

Kotkina A.L. The relationship between defense mechanisms and styles of conflict behavior: results of a pilot study

Связь защитных механизмов и стилей конфликтного поведения: результаты
пилотажного исследования

Kotkina Anna Leonidovna,

Student, Autonomous Non-Profit Organization of Higher Education "Moscow University Synergy" Moscow, Faculty of Psychology.

Academic Supervisor: **Semenova Anastasia Anatolyevna,**

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Autonomous Non-Profit Organization of Higher Education "Moscow University 'Synergy'", Moscow

Коткина Анна Леонидовна,

студент, Автономная некоммерческая организация высшего образования «Московский университет «Синергия» г. Москва, Факультет психологии.

Научный руководитель: Семенова Анастасия Анатольевна,

кандидат психологических наук, доцент, Автономная некоммерческая организация высшего образования «Московский университет «Синергия», г. Москва

Abstract. The article presents the results of a pilot study on the relationship between defense mechanisms (projection, rationalization, displacement) and conflict behavior styles (competition, cooperation, avoidance). The sample consisted of 5 respondents (students of the Faculty of Psychology, aged 20-23). The "Life Style Index" (R. Plutchik, H. Kellerman, H. Conte) and K. Thomas's questionnaire were used. It was found that high levels of projection and rationalization are combined with a low level of competition and a high level of cooperation, which partially contradicts the original hypothesis. The data require verification on an expanded sample.

Keywords: defense mechanisms, conflict behavior styles, projection, rationalization, cooperation, pilot study.

Аннотация. В статье представлены результаты пилотажного исследования взаимосвязи защитных механизмов (проекция, рационализация, замещение) и стилей поведения в конфликте (соперничество, сотрудничество, избегание). Выборка составила 5 респондентов (студенты психологического факультета, 20-23 года). Применялись методики «Индекс жизненного стиля» (Р. Плутчик, Х. Келлерман, Х. Конте) и опросник К. Томаса. Обнаружено, что высокие показатели проекции и рационализации сочетаются с низким уровнем соперничества и высоким уровнем сотрудничества, что частично не подтверждает исходную гипотезу. Данные требуют проверки на расширенной выборке.

Ключевые слова: защитные механизмы, стили поведения в конфликте, проекция, рационализация, сотрудничество, пилотажное исследование.

Рецензент: Киселева Татьяна Геннадьевна - кандидат психологических наук, доцент. Декан дефектологического факультета Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского

Введение. Изучение психологических защитных механизмов в контексте конфликтного поведения имеет давнюю традицию. Именно З. Фрейд [12] ввел понятие защитных механизмов, а его дочь А. Фрейд [11] систематизировала их, показав, как бессознательные процессы позволяют личности справляться с тревогой и

внутриличностными конфликтами. Р. Плутчик с коллегами разработал структурную теорию защит, связав их с базовыми эмоциями и выделив восемь основных механизмов: отрицание, вытеснение, регрессия, компенсация, проекция, замещение, рационализация, реактивное образование [8].

В отечественной психологии Р.М. Грановская и И.М. Никольская рассматривали психологическую защиту как систему стабилизации личности, ограждающую сознание от травмирующих переживаний, связанных с внутренними и внешними конфликтами [4]. Е.С. Романова и Л.Р. Гребенников адаптировали методику «Индекс жизненного стиля» на российской выборке и показали, что юноши значительно чаще используют подавление, девушки – реактивное образование [9].

По мнению И.В. Борисовой и Ю.Н. Хадыкиной, взаимосвязь способов поведения в конфликте с защитными механизмами и копинг-стратегиями исследована недостаточно, особенно на выборках, различающихся по возрасту и профессиональной принадлежности [3]. На старшеклассниках авторы установили: у юношей поведение в конфликте чаще связано со стратегиями совладающего поведения, у девушек – с механизмами психологической защиты. При этом и юноши, и девушки чаще используют компромисс, реже – соперничество.

В исследованиях подростковых выборок получены следующие результаты. И.Р. Абжанова [1] обнаружила положительную связь отрицания с приспособлением и замещения с конфронтацией. К.Д. Нарейко [7] отмечает, что проекция встречается чаще других защитных механизмов, тогда как сублимация – редко. Е.А. Фадеева [10] также выявила доминирование проекции у старших подростков, а среди стратегий поведения в конфликте – компромисс. Д.Р. Мерзлякова [6] на студентах технических специальностей показала влияние независимости и самоконтроля на выбор стратегий. Т.В. Белашина и Е.Д. Капитонова установили, что мальчики 13-14 лет более склонны к проекции, а девочки того же возраста – к сознательному планированию [2].

Остаются открытыми вопросы о том, как защитные механизмы связаны с конкретными стилями поведения в конфликте у взрослых респондентов на этапе пилотажной проверки инструментария. Настоящее исследование проверяет гипотезу: участники конфликта с выраженными механизмами «проекция» и «замещение» чаще демонстрируют деструктивные стили (соперничество, избегание), тогда как испытуемые с доминированием «рационализации» – конструктивные стратегии (сотрудничество, компромисс).

Методика. В пилотажном исследовании участвовали 5 студентов психологического факультета Московского университета «Синергия» (3 женщины, 2 мужчины) в возрасте 20-23 лет. Участники были информированы о целях и дали

добровольное согласие.

Для диагностики защитных механизмов использовался опросник «Индекс жизненного стиля» (Life Style Index, LSI) Р. Плутчика, Х. Келлермана, Х. Конте в адаптации Е.С. Романовой и Л.Р. Гребенникова [9]. Анализировались три механизма: проекция, рационализация, замещение – как наиболее часто упоминаемые в исследованиях конфликтного поведения.

Для диагностики стилей поведения в конфликте применялся опросник К. Томаса (Thomas-Kilmann Conflict Mode Instrument) в адаптации Н.В. Гришиной [5]. Оценивались три стратегии: соперничество, сотрудничество, избегание – как наиболее тесно связанные с защитными механизмами.

Процедура проводилась индивидуально. Респонденты заполняли бланки самостоятельно. Обработка включала подсчет сырых баллов и расчет средних значений по выборке. Ввиду малого объема выборки статистический анализ ограничился описательной статистикой.

Результаты. У женщин (№1, №3, №5, 20–21 год) средние показатели: проекция 6,7, рационализация 7,7, замещение 5,3, соперничество 1,3, сотрудничество 8,7, избегание 3,7. У мужчин (№2, №4, 22-23 года): проекция 7,5, рационализация 6,0, замещение 7,0, соперничество 2,5, сотрудничество 6,5, избегание 5,5.

Средние по выборке распределились следующим образом. Наиболее высокие значения получены по проекции и рационализации (по 7,0), чуть ниже – по замещению (6,0). Среди стилей конфликтного поведения лидирует сотрудничество (7,8), тогда как соперничество минимально (1,8), избегание – на среднем уровне (4,4). Среди защитных механизмов наиболее выражены проекция и рационализация, среди стилей поведения доминирует сотрудничество, соперничество минимально.

Исходная гипотеза не подтвердилась. Высокий уровень проекции сочетался с высоким уровнем сотрудничества (испытуемый №1). Этот результат отчасти перекликается с данными И.В. Борисовой и Ю.Н. Хадыкиной: у юношей сотрудничество положительно коррелировало с компенсацией, у девушек – отрицательно с конфронтацией и самоконтролем [3]. В нашей выборке представлены и мужчины, и женщины, что, вероятно, и дает частичное расхождение с литературными данными, полученными отдельно по полу.

У тех испытуемых, у которых рационализация оказалась наиболее выражена (№3 и №5), соперничество было низким, а сотрудничество – высоким. Данные согласуются с результатами Е.А. Фадеевой: компромисс чаще выбирают старшие подростки с высокими показателями рационализации и компенсации [10]. Однако, по мнению К.Д. Нарейко, рационализация скорее оправдывает уже совершенные действия, чем

помогает найти новое решение [7].

Низкий уровень соперничества и высокий уровень сотрудничества характерны для студентов-психологов, ориентированных на эмпатию и конструктивное взаимодействие.

Обсуждение. Гипотеза о связи проекции и замещения с деструктивными стилями поведения на данной выборке не подтвердилась. Проекция и рационализация сочетались с высоким уровнем сотрудничества. Испытуемые – студенты-психологи, обладающие развитой рефлексией и способные осознавать свои проективные тенденции. Белашина и Капитонова показали, что девочки старшего подросткового возраста с более высоким уровнем саморегуляции используют более адаптивные механизмы совладания [2].

Рационализация, рассматриваемая как «зрелый» механизм защиты, в нашем исследовании оказалась связана с сотрудничеством. Однако, как пишет К.Д. Нарейко, рационализация не устраняет причину конфликта, а лишь изменяет его восприятие [7].

Следует учитывать ограничения пилотажного этапа. Это малый объем выборки (5 человек), отсутствие статистической проверки значимости и однородность состава (только студенты-психологи). Это не позволяет экстраполировать данные на более широкие популяции. Пилотаж выполнил свою функцию: проверены методики, выявлены сложности в интерпретации данных, скорректирована гипотеза для основного этапа.

В основном исследовании планируется увеличить выборку до 50-60 человек, включить респондентов разных профессиональных групп и использовать корреляционный анализ.

Выводы. У студентов-психологов (N=5) наиболее выражены защитные механизмы проекция и рационализация (7,0 баллов), среди стилей конфликтного поведения доминирует сотрудничество (7,8 баллов), соперничество минимально (1,8 балла).

Гипотеза о связи проекции и замещения с деструктивными стилями поведения не подтвердилась. Высокий уровень проекции и рационализации сочетался с высоким уровнем сотрудничества.

Данные могут указывать на влияние профессиональной подготовки психологов на более осознанное использование защитных механизмов. Для проверки необходима расширенная выборка с участием респондентов других специальностей.

References

1. Абжанова И.Р. Взаимосвязь механизмов психологической защиты личности и стиля поведения подростков в конфликтной ситуации // Молодой ученый. – 2022. – № 31 (426). – С. 76–78.

2. Белашина Т.В., Капитонова Е.Д. Особенности проявления механизмов психологической защиты и копинг-стратегий в подростковом возрасте // Развитие человека в современном мире. – 2024. – № 3. – С. 55–68.
3. Борисова И.В., Хадыкина Ю.Н. Связь способов поведения в конфликте с типами защитного и совладающего поведения юношей и девушек // Российский психологический журнал. – 2018. – Т. 15, № 1. – С. 92–112.
4. Грановская Р.М., Никольская И.М. Психологическая защита у детей. – СПб.: Речь, 2010. – 352 с.
5. Гришина Н.В. Психология конфликта. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2008. – 544 с.
6. Мерзлякова Д.Р. Личностные характеристики и их влияние на стратегию поведения в конфликтах у студентов направления подготовки «Управление в технических системах» // Вестник Мининского университета. – 2025. – Т. 13, № 1. – С. 11.
7. Нарейко К.Д. Защитные механизмы психики в конфликте // Молодой ученый. – 2024. – № 28 (527). – С. 203–204.
8. Плутчик Р., Келлерман Х., Конте Х.Р. Структурная теория защит эго и эмоций // Эмоции в личности и психопатологии / Под ред. К.Э. Изарда. – Нью-Йорк: Plenum Press, 1979. – С. 229–257.
9. Романова Е.С., Гребенников Л.Р. Механизмы психологической защиты: генезис, функционирование, диагностика. – Мытищи: Талант, 1996. – 144 с.
10. Фадеева Е.А. Механизмы психологической защиты и стратегии поведения в конфликте как защитные системы личности у старших подростков // Вестник науки. – 2024.
11. Фрейд А. Психология «Я» и защитные механизмы. – СПб.: Питер, 2022. – 160 с.
12. Фрейд З. Психология бессознательного. – М.: Питер, 2007. – 400 с.

REVIEWS AND ANALYSIS

UDC 324

Sukharev D. The 2025 elections in the context of reduced political competition

Выборы 2025 года в условиях снижения политической конкуренции

Sukharev Denis,

postgraduate student, Omsk Humanitarian Academy, Omsk

Сухарев Денис Дмитриевич,

аспирант, Омская гуманитарная академия, г. Омск

Abstract. *The purpose of the article is to assess the level of political competition in the 2025 elections of deputies to regional parliaments and representative assemblies, in comparison with the results of the previous electoral cycle. The study employs a comparative method. Using special procedures and algorithms for analysing electoral statistic, the dynamics of changes in the indicators of parties and candidates in both proportional and majoritarian elections were characterized. The findings reveal a downward trend in the level of political competition in 2025, as well as a decline in the influence of non-parliamentary opposition parties in the Russian regions.*

Keywords: *political competition, elections, competitive constituency, majoritarian system, proportional system, mixed system, single-member constituency, party.*

Аннотация. *Цель статьи заключается в определении уровня политической конкуренции на выборах депутатов региональных парламентов и представительных собраний 2025 года при сопоставлении с результатами предыдущего избирательного цикла. В исследовании использовался компаративный метод. На основе специальных процедур и алгоритмов анализа электоральной статистики была охарактеризована динамика изменения показателей партий и кандидатов на выборах по пропорциональной и мажоритарной системе. В результате была установлена тенденция на снижение уровня политической конкуренции в 2025 году, а также снижение уровня влияния партий непарламентской оппозиции в регионах России.*

Ключевые слова: *политическая конкуренция, выборы, конкурентный округ, мажоритарная система, пропорциональная система, смешанная система, одномандатный округ, партия.*

Рецензент: Бюллер Елена Александровна – кандидат экономических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Адыгеский государственный университет»

Политическая конкуренция является одним из показателей состояния ключевых институтов демократии в современных государствах. Она является основным механизмом ротации политической элиты и ее рекрутирования, создает благоприятные условия для организации управленческих функций и для учета интересов различных социальных групп. Выборы являются одним из основных пространств политической конкуренции в демократическом обществе, так как на их фоне акторы вынуждены бороться друг с другом за лояльность избирателей за счет предложения им наиболее подходящих путей решения их проблем [3].

Широкий корпус исследований, посвященных российским электоральным процессам, фокусируется на их региональной вариативности и эволюции. Значительное внимание уделяется анализу партийных систем на региональном уровне [2; 4; 7], в которых демонстрируется неравномерность показателей политической конкуренции на разных уровнях политической системы: чем ниже ее уровень, тем ниже показатели плюрализма. Исследуется и роль административного ресурса как динамически изменяющейся величины, влияющей на результаты голосования [1; 5], а также влияния этнического фактора и структуры региональных элит на политическую лояльность [6].

Главным интересом для исследования в данной работе является изучение параметров избирательной системы, которые так же зависят от уровня выборов: чем они ниже, тем меньше доля мандатов, распределяемых по пропорциональной системе. Данная тенденция сопровождается постепенным уменьшением частоты применения соответствующих параметров в рамках реформирования избирательных систем.

В 2020 и 2025 г. в России прошли выборы депутатов 11 региональных парламентов. В данных субъектах региональные власти решили не менять избирательную систему, сохранив равное распределение мандатов по мажоритарной и пропорциональной системе. Также в данные года прошли выборы депутатов 19 представительных собраний административных центров субъектов (помимо этого, были проанализированы выборы депутатов города Самары в 2010 г. с целью проведения сравнительного анализа с результатами выборов 2025 г., так как депутаты 2 последующих созывов не избирались на прямых выборах, в связи с чем данные выборы при дальнейшем анализе будут анализироваться в совокупности с выборами 2020 г. в других регионах). Ранее 2020 г. местные власти сменили избирательную систему на выборах депутатов административных центров в 11 регионах, перейдя на полностью мажоритарную, Республика Коми пошла их примеру в 2025 г. и лишь в 8 регионах система осталась смешанной.

Реформа избирательного законодательства (отказ от использования пропорциональных параметров избирательной системы) вынудила партии проводить качественную предвыборную кампанию в условиях отсутствия возможности привлечения сильных в финансовом и политическом отношении кандидатов через предоставление им «проходных» позиций в партийных списках. Такое положение вещей естественным образом способствовало ротации корпуса кандидатов: во-первых, снижение шансов на успех лишало часть потенциальных кандидатов мотивации к участию в избирательной кампании, во-вторых, руководство местных и региональных отделений, напротив, стимулировалось к более активному поиску тех, кто мог бы усилить партийные ряды.

Чтобы оценить успехи в подборе кадров для выдвижения в качестве кандидатов в одномандатных округах мы рассмотрели, как менялись разрывы в голосах между 1 и 2 местом. Сокращение разности результатов в настоящей статье рассматривается как маркер роста конкуренции: чем меньше число голосов, поданных за победителя и за ближайшего к нему кандидата, тем менее предрешенной является победа и тем более серьезен вызов победителю со стороны его оппонентов. В современных российских условиях сокращение дистанции между победителем (как правило, кандидатом, выдвинутым «Единой Россией» – далее ЕР) и обладателем второго места (как правило, кандидатом от одной из партий парламентской оппозиции) можно рассматривать как указание на успехи кадровой политики и агитационной кампании оппонентов ЕР. Напротив, увеличение разности указывает на укрепление позиции ЕР и на дальнейшее ослабление ее оппонентов.

В ходе анализа выделялись два типа кампаний, которые условно обозначались как «конкурентные» и «неконкурентные».

Конкурентными мы называем те выборы в мажоритарных округах, где разрыв между кандидатами, занявшими первое и второе место, был не более, чем двухкратным.

Перед тем как охарактеризовать изменения в уровне конкуренции в мажоритарных округах на выборах 2025 г, по сравнению с 2020 г., необходимо обозначить, что в 2025 г. их количество было увеличено на 21.

Всего в 2020 г. партии выдвинули 3677 кандидатов на выборах депутатов в одномандатных округах, а в 2025 г. – 4236 (на 559 больше, чем в 2020 г.).

Всего число конкурентных округов сократилось на 183, а неконкурентных стало больше на 174 (на 55% уменьшилось и 35% увеличилось соответственно). Наибольшие потери по количеству выигранных мажоритарных округов понесли партии на выборах муниципальных депутатов в Сыктывкаре, Тамбове, Томске и Новосибирске. Исходя из соотношения конкурентных и неконкурентных округов, мы можем сделать вывод, что соревновательность в мажоритарных округах в 2025 г. сократилась и конкуренты ЕР не смогли провести сколько-нибудь успешные избирательные кампании (в 2020 г. соотношение неконкурентных и конкурентных округов было менее 1:2, а в 2025 г. оно выросло более 1:4; рис. 1).

Рис. 1. Результаты ЕР и оппозиции в мажоритарных округах в 2020-2025 гг.

В 2020 г. главный оппонент ЕР в лице КПРФ значительно ухудшил результат по количеству выигранных конкурентных округов, вместе с ними показатель снизился у «Родины», которая в 2020 г. выиграла большинство одномандатных округов на выборах депутатов города Тамбов. Результат улучшить смогли лишь 3 партии, а сохранить его удалось лишь «Справедливой России – Патриоты – За Правду» (далее – СРЗП, СР; рис. 2).

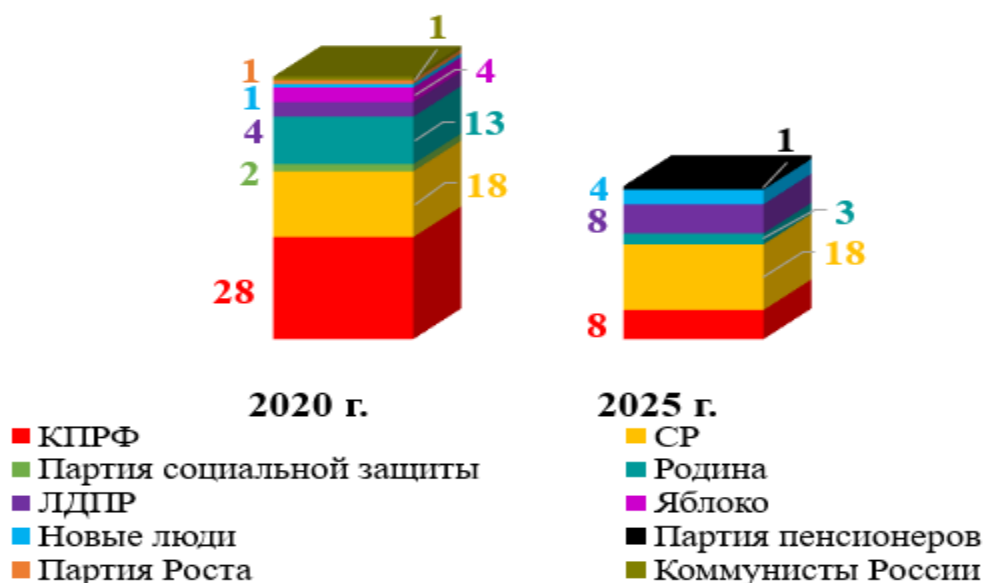

Рис. 2. Количество выигранных партиями оппозиции конкурентных округов в 2020-2025 гг.

КПРФ, ухудшив свой результат по количеству выигранных конкурентных округов, смогла нивелировать его за счет того ее кандидаты смогли выиграть своих оппонентов со значительным отрывом, тем самым позволив увеличить показатель по количеству выигранных неконкурентных округов втрое. Также вместе с ними провести результативную кампанию по выдвижению своих представителей смогли «Новые люди», которым удалось с отрывом одолеть своих оппонентов в 7 одномандатных округах (рис. 3).

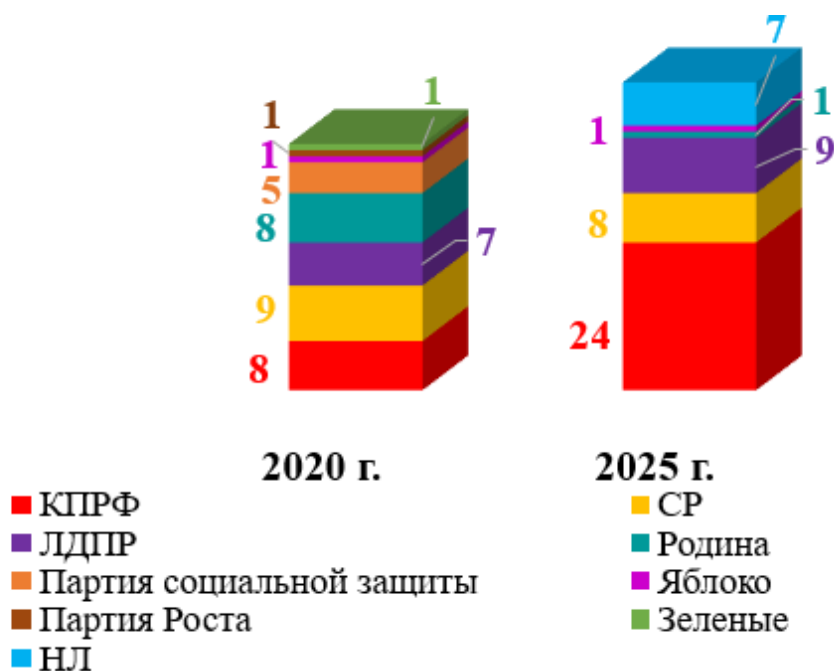

Рис. 3. Количество выигранных партиями оппозиции неконкурентных округов в 2020-2025 гг.

В большей части регионов ЕР прибавила в своих показателях, в мажоритарных округах разрывы между кандидатами возрастали, и среди всех регионов их сокращение реально помогло оппозиции увеличить или удержать большую часть своих мандатов лишь в четырех субъектах (Астраханская, Магаданская, Оренбургская области, Республика Коми). В трех субъектах (Ямало-Ненецкий автономный округ, Магаданская область, Республика Татарстан), где показатель сохранил свое значение, результат для партий оппозиции сложился низким, как и в 2020 г. (рис. 4).

Рис. 4. Конкуренция в мажоритарных округах на выборах региональных парламентов и представительных собраний 2025 г.

По пропорциональной системе результат ЕР упал лишь в 1 регионе (Орловская область), где партия потеряла менее 2%, при этом в других регионах, где в 2020 г. она потеряла значительное число голосов за список, ей удалось вернуть свое преимущество (рис. 5). Наиболее значителен прирост произошел в Тамбовской области – 28%, Рязанской области – 23%, Новосибирской области – 18%.

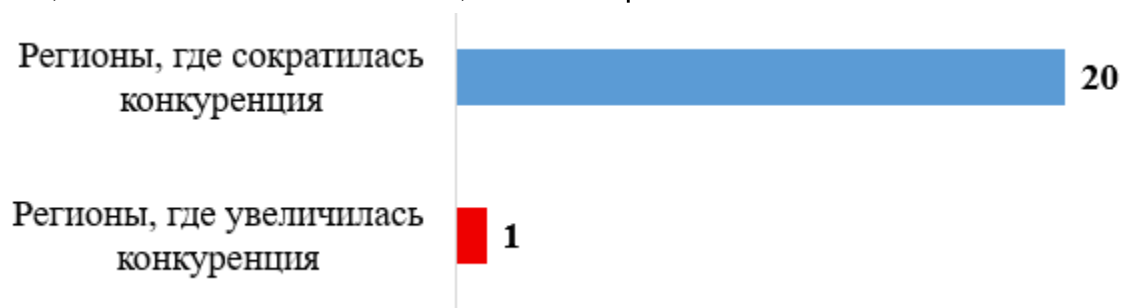

Рис. 5. Конкуренция в списках на выборах региональных парламентов и представительных собраний 2025 г.

Характеризуя уровень конкуренции в субъектах, мы в первую очередь отмечали ее высокий показатель по мажоритарной системе при условии, что количество «конкурентных округов» было не менее чем 1/3 от общего числа мажоритарных округов.

В большинстве субъектов в 2020 г. на выборах депутатов был замечен высокий уровень конкуренции (в 14 регионах на выборах депутатов административных центров и в 6 на выборах депутатов региональных парламентов). В 2025 г. данные показатели значительно снизились и лишь в 3 регионах на выборах депутатов представительных собраний удалось сохранить высокий уровень конкуренции (Республика Коми, Воронежская и Магаданская области), а в Астраханской области удалось улучшить

данный показатель (рис. 6). При этом стоит отметить, что ЕР в данном регионе, несмотря на высокий уровень конкуренции, смогла улучшить свой предыдущий результат по количеству выигранных мандатов по мажоритарной системе (в 2020 г. – 22, а в 2025 г. – 28).

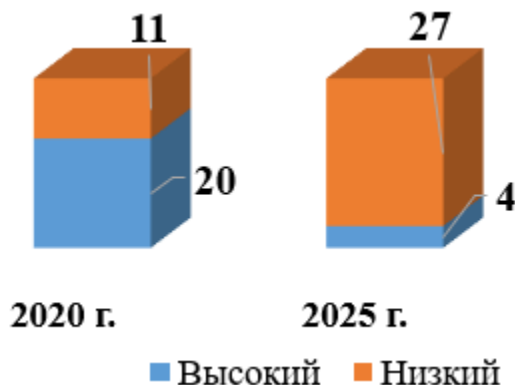

Рис. 6. Уровень конкуренции между ЕР и партиями парламентской оппозиции на выборах депутатов в мажоритарных округах 2020-2025 гг.

Во вторую очередь по пропорциональной системе конкуренция считалась нами высокой в тех случаях, когда ЕР набирала по спискам менее 50% голосов.

Характеризуя выборы 2025 г. можно отметить значительное снижение уровня конкуренции, если в 2020 г. на выборах депутатов региональных парламентов в 7 из 11 субъектах ЕР набирала менее 50% голосов за список, то в 2025 г. лишь в Республике Коми ей не удалось добиться результата в 50% и более, при этом ей все-равно удалось улучшить его почти на 16% (в 2020 г. – 28,61%; в 2025 г. – 44,50%). Также высокий уровень удалось сохранить на выборах депутатов 5 представительных собраний (рис. 7).

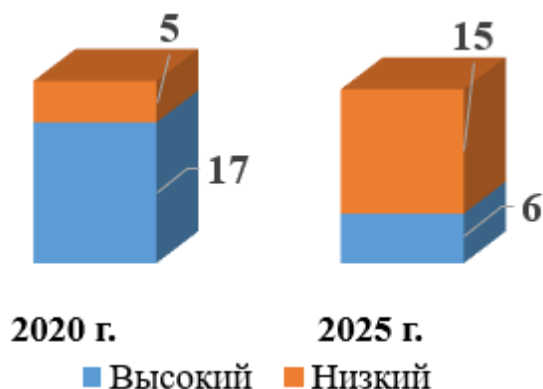

Рис. 7. Уровень конкуренции между ЕР и партиями парламентской оппозиции на выборах депутатов в списках 2020-2025 гг.

Вывод: на основе данных сведений мы пришли к выводу, что уровень конкуренции заметно сократился в регионах в 2025 г., по сравнению с предыдущим циклом, в большей части субъектов показатели оппозиции сократились, как в мажоритарных округах, так и в списках.

В 2025 г. оппоненты ЕР слабее всего показали себя в регионах, где была применена смешанная система: в одномандатных округах они, как правило, проигрывали, некоторое количество мандатов им удавалось получить по итогам голосования за партийные списки (лишь в 2 из 20 регионов, где была смешанная система в 2025 г. количество мест ЕР осталось на прежнем уровне, в других ей удалось улучшить свои результаты). В регионах с полностью мажоритарной системой оппоненты ЕР оказались в чуть более благоприятной ситуации, хоть и в большинстве случаев, они так же проиграли свои мандаты ЕР, но в 3 административных центрах (в Ульяновской, Владимирской и Липецкой области) им удалось выиграть у них большее число мандатов, чем в 2020 г.

Параметры избирательной системы на выборах 2025 г. не имели столь значительной роли при распределении мест в региональных парламентах и представительных собраниях, будь то полностью мажоритарная или смешанная система, партии оппозиции в большинстве случаев ухудшали свои результаты. Если в 2020 г. их успехи в ряде регионов можно было охарактеризовать условиями роста протестных настроений на фоне проведения конституционной реформы, а также активных предвыборных кампаний кандидатов и партий, то в 2025 г. их активность уже не была столь заметной. Партии непарламентской оппозиции в данном случае потерпели наибольшие потери по количеству мандатов, по сравнению с предыдущим циклом (в 2020 г. – 35 мандатов, в 2025 г. – 6 мандатов), в то же время более сильные их оппоненты, наоборот, смогли заполучить для себя дополнительные места (2020 г. – 75 мандатов, в 2025 г. – 86 мандатов. Таким образом, в выигрыше остались наиболее сильные партии (с точки зрения занятия ими мест в Парламенте), которые смогли получить для себя новые мандаты, другим адаптироваться к новым условиям стало сложнее.

References

1. Курочкин А. В. Механизм ограничения электоральной конкуренции между российскими политическими партиями. Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 1. С. 89–98.

2. Кынев, А. В. (Иностранный агент, включен в реестр Минюста РФ 20.02.2026) Выборы региональных парламентов в России 2014–2020: Новая департизация и Управляемая партийность 2.0. М.: Фонд Либеральная миссия, 2021. 1216 с.
3. Левицкий, С., Вэй, Л. А. Подъем конкурентного авторитаризма // Неприкосновенный запас. 2018. №5 (121). С. 29–47.
4. Лукьянова, Е. А., Порошин, Е. Н., Шпилькин, С. А., Арутюнов, А. А., Зворыкина, Е. В. Выборы строго режима. М.: Мысль, 2022. 496 с.
5. Любарев, А. Е. (Иностранный агент, включен в реестр Минюста РФ 29.04.2022) Партийная система России в тисках административного ресурса // Многопартийность в России в XX в.: становление, динамика, трансформации: Материалы международной научной конференции, Москва, 01–02 ноября 2018 года / Под общей редакцией А. Б. Ананченко. М.: Московский педагогический государственный университет. 2019. С. 182–189.
6. Шкель, С. Н. Скованные одной сетью: выборы, этнический фактор и патрональная политика в регионах. М.: Новый хронограф, 2024. 222 с.
7. Шпагин, С. А. Региональные партийные системы: формирование концепции // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. С. 225–234.

SOCIAL WORK AND SOCIAL POLICY

UDC 316.334.22:622.342(571.65)

Arno V.V., Kolesnichenko E.P., Elnikova E.A., Remizov N.A.

The rotational shift method as a social institution: impact on family, health and professional identity of employees of gold mining enterprises in the Magadan Region

Вахтовый метод как социальный институт: влияние на семью, здоровье и профессиональную идентичность работников золотодобывающих предприятий Магаданской области

Arno Veronika Vladimirovna

Ph.D., Associate Professor, Department of Geology and Mining,
North-Eastern State University, Magadan

Kolesnichenko Eva Pavlovna

Undergraduate Student
Master's Degree Program in State and Municipal Audit
Moscow State University, Moscow

Elnikova Elena Aleksandrovna

Senior Lecturer, Department of ETiS,
North-Eastern State University, Magadan

Remizov Nikita Andreevich,

Undergraduate Student
of Polytechnic Institute North-Eastern State University, Magadan
Арно Вероника Владимировна

Кандидат технических наук, доцент кафедры Геологии и горного дела ФГБОУ ВО Северо-Восточный государственный университет, г. Магадан

Колесниченко Ева Павловна,

Студентка 4 курса
направления подготовки «Государственный и муниципальный аудит»
ВШГА МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва

Ельникова Елена Александровна,

Старший преподаватель кафедры ЭТиС
ФГБОУ ВО Северо-Восточный государственный университет, г. Магадан

Ремизов Никита Андреевич,

Студент 4 курса
Политехнический институт
ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет», г. Магадан

Abstract. *The aim of the study is to reveal the content of the rotational shift method as a social institution and to assess its impact on family relations, health and professional identity of employees of gold mining enterprises in the Magadan Region. Institutional analysis, generalisation of sociological and medical studies of rotational work and a calculation method for the employee time budget were applied. Six calculation relationships are proposed and a comparative calculation is performed for four shift schedules. It is established that with a formally equal share of working time the 15/15 and 30/30*

schedules produce fundamentally different results: the effective family presence fund amounts to 73 and 128 days per year, and the integral index of institutional stability equals 0.387 and 0.550 respectively. It is shown that a set of social measures raises the index to 0.702 without changing the work schedule, and the largest contribution is made by measures reducing travel time and the family readaptation period.

Keywords: *rotational shift method, social institution, gold mining, Magadan Region, rotational worker family, occupational health, professional identity, desynchronosis, time budget.*

Аннотация. *Цель работы – раскрыть содержание вахтового метода как социального института и оценить его влияние на семейные отношения, здоровье и профессиональную идентичность работников золотодобывающих предприятий Магаданской области. Используются институциональный анализ, обобщение результатов социологических и медицинских исследований вахтового труда, а также расчетный метод оценки бюджета времени работника. Предложены шесть расчетных зависимостей и выполнен сравнительный расчет для четырех режимов вахты. Установлено, что при формально равной доле рабочего времени режимы 15/15 и 30/30 дают принципиально разный результат: эффективный фонд присутствия в семье составляет 73 и 128 суток в год, а интегральный индекс институциональной устойчивости – 0,387 и 0,550 доли ед. соответственно. Показано, что реализация комплекса социальных мер повышает индекс до 0,702 без изменения режима труда, а наибольший вклад дают меры, сокращающие время в пути и период реадaptации в семье.*

Ключевые слова: *вахтовый метод, социальный институт, золотодобыча, Магаданская область, семья вахтовика, здоровье работников, профессиональная идентичность, десинхроноз, бюджет времени.*

Рецензент: Бюллер Елена Александровна – кандидат экономических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Адыгеский государственный университет»

Введение

Вахтовый метод в золотодобыче Северо-Востока России давно перестал быть временной организационной мерой и превратился в устойчивый способ воспроизводства трудовых ресурсов отрасли. Правовая рамка метода задана главой 47 Трудового кодекса Российской Федерации: вахтовым методом признается особая форма осуществления трудового процесса вне места постоянного проживания работников, когда не может быть обеспечено их ежедневное возвращение домой; продолжительность вахты не должна превышать одного месяца, а в исключительных случаях может быть увеличена работодателем до трех месяцев с учетом мнения выборного органа первичной профсоюзной организации [1]. Кодекс прямо ограничивает круг лиц, допускаемых к такой работе, исключая работников моложе восемнадцати лет, беременных женщин и женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет [1]. Уже сам характер этих норм показывает, что законодатель рассматривает вахту не только как режим труда, но и как обстоятельство, затрагивающее семейную и физиологическую сферы жизни человека.

Масштаб явления делает его самостоятельным объектом социологического анализа. В Ямало-Ненецком автономном округе численность работающих вахтовым методом выросла с 25,5 тыс. человек в 1991 году до 133,7 тыс. человек к 2020 году, причем 91,1 тыс. человек прибывают из других регионов страны; продолжительность

рабочей недели при отдельных вариантах вахтового режима достигает 52–60 часов против 40 часов при обычном режиме [2]. Аналогичная модель воспроизводится и на Колыме: при численности населения Магаданской области около 134 тыс. человек и значительной доле лиц пенсионного возраста региональный рынок труда не покрывает потребности предприятий, а на цифровой платформе «Работа России» одновременно размещается более 2,5 тыс. вакансий, в том числе с оплатой до 400 тыс. руб. в месяц на добыче золота и 280 тыс. руб. для машиниста бульдозера при полном обеспечении проживания, питания и проезда [3]. Среднемесячная начисленная заработная плата по области в 2025 году составила 178 076 руб. против 153 760 руб. в 2024 году [4], то есть вахтовые предложения формируют для работника из других регионов заведомо более высокий доход, чем большинство локальных рабочих мест.

В 2024 году в Магаданскую область прибыло 7913 человек и выбыло 6063 человека при итоговом миграционном приросте 1850 человек [5]. Такая интенсивность обмена при малом сальдо означает, что за формально положительной динамикой стоит непрерывная ротация людей, для значительной части которых регион остается не местом жизни, а местом работы. Именно поэтому вахтовый метод корректно рассматривать не как техническую деталь организации производства, а как социальный институт — устойчивую систему норм, ролей и практик, которая регулирует поведение работника и его семьи, воспроизводится из поколения в поколение и обладает собственными механизмами поддержания [2, 6].

Цель работы — раскрыть содержание вахтового метода как социального института и количественно оценить его влияние на семейные отношения, здоровье и профессиональную идентичность работников золотодобывающих предприятий Магаданской области.

Материалы и методы

Институциональная структура вахтового труда

Вахтовый метод отвечает всем признакам социального института: он имеет нормативное закрепление (глава 47 Трудового кодекса и локальные положения о вахтовом методе), устойчивый набор ролей (вахтовик, «домашний» супруг, наставник, бригада как первичный коллектив), собственные ритуалы (проводы и встреча вахты, заезд, передача смены) и санкции за отклонение от нормы. Как показывает мониторинг вахтовых сообществ, устойчивость института подтверждается воспроизводством намерений: 81,8 % опрошенных вахтовиков планируют продолжать такую работу пять и более лет [2]. Одновременно формируется мультилокальный образ жизни, при котором человек постоянно перемещается между двумя территориями и двумя социальными средами, не укореняясь полностью ни в одной из них [6].

В настоящей работе институт рассматривается через три взаимосвязанные подсистемы — семейную, здоровьесберегающую и идентификационную. Содержание подсистем, наблюдаемые проявления и предлагаемые индикаторы приведены в таблице 1.

Таблица 1

Подсистемы вахтового метода как социального института

Подсистема	Проявление института	Индикатор	Источник данных
Семейная	Разделение семьи во времени, смещение ролей, воспитание детей одним из родителей	Эффективный фонд присутствия в семье	Табель заездов, опрос работников
Здоровье сберегающая	Поясно-временная и климатическая адаптация, повышенная тяжесть труда	Накопленная вахтовая экспозиция	Медосмотры, реестр профзаболеваний
Идентификационная	Отождествление себя с бригадой и предприятием, профессиональная преемственность	Экспертная оценка устойчивости коллектива	Кадровая статистика, интервью

Расчетные зависимости

Основой количественной оценки служит бюджет времени работника. Коэффициент вахтовой нагрузки представляет собой долю времени, проводимого на объекте, в полном цикле

$$K_B = T_B / (T_B + T_M), \quad (1)$$

где T_B — продолжительность вахты, сут; T_M — продолжительность междувахтового отдыха, сут.

Число циклов в году и годовой фонд присутствия по месту постоянного проживания определяются выражениями

$$N = 365 / (T_B + T_M), \quad \Phi_c = 365(1 - K_B) - N \cdot t_n, \quad (2)$$

где t_n — суммарное время в пути за один цикл, сут.

Не все календарные дни, проведенные дома, являются социально полноценными: часть их расходуется на восстановление после вахты и обратную адаптацию к семейному укладу. Эффективный фонд присутствия и коэффициент присутствия в семье рассчитываются как

$$\Phi_{эф} = \Phi_c - N \cdot t_p, \quad K_{прис} = (\Phi_{эф} / 365) \cdot 100, \quad (3)$$

где t_p — продолжительность реадаптации после одного заезда, сут.

Нагрузка на здоровье учитывается показателем накопленной вахтовой экспозиции, приведенной к вахто-годам

$$\Theta = K_B \cdot k_k \cdot k_n \cdot (1 + 0,01N), \quad (4)$$

где k_k — коэффициент климатической напряженности территории; k_n —

коэффициент поясно-временного сдвига между местом работы и местом межвахтового проживания; множитель $(1 + 0,01N)$ учитывает число циклов реакклиматизации в году.

Частные подындексы благополучия нормируются к единице:

$$I_1 = K_{\text{прис}} / 50, \quad I_2 = 1 - \Theta / \Theta_{\text{max}}, \quad (5)$$

где Θ_{max} — предельно допустимая экспозиция, принятая равной 1,5 вахто-года; подындекс I_3 (идентификационный) определяется экспертным путем по шкале от 0 до 1. Интегральный индекс институциональной устойчивости вахтового режима равен

$$I = w_1 I_1 + w_2 I_2 + w_3 I_3, \quad (6)$$

где $w_1 = w_2 = 0,35$ и $w_3 = 0,30$ — весовые коэффициенты подсистем, принятые по результатам экспертного опроса. Расчет выполнен при $t_p = 4$ сут, $t_r = 5$ сут, $k_k = 1,4$ (районы Крайнего Севера) и $k_p = 1,3$, что соответствует типичному для колымских предприятий сдвигу в шесть-семь часовых поясов относительно регионов выезда работников.

Результаты

Бюджет времени работника рассчитан для четырех режимов, применяемых на золотодобывающих предприятиях области: двух коротких вахт равной длительности, удлиненной вахты 60/30 и сезонного режима, характерного для россыпной добычи с промывочным сезоном. Результаты приведены в таблице 2.

Таблица 2

Бюджет времени работника при различных режимах вахты

Режим вахты	Число циклов N	Фэф, сут/год	Кприс, %	Индекс десинхронизации
15/15	12,2	73	20,0	0,800
30/30	6,1	128	35,0	0,650
60/30	4,1	85	23,3	0,767
180/185 (сезонный)	1,0	176	48,2	0,518

Главный результат расчета состоит в том, что режимы 15/15 и 30/30 при одинаковом коэффициенте вахтовой нагрузки $K_v = 0,500$ дают различающийся почти вдвое эффективный фонд присутствия в семье: 73 и 128 суток в год. Причина в том, что издержки перехода между двумя средами — время в пути и период реадaptации — начисляются на каждый цикл, а при коротких вахтах число таких переходов возрастает с 6,1 до 12,2 в год. Экономия на длительности вахты оборачивается потерей 55 суток семейного времени. Наименее благоприятным по этому критерию оказывается не самый продолжительный режим, а самый дробный.

Значения частных подындексов и интегрального индекса институциональной устойчивости приведены в таблице 3. Идентификационный подындекс принят по экспертным оценкам с учетом стабильности состава бригад и возвращаемости

работников на то же предприятие.

Таблица 3

Подындексы и интегральный индекс институциональной устойчивости

Режим вахты	I1 (семья)	Э, вахто-годы	I2 (здоровье)	I3	I, доли ед.
15/15	0,400	1,021	0,320	0,45	0,387
30/30	0,700	0,965	0,356	0,60	0,550
60/30	0,467	1,263	0,158	0,55	0,384
180/185 (сезонный)	0,964	0,907	0,396	0,70	0,686

Режимы 15/15 и 60/30 получают практически равные интегральные оценки (0,387 и 0,384 доли ед.) при принципиально разной природе неблагополучия: в первом случае индекс снижается из-за потерь семейного времени, во втором — из-за накопленной экспозиции, превышающей условно допустимый уровень. Наибольшую устойчивость показывает сезонный режим (0,686), при котором работник совершает один переход в год и сохраняет непрерывный полугодовой контакт с семьей, однако этот режим применим лишь на россыпных полигонах и не годится для рудников с круглогодичным циклом.

Для наиболее распространенного режима 30/30 рассчитано влияние социальных мер предприятия, не требующих изменения графика работы. Состав мер и их вклад в интегральный индекс приведены в таблице 4.

Таблица 4

Меры социальной политики предприятия и их вклад в интегральный индекс

Мера	Подсистема	Δ подындекса	Вклад в I
Оплата и организация проезда, сокращение времени в пути с 4 до 2 сут	Семейная	+0,067	0,023
Оплачиваемый день после заезда и программа семейных дней	Семейная	+0,067	0,023
Расширенные медосмотры, коррекция десинхроноза, световая среда в вахтовом поселке	Здоровье сберегающая	+0,080	0,028
Организация питания и доступной физической активности	Здоровье сберегающая	+0,050	0,018
Корпоративная связь и поддержка семей работников	Идентификационная	+0,080	0,024
Наставничество, карьерные треки, корпоративные ритуалы	Идентификационная	+0,120	0,036
Итого	—	—	0,152

Примечание: значения приращений подындексов приняты по экспертным оценкам и подлежат уточнению по результатам опроса персонала конкретного предприятия.

Совокупная реализация мер повышает интегральный индекс режима 30/30 с 0,550 до 0,702 доли ед., то есть приближает его к уровню сезонного режима без изменения производственного графика. Наибольший вклад дают меры, воздействующие на переходные состояния — время в пути и период реадaptации, — а также инструменты закрепления профессиональной идентичности.

Обсуждение

Медицинские исследования подтверждают обоснованность выделения здоровьесберегающей подсистемы. Для работников, занятых вахтовым методом в Арктике, установлен популяционный относительный риск развития артериальной гипертензии $R = 1,2$ при доверительном интервале 1,1–1,5 и $p < 0,05$; средний арктический стаж обследованных составил $6,18 \pm 3,0$ года, а перечень заболеваний, связанных с воздействием стресса полярного типа, охватывает двенадцать классов болезней [7]. Анализ 3819 обращений работников за 2022–2024 годы показал, что при межвахтовом проживании в удаленных часовых зонах достоверно снижается насыщение крови кислородом, а в возрастной группе 41–50 лет фиксируется повышение артериального давления ($p < 0,01$) [8]. Именно эти данные обосновывают введение в формулу (4) поясно-временного коэффициента кп: работник, прилетающий на Колыму из европейской части страны, несет дополнительную физиологическую нагрузку, никак не отраженную в его трудовом договоре.

Не менее значима собственно производственная составляющая. По результатам медицинских осмотров 921 горняка открытых и 2649 горняков подземных рудников профессиональная заболеваемость составила соответственно 208,62 и 170,95 случая на 10 тыс. работников, достигая 676,69 случая у бурильщиков; профессиональные болезни выявлены у 35,1 % машинистов экскаватора, а ведущим фактором при открытой добыче названа общая вибрация (33,5 % случаев) [9]. На добычу полезных ископаемых и обрабатывающие производства приходится почти 80 % всех регистрируемых в стране профессиональных заболеваний, причем в северных горнодобывающих регионах уровень заболеваемости кратно превышает среднероссийский — 4,88 случая на 10 тыс. работающих в Мурманской области [10]. Сложение производственных факторов с адаптационной нагрузкой означает, что вахтовик испытывает суммарное воздействие, которое не учитывается ни системой специальной оценки условий труда, ни статистикой профессиональной заболеваемости, поскольку последствия часто проявляются уже по месту постоянного проживания.

Семейная подсистема института остается наименее защищенной. Действующее законодательство компенсирует работнику отсутствие дома надбавкой взамен суточных и дополнительным отпуском, но не содержит инструментов поддержки семьи как

стороны, фактически несущей часть издержек вахтового труда [1]. Исследования семейных отношений при вахтовом режиме фиксируют социальный десинхронизм — рассогласование временных укладов супругов, при котором совместное время сокращается, а роли перераспределяются в пользу остающегося дома партнера [11]. Выполненный расчет придает этому наблюдению количественную форму: при режиме 15/15 в распоряжении семьи остается лишь 20 % годового фонда времени работника, что сопоставимо с продолжительной командировкой, растянутой на весь год.

Профессиональная идентичность в вахтовой модели формируется иначе, чем при постоянной занятости. Основной средой отождествления становится не поселок и не предприятие в целом, а бригада и вахтовый коллектив, существующие лишь половину года. Мультилокальный образ жизни ослабляет связь работника с территорией добычи [6], а высокая доля приезжих усиливает восприятие работы как временного заработка. Вместе с тем устойчивость института подтверждается долгосрочными намерениями работников: 81,8 % опрошенных планируют продолжать вахтовую занятость не менее пяти лет [2]. Отсюда следует практический вывод: предприятие конкурирует за работника не только уровнем оплаты, но и качеством социальной среды, поскольку сама по себе вахта уже принята работником как норма жизни.

Полученные оценки согласуются с исследованиями вахтового фактора в ресурсных отраслях, показывающими двойственность его эффектов для региональной экономики: обеспечивая предприятиям доступ к рабочей силе, вахтовая модель одновременно ограничивает формирование постоянного населения и локальной социальной инфраструктуры [12, 13]. Для Магаданской области это означает, что рост числа вахтовых рабочих мест не решает демографическую задачу и требует параллельных мер по закреплению части персонала на постоянной основе.

Ограничения работы связаны с экспертным характером весовых коэффициентов, значений идентификационного подындекса и приращений в таблице 4. Предложенная система показателей носит модельный характер и требует калибровки по данным анкетного опроса работников конкретного предприятия и материалам периодических медицинских осмотров.

Выводы

1. Вахтовый метод в золотодобыче Магаданской области обладает признаками социального института: он нормативно закреплён главой 47 Трудового кодекса Российской Федерации, воспроизводит устойчивый набор ролей и практик и поддерживается долгосрочными намерениями работников, 81,8 % которых планируют продолжать такую занятость пять и более лет.

2. Предложена система из шести расчетных зависимостей, описывающих бюджет

времени работника, накопленную вахтовую экспозицию и интегральный индекс институциональной устойчивости режима труда.

3. При одинаковой доле рабочего времени режимы 15/15 и 30/30 обеспечивают эффективный фонд присутствия в семье 73 и 128 суток в год соответственно; дробление вахты увеличивает число переходов между средами с 6,1 до 12,2 в год и обходится работнику в 55 суток семейного времени.

4. Интегральный индекс составляет 0,387 для режима 15/15, 0,550 для режима 30/30, 0,384 для режима 60/30 и 0,686 для сезонного режима; при этом неблагополучие режимов 15/15 и 60/30 имеет разную природу — потери семейного времени в первом случае и избыточная экспозиция во втором.

5. Комплекс социальных мер, не затрагивающих производственный график, повышает индекс режима 30/30 с 0,550 до 0,702 доли ед.; наибольший эффект дают сокращение времени в пути, оплачиваемый день после заезда, медико-профилактическое сопровождение и программы наставничества.

6. Практическая рекомендация предприятиям отрасли состоит в переходе от учета вахты как режима рабочего времени к управлению ею как социальным институтом: включению показателей семейного времени, накопленной экспозиции и устойчивости коллектива в систему кадрового планирования и коллективных договоров.

References

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ. Глава 47. Особенности регулирования труда лиц, работающих вахтовым методом (ст. 297–302). — URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=504709&pieceId=c47>.

2. Силин А.Н., Юдашкин В.А. Вахтовый труд как социальный феномен: место в пространственном развитии регионов и проблемы нормативно-правового регулирования // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. — 2020. — Т. 6. — № 4 (24). — С. 95–109. — DOI: 10.21684/2411-7897-2020-6-4-95-109.

3. Колыма ищет двести вахтовиков с зарплатой до 400 тысяч // Vostok.Today. — URL: <https://vostok.today/53853-kolyma-srochno-ischet-dvesti-vahtovikov.html>.

4. Среднемесячная номинальная заработная плата по регионам: Магаданская область / Федеральная служба государственной статистики. — URL: <https://statbase.ru/data/ru49-average-monthly-nominal-wages-by-region-national-stat/>.

5. Общие итоги миграции населения Магаданской области за 2024 год / Управление Федеральной службы государственной статистики по Хабаровскому краю, Магаданской области, Еврейской автономной области и Чукотскому автономному

округу. — URL: <https://27.rosstat.gov.ru/news/document/256153>.

6. Силин А.Н. Социологические аспекты вахтового труда на территориях севера Западной Сибири // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2015. — № 4 (40). — С. 109–123. — DOI: 10.15838/esc/2015.4.40.7.

7. Чащин М.В., Самойлова Е.П., Гапон Л.И. и др. Актуальные подходы персонализированной медицины к оценке состояния здоровья работников, занятых на работах вахтовым методом на Крайнем Севере // Медицина труда и промышленная экология. — 2025. — Т. 65. — № 8. — С. 490–502. — DOI: 10.31089/1026-9428-2025-65-8-490-502.

8. Курмангулов А.А., Решетникова Ю.С., Брынза Н.С. и др. Медицинский аспект поясно-временной адаптации работников предприятий добычи нефти и газа // Здоровье населения и среда обитания. — 2025. — Т. 33. — № 7. — С. 52–60. — DOI: 10.35627/2219-5238/2025-33-7-52-60.

9. Сюрин С.А. Состояние здоровья горняков при подземной и открытой добыче апатитовой руды // Гигиена и санитария. — 2025. — Т. 104. — № 1. — С. 37–44. — DOI: 10.47470/0016-9900-2025-104-1-37-44.

10. Профессиональные заболевания в России 2025: аналитика государственного доклада Роспотребнадзора. — URL: <https://ot-media.ru/workshop/razbory/professionalnye-zabolevaniya-v-rossii-2025-analitika-doklada-rospotrebнадзора>.

11. Особенности супружеских отношений в семьях специалистов, работающих вахтовым методом // Молодой ученый. — URL: <https://moluch.ru/archive/314/71533>.

12. Ломакина Н.В., Файман А.Д. Вахтовый фактор в ресурсных отраслях: эффекты для экономики региона // Регионалистика. — 2021. — Т. 8. — № 6. — С. 20–37. — DOI: 10.14530/reg.2021.6.20.

13. Калачева Н.В. Вахтовый метод организации труда как фактор устойчивой занятости в районах Крайнего Севера: социально-экономические эффекты и риски // Экономические науки. — 2025. — URL: <https://voenestnik.ru/PDF/36ES1125.pdf>.

UDC 622.85:330.15:316.334.23

Arno V.V., Kolesnichenko E.P., Semykin E.S., Sharov P.E. Circular economy in mining as a social project: employment and public perception of technogenic deposit reprocessing

Циркулярная экономика в горном деле как социальный проект: занятость и восприятие переработки техногенных месторождений

Arno Veronika Vladimirovna

Ph.D., Associate Professor, Department of Geology and Mining,
North-Eastern State University, Magadan

Kolesnichenko Eva Pavlovna

Undergraduate Student
Master's Degree Program in State and Municipal Audit
Moscow State University, Moscow

Semykin Evgeny Sergeevich

Senior Lecturer of the Department of ETS,
North-Eastern State University, Magadan

Sharov Pavel Egorovich,

Undergraduate Student
of Polytechnic Institute North-Eastern State University, Magadan
Арно Вероника Владимировна

Кандидат технических наук, доцент кафедры Геологии и горного дела ФГБОУ ВО Северо-Восточный государственный университет, г. Магадан

Колесниченко Ева Павловна,

Студентка 4 курса

направления подготовки «Государственный и муниципальный аудит»

ВШГА МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва

Семькин Евгений Сергеевич,

Старший преподаватель кафедры ГиГД

ФГБОУ ВО Северо-Восточный государственный университет, г. Магадан

Шаров Павел Егорович,

Студент 4 курса

Политехнический институт

ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет

Abstract. The study considers circular economy in mining as a social rather than a purely technological task: it quantifies the employment generated by reprocessing of technogenic deposits and proposes a measurable model of public perception of such projects. Legal analysis, calculation of the production programme and labour intensity with an employment multiplier, and an adaptation of the integrative social licence to operate model were applied. Three typical technogenic objects of the Magadan Region were considered: alluvial gold tailings dumps, a gold plant tailings storage facility and overburden dumps involved in construction materials production. Three projects with a total capacity of 2.5 Mt per year provide 152 jobs including induced effects, 1129 job-years and about 141 million roubles of annual budget revenues from payroll alone, while returning 480 hectares of disturbed land into economic use. Specific employment per 1 Mt of feed differs by a factor of 2.5, and the decisive factor of community acceptance is procedural fairness and quality of information rather than the amount of investment.

Keywords: circular economy, technogenic deposits, mining waste, tailings reprocessing, employment, employment multiplier, social licence to operate, risk perception, Magadan Region.

Аннотация. Цель работы – оценить циркулярную экономику в горном деле не только как технологическую, но и как социальную задачу: определить занятость, создаваемую переработкой техногенных месторождений, и предложить измеримую модель общественного восприятия таких проектов. Используются нормативно-правовой анализ, расчёт производственной программы и трудоёмкости с применением мультипликатора занятости, а также адаптация интегративной модели «социальной лицензии на деятельность» к условиям горнопромышленного региона. Расчёты выполнены для трёх типовых техногенных объектов Магаданской области: эфельно-галечных отвалов россыпи, хвостохранилища золотоизвлекательной фабрики и отвалов вскрышных пород, вовлекаемых в производство строительных материалов. Установлено, что три проекта совокупной производительностью 2,5 млн т в год обеспечивают 152 рабочих места с учётом сопряжённых эффектов, 1129 рабочих мест-лет и около 141 млн руб. ежегодных поступлений в бюджетную систему только по фонду оплаты труда при одновременном вовлечении в оборот 480 га нарушенных земель. Показано, что удельная занятость на 1 млн т перерабатываемого сырья различается в 2,5 раза, а решающим фактором принятия проекта населением является не объём инвестиций, а процедурная справедливость и качество информирования.

Ключевые слова: циркулярная экономика, техногенные месторождения, отходы недропользования, переработка хвостов, занятость, мультипликатор занятости, социальная лицензия на деятельность, восприятие риска, Магаданская область.

Рецензент: Бюллер Елена Александровна – кандидат экономических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Адыгеский государственный университет»

Введение

Горнодобывающая промышленность остаётся основным источником образования отходов производства в стране: по официальной статистике формы 2-ТП (отходы) в 2025 году в России образовано 7,84 млрд т отходов производства и потребления, при этом утилизировано 1,87 млрд т, а размещено на хранение 3,87 млрд т; основными отходообразователями названы добыча угля, добыча металлических руд и металлургические производства [9]. Такие объёмы означают, что переход к экономике замкнутого цикла в горном деле не является отраслевой частностью — он определяет и экологическую нагрузку на территории, и структуру занятости в горнопромышленных регионах.

Техногенные минеральные образования традиционно рассматриваются как источник дополнительного минерального сырья: доля материалов, реально переходящих в готовую продукцию, оценивается всего в 2–6 %, а при открытой разработке отвалы и шламоохранилища занимают более 75–80 % площади землепользования предприятия [1]. Технологически переработка хвостов признана самостоятельной стратегией циркулярной экономики наряду с сокращением отходообразования, переработкой во вторичную продукцию и подготовкой к будущему использованию, причём экономическая целесообразность определяется содержанием

полезных компонентов, наличием инфраструктуры, объёмом материала и рыночной ценой металла [3].

Значительно реже техногенные месторождения обсуждаются как социальный проект. Между тем именно социальный контур определяет реализуемость: повторное вовлечение отработанных площадей затрагивает территории, где население уже имеет собственный опыт соседства с горным производством, и решение о поддержке или сопротивлении принимается на основе доверия к оператору, а не технико-экономических показателей [4, 5]. Для Магаданской области вопрос имеет прикладной характер: в 2025 году в регионе добыто 55,1 т золота, из них 16,1 т россыпного [10], а более чем вековая история отработки россыпей сформировала обширный фонд эфельно-галечных отвалов и хвостов промывки, пространственно совмещённых с населёнными пунктами.

Цель работы — количественно оценить занятость, создаваемую проектами переработки техногенных месторождений, и предложить измеримую модель восприятия таких проектов местным сообществом, пригодную для планирования взаимодействия недропользователя с территорией.

Материалы и методы

Институциональные условия

Правовой режим освоения техногенных объектов существенно изменён Федеральным законом от 14.07.2022 № 343-ФЗ, вступившим в силу с 01.09.2023: введены понятия отходов недропользования и вскрышных пород, установлен уведомительный порядок их использования и добычи из них полезных ископаемых и попутных компонентов, а объекты хранения вскрыши при условии полного использования подлежат исключению из государственного реестра объектов размещения отходов [6, 7]. Уведомление о начале использования отходов недропользования направляется не позднее чем за 15 рабочих дней до начала работ, отдельно по каждой цели использования [7]. Налоговый режим также поощряет вовлечение отходов: полезные ископаемые, извлечённые из собственных отвалов или отходов (потерь) добывающего и связанных с ним перерабатывающих производств, не признаются объектом налогообложения налогом на добычу полезных ископаемых, если при добыче из недр они уже подлежали налогообложению, а в отношении полезных ископаемых, остающихся во вскрышных, вмещающих породах и в отвалах, применяется ставка 0 % [8].

Исходные условия расчёта

Рассмотрены три типовых варианта техногенных объектов, характерных для Магаданской области: I — эфельно-галечные отвалы отработанной россыпи,

вовлекаемые в повторную промывку; II — хвостохранилище золотоизвлекательной фабрики, перерабатываемое по гравитационно-флотационной схеме; III — отвалы вскрышных пород, используемые для производства щебня и дорожно-строительных материалов. Первые два варианта относятся к извлечению металла, третий — к материальной утилизации, которая в региональных исследованиях экономики замкнутого цикла рассматривается как основа промышленного симбиоза горных, строительных и сельскохозяйственных предприятий [2]. Исходные данные приведены в таблице 1.

Таблица 1

Исходные данные по вариантам переработки техногенных объектов

Вариант	Тип техногенного объекта	V, тыс. т	γ , г/т	ε , д. ед.	A, тыс. т/год	S, га
I	Эфельно-галечные отвалы россыпи	5 400	0,25	0,60	900	180
II	Хвосты обогатительной фабрики	2 600	0,85	0,72	400	60
III	Отвалы вскрыши (стройматериалы)	12 000	—	—	1 200	240

Примечание: V — запасы техногенного сырья; γ — содержание золота; ε — извлечение; A — годовая производительность по перерабатываемому сырью; S — площадь нарушенных земель, возвращаемая в оборот. Удельная производительность труда q принята 30; 16 и 40 тыс. т на работника в год, коэффициент мультипликации занятости k — 0,8; 1,0 и 0,6 соответственно; цена золота — 9,0 тыс. руб./г, цена щебня — 1,1 тыс. руб./т.

Расчётная методика

Годовой выпуск металла определяли по производственной программе переработки:

$$M = A \cdot \gamma \cdot \varepsilon \quad (1)$$

где M — годовой выпуск металла, кг/год; A — годовая производительность по техногенному сырью, тыс. т/год; γ — содержание полезного компонента, г/т; ε — извлечение, доли ед.

Годовую выручку проекта рассчитывали как произведение выпуска на цену продукции:

$$R = M \cdot \text{Ц} \quad (2)$$

где R — годовая выручка, млн руб./год; Ц — цена продукции, тыс. руб./г (для варианта III — произведение объёма выпуска строительных материалов на цену 1 т).

Численность основного производственного персонала определяли через удельную производительность труда:

$$N_{\text{пр}} = A / q \quad (3)$$

где $N_{\text{пр}}$ — прямая занятость, чел.; q — производительность труда по перерабатываемой горной массе, тыс. т на работника в год.

Полную занятость проекта с учётом сопряжённых (косвенных и индуцированных) рабочих мест в транспорте, ремонте, торговле и услугах оценивали через мультипликатор занятости:

$$N_{\text{общ}} = N_{\text{пр}} \cdot (1 + k) \quad (4)$$

где $N_{\text{общ}}$ — совокупная занятость, чел.; k — коэффициент мультипликации занятости, доли ед.

Прямой бюджетный эффект по фонду оплаты труда, который возникает независимо от режима налогообложения добычи, определяли выражением:

$$Б = N_{\text{общ}} \cdot \Phi \cdot (C_{\text{ндфл}} + C_{\text{св}}) \quad (5)$$

где $Б$ — поступления в бюджетную систему, млн руб./год; Φ — среднегодовая оплата труда одного работника, млн руб. (принята 2,16 млн руб.); $C_{\text{ндфл}}$ — ставка налога на доходы физических лиц (0,13); $C_{\text{св}}$ — совокупный тариф страховых взносов (0,30).

Восприятие проекта местным сообществом оценивали интегральным индексом, построенным по интегративной модели социальной лицензии на деятельность, в которой принятие проекта определяется доверием, формируемым качеством контакта, процедурной справедливостью и балансом воспринимаемых выгод и воздействий [4]:

$$I = (\sum w_i \cdot b_i) / 5 \cdot 100 \% \quad (6)$$

где I — индекс социального восприятия, %; w_i — вес i -го фактора, доли ед. ($\sum w_i = 1$); b_i — балльная оценка фактора по пятибалльной шкале, полученная по результатам анкетирования жителей.

Результаты

Результаты расчёта производственных, трудовых и бюджетных показателей приведены в таблице 2.

Таблица 2

Производственные и социально-экономические показатели проектов

Вариант	Т, лет	Годовой выпуск	Р, млн руб./год	$N_{\text{пр}} / N_{\text{общ}}$, чел.	Рабочих мест-лет	Б, млн руб./год
I	6,0	135 кг золота	1 215	30 / 54	324	50
II	6,5	245 кг золота	2 203	25 / 50	325	46
III	10,0	1 200 тыс. т щебня	1 320	30 / 48	480	45
Итого	—	—	4 738	85 / 152	1 129	141

Примечание: T — срок отработки техногенного объекта; R — годовая выручка; $N_{\text{пр}}$ — прямая занятость; $N_{\text{общ}}$ — занятость с учётом мультипликатора; $Б$ — поступления по налогу на доходы физических лиц и страховым взносам.

Совокупная занятость трёх проектов составляет 152 человека при общей производительности 2,5 млн т сырья в год. Для сопоставления: доля добычи полезных ископаемых в структуре занятости Магаданской области составляет около 17 % при среднегодовой численности занятых в экономике порядка 90 тыс. человек, то есть рассмотренный комплекс проектов эквивалентен примерно 1 % занятых в отрасли и создаётся без прироста площади нарушенных земель.

Удельные показатели различаются существенно. На 1 млн т перерабатываемого сырья приходится 33,3 чел. в варианте I, 62,5 чел. в варианте II и 25,0 чел. в варианте III; на 1 га возвращаемых в оборот земель — 0,30; 0,83 и 0,20 рабочего места соответственно. Наиболее трудоёмким является вариант II: переработка хвостов фабрики требует полноценного обогатительного передела, тогда как варианты I и III основаны на выемочно-транспортных операциях с высокой удельной производительностью. Выручка на одного работника составляет 22,5; 44,1 и 27,5 млн руб. в год, что соответствует уровню производительности действующих золотодобывающих предприятий и подтверждает конкурентоспособность техногенного сырья при современных ценах на металл.

Существенным результатом является продолжительность занятости. Проекты переработки техногенных объектов имеют короткий жизненный цикл — от 6 до 10 лет, поэтому в терминах рабочих мест-лет (1 129 за весь период) они выступают не заменой основной добычи, а инструментом сглаживания занятости при выбытии традиционных мощностей. Это отличает их от новых горных проектов и определяет социальную функцию: удержание квалифицированных кадров в поселениях, где основное производство завершено.

Отдельного учёта требует бюджетный контур. Поскольку полезные ископаемые, извлечённые из собственных отвалов и отходов добывающего производства, при выполнении установленных условий не облагаются налогом на добычу полезных ископаемых, а к запасам во вскрышных и вмещающих породах применяется нулевая ставка [8], основным устойчивым источником бюджетных поступлений становится оплата труда — около 141 млн руб. в год по трём проектам. Тем самым государство фактически обменивает ресурсную ренту на занятость и ликвидацию накопленного вреда, что и позволяет рассматривать переработку техногенных месторождений как социальный проект.

Структура факторов, определяющих восприятие таких проектов населением, и предлагаемые веса для расчёта по формуле (6) приведены в таблице 3

Таблица 3

Факторы социального восприятия проектов переработки техногенных месторождений

Фактор	Вес w_i	Индикатор измерения	Инструмент управления
Процедурная справедливость	0,30	Участие жителей в обсуждении проектной документации	Общественные слушания, публикация проекта рекультивации
Качество контакта с оператором	0,25	Оценка полноты и достоверности информации	Постоянный информационный центр, экскурсии на объект
Воспринимаемые выгоды	0,25	Число рабочих мест для местных жителей, доля местных подрядов	Программа найма и обучения, локализация закупок
Воспринимаемые воздействия	0,20	Пыление, мутность водотоков, шум, состояние дорог	Производственный экологический контроль, публичный мониторинг

Примечание: значение индекса I ниже 50 % соответствует отказу в поддержке проекта, 50–70 % — условному принятию, свыше 70 % — устойчивому одобрению; веса заданы по соотношению значимости факторов в интегративной модели социальной лицензии [4].

Обсуждение

Полученные результаты показывают, что экономический и социальный эффекты переработки техногенных месторождений не совпадают по структуре. Экономически наиболее привлекателен вариант с максимальным содержанием металла (хвосты фабрики), социально наиболее значим вариант с наибольшей площадью возвращаемых земель и наибольшей продолжительностью работ (отвалы вскрыши). Поэтому оценка проектов циркулярной экономики только по внутренней норме доходности систематически занижает их ценность для территории: рабочие места-годы, ликвидированные объекты накопленного вреда и восстановленные земли не отражаются в денежном потоке недропользователя.

Второй вывод касается механизма принятия проекта сообществом. Исследования социальной лицензии на деятельность показывают, что доверие к оператору определяется прежде всего процедурной справедливостью и качеством, а не количеством контактов с населением [4]. Для техногенных объектов этот механизм осложняется тем, что территория уже имеет историю горного производства, а память о прошлой деятельности и связанная с ней идентичность существенно влияют на отношение к возобновлению работ на старых площадках [5]. Практическое следствие: информационная кампания должна начинаться до подачи проектной документации, а не после появления первых претензий, а показатели воздействия (пыление, мутность водотоков) целесообразно публиковать в открытом доступе.

Третье соображение — институциональное. Уведомительный порядок использования отходов недропользования и исключение объектов хранения вскрыши из реестра объектов размещения отходов снизили административный барьер [6, 7],

однако устойчивая модель требует не только упрощения процедур, но и организации промышленного симбиоза: горное предприятие поставляет вскрышные породы и хвосты, строительная и дорожная отрасли обеспечивают гарантированный спрос, а сельское хозяйство использует рекультивированные площади [2]. Для Магаданской области с ограниченным рынком строительных материалов таким гарантированным спросом могут выступать программы дорожного строительства и содержания зимников.

Ограничения исследования связаны с использованием укрупнённых показателей производительности труда и мультипликатора занятости, а также с тем, что индекс социального восприятия предложен как проектируемый инструмент и требует апробации на репрезентативной выборке жителей горнопромышленных поселений. Развитием работы должно стать анкетирование населения посёлков, расположенных вблизи техногенных объектов, с отдельной оценкой факторов таблицы 3 и проверкой гипотезы о ведущей роли процедурной справедливости.

Выводы

1. Переработка техногенных месторождений формирует занятость, сопоставимую по масштабу с малым горным предприятием: три рассмотренных проекта совокупной производительностью 2,5 млн т в год создают 85 прямых и 152 совокупных рабочих места, 1 129 рабочих мест-лет и около 141 млн руб. ежегодных бюджетных поступлений по фонду оплаты труда при возвращении в оборот 480 га нарушенных земель.

2. Удельная занятость на 1 млн т перерабатываемого сырья изменяется от 25,0 до 62,5 чел. и определяется глубиной передела: обогатительные схемы переработки хвостов фабрик трудоёмче выемочно-транспортных схем освоения отвалов вскрыши в 2,5 раза.

3. Освобождение техногенного сырья от налога на добычу полезных ископаемых переносит основной бюджетный эффект с ресурсной ренты на оплату труда, что делает такие проекты по своей экономической природе социальными и обосновывает их оценку по критериям занятости и ликвидации накопленного вреда, а не только по доходности.

4. Ключевым условием реализуемости является общественное принятие, измеримое предложенным индексом социального восприятия с весами 0,30 (процедурная справедливость), 0,25 (качество контакта), 0,25 (воспринимаемые выгоды) и 0,20 (воспринимаемые воздействия); пороговое значение устойчивого одобрения принято на уровне 70 %.

5. Для горнопромышленных территорий Магаданской области циркулярная экономика целесообразна в форме промышленного симбиоза с гарантированным спросом со стороны дорожного и жилищного строительства, что превращает отходы прошлой добычи в источник занятости на период выбытия традиционных мощностей.

References

1. Игнатьева М.Н., Юрак В.В., Душин А.В., Стровский В.Е. Техногенные минеральные образования: проблемы перехода к циркулярной экономике // Горные науки и технологии. - 2021. - Т. 6. - N 2. - С. 73-89. - DOI: 10.17073/2500-0632-2021-2-73-89.
2. Размахнин К.К. Принципы экономики замкнутого цикла в управлении отходами горнодобывающей промышленности в Краснодарском крае: технологические и институциональные аспекты // Горный информационно-аналитический бюллетень. - 2024. - N 10. - С. 166-180. - DOI: 10.25018/0236_1493_2024_10_0_166.
3. Kinnunen P., Karhu M., Yli-Rantala E., Kivikyto-Reponen P., Makinen J. A review of circular economy strategies for mine tailings // Cleaner Engineering and Technology. - 2022. - Vol. 8. - Art. 100499. - DOI: 10.1016/j.clet.2022.100499.
4. Moffat K., Zhang A. The paths to social licence to operate: An integrative model explaining community acceptance of mining // Resources Policy. - 2014. - Vol. 39. - P. 61-70. - DOI: 10.1016/j.resourpol.2013.11.003.
5. Measham T., Walton A., Felton S. Mining heritage and community identity in the social license of proposed renewed mining // The Extractive Industries and Society. - 2021. - Vol. 8. - N 3. - Art. 100891. - DOI: 10.1016/j.exis.2021.02.011.
6. Федеральный закон от 14.07.2022 N 343-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О недрах» и отдельные законодательные акты Российской Федерации». - URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=427564>.
7. Вакуленко А.В. Новый порядок использования и добычи отходов недропользования // Золото и технологии. - 2023. - N 2 (60). - URL: https://zolteh.ru/law/novyy_poryadok_ispolzovaniya_i_dobychi_otkhodov_nedropolzovaniya/.
8. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть вторая. Статья 342. Налоговая ставка. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/b0945496f341b2d7e1f79e0bc9dd4e4522a466b1/.
9. Росприроднадзор сформировал официальную статистику об обращении с отходами в 2025 году / Федеральная служба по надзору в сфере природопользования. - 2026. - URL: https://rpn.gov.ru/press/news/rosprirodnadzor_sformiroval_ofitsialnuyu_statistiku_ob_obrashchenii_s_otkhodami_v_2025_godu/.
10. Итоговая добыча золота в Магаданской области за 2025 год составила 55,1 тонны / NEDRADV. - 2026. - URL: https://nedradv.ru/nedradv/ru/page_news?obj=0784c317fd34a438132140e07b40d585.

UDC 316.354

Dmitriev I.D. Professional identity in the field of sociology of management

Профессиональная идентичность в предметном поле социологии управления

Dmitriev Igor Dmitrievich,

PhD student, Russian State Social University, Moscow

Дмитриев Игорь Дмитриевич,

аспирант, Российский государственный социальный университет, г. Москва

Abstract. *The article examines professional identity as an analytical category of the sociology of management. It distinguishes the foci of identification – the profession and the professional community, the organisation, and the work group – and shows that their influence is not mutually reducible: a change in organisational identification does not automatically entail a change in professional identification. The processual dimension of professional identity is examined through the forms of professional identity work: becoming, aligning, exploring, and struggling. Taking the referential and processual aspects together makes it possible to establish how professional self-definition changes and in relation to which social communities and normative expectations this occurs. The article substantiates the dual role of professional identity in managerial relations: it functions as a mechanism of normative coordination and, at the same time, as an object of organisational regulation.*

Keywords: professional identity, professional identification, sociology of management, identity work, identity regulation, foci of identification, professional socialisation.

Аннотация. В статье рассматривается профессиональная идентичность как аналитическая категория социологии управления. Разграничены референтные объекты идентификации – профессия и профессиональное сообщество, организация и рабочая группа – и показано, что их влияние не сводится друг к другу: изменение идентификации с организацией не означает автоматического изменения идентификации с профессией. Процессуальная сторона профессиональной идентичности раскрыта через формы работы над идентичностью – становление, соотнесение, исследование и затруднение. Совместный учет референтного и процессуального аспектов позволяет установить, каким образом изменяется профессиональное самоопределение и относительно каких социальных общностей и нормативных ожиданий это происходит. Обоснована двойственная роль профессиональной идентичности в управленческих отношениях: она выступает механизмом нормативной координации и одновременно объектом организационного регулирования.

Ключевые слова: профессиональная идентичность, профессиональная идентификация, социология управления, работа над идентичностью, регулирование идентичности, референтные объекты идентификации, профессиональная социализация.

Рецензент: Бюллер Елена Александровна – кандидат экономических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Адыгеский государственный университет»

Введение. Профессиональная идентичность характеризует то, как работник определяет себя относительно профессии, профессионального сообщества и социальной среды труда. Психологические исследования преимущественно рассматривают профессиональное самоопределение личности, социологические – групповые принадлежности, статусные позиции, нормы и социальные взаимодействия, а организационные исследования показывают влияние управленческих практик на способы самоопределения работников [Шнейдер, 2001; Мухортова, 2015; Alvesson,

Willmott, 2002]. Актуальность проблематики усиливается трансформацией форм занятости и способов организации профессионального труда. Для социологии управления значим вопрос не только о том, как профессиональная идентичность формируется, но и о том, относительно каких социальных объектов происходит самоопределение работника и как различные основания идентификации соотносятся в управленческих отношениях. Цель статьи – определить содержание профессиональной идентичности как аналитической категории социологии управления и раскрыть значение ее референтного и процессуального аспектов.

Идентичность понимается как результат взаимодействия двух начал – психологического и социального, формирующийся в ходе развития личности и отражающий ее устойчивое самоопределение в социальной реальности. Это система самоотнесения личности, объединяющая психологическую целостность и социальную принадлежность.

В настоящей работе профессиональная идентичность понимается как относительно устойчивая, но способная к изменению конфигурация представлений работника о себе как о профессионале и своей принадлежности к профессиональной общности. Профессиональная идентификация в данном контексте обозначает процесс соотнесения себя с определенным референтным объектом, посредством которого идентичность формируется, поддерживается или изменяется.

Социальная обусловленность профессиональной идентичности предполагает различие уровней ее анализа. На микроуровне рассматриваются освоение профессиональных норм и представление человека о своем месте в профессиональной группе; на мезоуровне – профессиональная общность, кооперация, культура и модели поведения; на макроуровне – положение профессиональных групп и их взаимодействие с социальными институтами [Мухортова, 2015].

Различение уровней существенно и для операционализации. J. B. Barbour и J. C. Lammers показывают, что принадлежность, привязанность и профессиональные убеждения эмпирически различаются на нескольких уровнях анализа [Barbour, Lammers, 2015]. Следовательно, измерение профессиональной идентичности требует учитывать уровень, на котором рассматривается соответствующий показатель.

Для социологии управления особое значение имеет мезоуровень, где индивидуальное самоопределение соотносится с групповыми нормами и практиками совместной деятельности. На этом уровне профессиональная идентичность связана с социальными механизмами регулирования совместной деятельности [Тихонов, 2007]. Для ее анализа необходимо различать несколько референтных объектов самоопределения.

Подход к профессиональным группам как статусным образованиям и группам интересов, восходящий к веберовской традиции, рассматривает их как поддерживающие определенные статусные позиции, нормативные представления и профессиональные требования [Мансуров, Юрченко, 2009]. В социально значимых профессиях эти требования включают как формализованные этические нормы, так и неформальные ожидания профессионального окружения [Ермолаева, 2008]. Они не сводятся к нормам конкретной организации, хотя могут с ними пересекаться.

Другим объектом выступает организация. М. Alvesson и Н. Willmott рассматривают регулирование идентичности как одну из форм проявления организационного контроля: организация воздействует не только на поведение работников, но и на способы их самоопределения [Alvesson, Willmott, 2002]. Она задает образцы профессионализма, распределяет роли и оценивает деятельность, участвуя тем самым в формировании представлений работников о допустимых и желательных способах профессионального поведения.

Это воздействие не является односторонним. Работа над идентичностью предполагает активное конструирование, поддержание и пересмотр собственного самоопределения, поэтому организационные образцы могут приниматься, переопределяться или отвергаться [Alvesson, Willmott, 2002].

Профессия и организация не исчерпывают возможные референтные объекты. Так, Н. С. Vough различает идентификацию с профессией, организацией и рабочей группой. Идентификация с рабочей группой связана преимущественно с непосредственными отношениями и совместной деятельностью; с организацией – с ее идеологией, поддержкой и престижем; с профессией – с профессиональными образцами, привлекательностью профессиональной деятельности и профессиональными нормами [Vough, 2012]. Поэтому изменение идентификации с организацией не означает автоматического изменения идентификации с профессией.

Соотношение референтных объектов не является постоянным. Изменение форм занятости и способов организации труда влияет на среду профессиональной социализации. Так, precarious занятость характеризуется неопределенностью трудовых перспектив и нестабильностью социального положения работников [Тощенко, 2021]. Одновременно изменяются способы организации и контроля профессионального труда. Р. Н. Абрамов и А. В. Быков отмечают влияние изменений структуры занятости, развития цифровых платформ и управленческих методов на сложившиеся модели профессионализма. Институциональная идентичность профессий в этих условиях формируется в том числе в организационном и менеджерском контекстах [Абрамов, Быков, 2021].

Эти тенденции не означают вытеснения одного объекта самоопределения другим, но могут изменять условия их воспроизводства и относительную значимость. Поэтому различие идентификации с профессией, организацией и рабочей группой необходимо для анализа того, как различные социальные контексты соотносятся в профессиональном самоопределении работника.

Различие референтных объектов отвечает на вопрос, относительно чего работник определяет себя, но не раскрывает, каким образом профессиональное самоопределение формируется и изменяется. Процессуальную сторону феномена раскрывает понятие работы над идентичностью – интерпретативного процесса, посредством которого человек конструирует, укрепляет, поддерживает, пересматривает и перестраивает профессиональное самопонимание [Sveningsson, Alvesson, 2003; Reissner, Armitage-Chan, 2024].

На основе интегративного обзора 77 эмпирических исследований S. Reissner и E. Armitage-Chan выделяют четыре формы проявления такой работы [Reissner, Armitage-Chan, 2024].

Становление (becoming) описывает работу над идентичностью как обучение и развитие: освоение профессиональных знаний, навыков, моделей поведения и статуса, формирование ощущения себя профессионалом и принадлежности к профессии.

Соотнесение (aligning) представляет собой согласование собственных установок, ценностей, норм, поведения и профессионального самопонимания с внешними ожиданиями и требованиями профессиональной среды на протяжении карьеры.

Исследование (exploring) связано с определением того, каким профессионалом человек хочет быть: выбором специализации, роли, рабочей среды и подхода к профессиональной деятельности.

Затруднение (struggling) характеризует нарушение работы над идентичностью, способное препятствовать формированию осмысленного профессионального самопонимания. Его источником могут становиться разногласия ожиданий и реальности, ценностные конфликты или ограничения среды, не позволяющие реализовывать профессиональную роль желаемым образом.

Эти формы не являются последовательными стадиями. Reissner и Armitage-Chan отмечают возможность их сосуществования, хотя для аналитических целей рассматривают их раздельно [Reissner, Armitage-Chan, 2024].

Сопоставление типологии Reissner и Armitage-Chan с различием референтных объектов у Н. С. Vough позволяет учитывать две стороны профессионального самоопределения. Формы работы над идентичностью характеризуют то, каким образом профессиональное самопонимание формируется, поддерживается или изменяется,

тогда как референтные объекты показывают, с какими социальными общностями и нормативными ожиданиями этот процесс соотносится.

Эти аспекты не сводятся друг к другу. Например, работник может согласовывать свое профессиональное самоопределение с организационными ожиданиями и одновременно испытывать затруднение вследствие их рассогласования с нормами профессии. Совместный учет формы работы над идентичностью и референтного объекта позволяет анализировать подобные ситуации без сведения профессиональной идентичности к одному социальному контексту.

В контексте управления профессиональная идентичность проявляется в двух основных аспектах. Во-первых, она может выступать механизмом нормативной координации. Усвоенные нормы и ценности профессиональной группы регулируют профессиональное поведение и на групповом уровне связаны с кооперацией и солидаризацией [Мухортова, 2015]. Тем самым профессиональная идентичность может дополнять формальные механизмы регулирования совместной деятельности.

Во-вторых, профессиональная идентичность становится объектом управленческого воздействия. Через распределение ролей, практики оценки, организационные дискурсы и образцы профессионализма организация участвует в формировании способов самоопределения работников. Результат такого воздействия зависит от того, как работник соотносит организационные требования с профессиональными нормами и другими референтными объектами идентичности [Alvesson, Willmott, 2002].

Организационное регулирование может затрагивать разные референтные объекты самоопределения. Согласно Н. С. Vough, идентификация с профессией, организацией и рабочей группой опирается на различные основания, которыми работники объясняют свою привязанность к каждому из объектов [Vough, 2012]. Поэтому изменение одного вида идентификации нельзя автоматически интерпретировать как изменение другого. Для управленческого анализа поэтому существенно различать объект воздействия и те изменения профессионального самоопределения, которые рассматриваются как его результат.

Значимость различения профессиональных и организационных референтных объектов профессионального самоопределения проявляется в случаях, когда формальное исполнение роли расходится с ее нормативно-ценностным содержанием. Так, Е. П. Ермолаева связывает профессиональный маргинализм с сохранением внешних признаков профессиональной деятельности при утрате ее содержательных оснований [Ермолаева, 2001; Ермолаева, 2008]. Это показывает, что соответствие

организационным требованиям само по себе не свидетельствует о принятии профессиональных норм.

Заключение. В управленческих отношениях профессиональная идентичность выполняет двойственную роль. С одной стороны, она может выступать механизмом нормативной координации, поскольку связана с нормами профессионального сообщества, которые не сводятся к требованиям конкретной организации. В этом качестве она дополняет формальные механизмы регулирования совместной деятельности. С другой стороны, профессиональная идентичность становится объектом организационного воздействия, последствия которого могут затрагивать различные референтные объекты самоопределения.

Для управленческого анализа поэтому важно различать референтный объект, на который направлено воздействие, и тот, с которым связаны его последствия. Изменение идентификации с организацией само по себе не позволяет судить об изменении идентификации с профессией.

Помимо референтного объекта, изменение профессионального самоопределения характеризуется формой работы над идентичностью, в которой оно происходит. Совместный учет референтного и процессуального аспектов позволяет установить расхождение организационных требований и профессиональных норм там, где оно возникает. Формальное выполнение ролевых требований при этом не может рассматриваться как достаточное свидетельство принятия профессиональных норм.

Теоретический характер работы определяет ее ограничения. Предложенное сопоставление требует эмпирической проверки на действующих работниках, поскольку типология форм работы над идентичностью разработана преимущественно на материале первоначальной профессиональной подготовки [Reissner, Armitage-Chan, 2024].

References

1. Абрамов Р.Н., Быков А.В. Мир профессий в контексте труда и занятости: пандемическое и цифровое вертиго // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 3. С. 4-20.
2. Ермолаева Е.П. Профессиональная идентичность и маргинализм: концепция и реальность (статья первая) // Психологический журнал. 2001. Т. 22, № 4. С. 51-59.
3. Ермолаева Е.П. Психология социальной реализации профессионала. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. 347 с.

4. Мансуров В.А., Юрченко О.В. Социология профессий. История, методология и практика исследований // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 36-46.
5. Мухортова В.Н. Особенности социологического подхода к понятию «профессиональная идентичность» // Социум и власть. 2015. № 3 (53). С. 9-13.
6. Тихонов А.В. Социология управления. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2007. 472 с.
7. Тощенко Ж.Т. Публичный и приватный жизненный мир прекариата: основные черты и ориентиры // Социологические исследования. 2021. № 11. С. 24-36.
8. Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность: монография. М.: МОСУ, 2001. 256 с.
9. Alvesson M., Willmott H. Identity regulation as organizational control: producing the appropriate individual // Journal of Management Studies. 2002. Vol. 39, No. 5. P. 619-644.
10. Barbour J.B., Lammers J.C. Measuring professional identity: a review of the literature and a multilevel confirmatory factor analysis of professional identity constructs // Journal of Professions and Organization. 2015. Vol. 2, No. 1. P. 38-60.
11. Reissner S., Armitage-Chan E. Manifestations of professional identity work: an integrative review of research in professional identity formation // Studies in Higher Education. 2024. Vol. 49, No. 12. P. 2707-2722.
12. Sveningsson S., Alvesson M. Managing managerial identities: organizational fragmentation, discourse and identity struggle // Human Relations. 2003. Vol. 56, No. 10. P. 1163-1193.
13. Vough H.C. Not all identifications are created equal: exploring employee accounts for workgroup, organizational, and professional identification // Organization Science. 2012. Vol. 23, No. 3. P. 778-800.

CONCLUSION

Issue No. 9(1) of the *International Journal of Professional Science* demonstrates the complexity and interconnectedness of the processes shaping the development of modern society. The studies presented cover a wide range of topics—from the transformation of artistic works and media genres to improvements in corporate reporting, educational technologies, legal mechanisms, psychological support, and work organization.

The unifying theme of this issue is the need for a comprehensive approach to examining professional activity and societal transformations. Technological innovations cannot be viewed in isolation from their ethical, legal, and social consequences; economic efficiency must be balanced with environmental responsibility; educational models must align with real-world professional tasks; and organizational decisions must take human well-being into account.

The published materials hold both theoretical and practical significance, making them valuable resources for researchers, educators, students, managers, economists, legal professionals, psychologists, and social sector specialists. The conclusions and approaches presented by the authors lay the groundwork for further research, professional discourse, and the development of practical recommendations.

Issue No. 9(1) of the *International Journal of Professional Science* continues to serve as an interdisciplinary platform for presenting research findings and exchanging professional expertise. The issue's thematic diversity fosters scientific dialogue, facilitates connections between various fields of knowledge, and supports the search for well-founded solutions that address the pressing needs of both academia and professional practice.

With best wishes and warm regards,
Editor-in-Chief
International Journal of Professional Science
Krasnova N.A.

Electronic scientific editions

International journal of Professional Science

international scientific journal
№9(1)/2026

Please address for questions and comments for publication as well as suggestions
for cooperation to e-mail address mail@scipro.ru

Format 60x84/16. Conventional printed
sheets 17,4
Circulation 100 copies
Scientific public organization
“Professional science”